ФИЛОСОФ С ПАПИРОСОЙ В ЗУБАХ

ФАИНА РАНЕВСКАЯ

ВЕСЬ XX ВЕК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

За свою долгую жизнь Фаине Георгиевне Раневской (1896–1984) так и не удалось сыграть ни одной великой роли мирового репертуара. По пальцам можно перечесть все ее экранные и театральные работы. Но и они сделали ее великой. Недаром редакционный совет Британской энциклопедии «Who is who» («Кто есть кто») включил Раневскую в десятку самых выдающихся актрис XX столетия.

Фаина Георгиевна была уникальной, парадоксально мыслящей личностью и прославилась своими искрометными высказываниями, многие из которых стали крылатыми. А жизнь гениальной актрисы, полная невероятных случаев и встреч, давно уже воспринимается как байка.

- Фаина Георгиевна Раневская
  - Глава первая
    - Дочь бедного нефтепромышленника
    - Похоронные принадлежности
    - «Забирайте все!»
    - «Совершенная бездарь»
    - Женщина-театр
    - Великая соблазнительница
    - Легче пуха
    - Крашеная лиса
    - Загадка фамилии
    - Седовласый мальчик
    - Счастливый обморок
    - Незабываемый пирог
    - Колумб, председатель месткома
    - Фанни из перефилии
    - «Я так любила Вас весь вечер…»
    - Все мужчины таковы
    - Первое свидание
    - Амур был в стельку пьян
    - Гусарское достоинство
    - Неизвестный Горький
    - В поисках святого искусства
    - Диагноз: психопатка
    - Правда-матка
    - Адский комбинат
    - Не имей сто рублей
    - Уличная слава

- Товарищ, которая «всегда разная»
- Хулиган Брежнев
- Экскурсия в баню
- Исторические бусы
- Спекулянтка Муля
- У каждого свой Муля
- Дуэль нашего времени
- Агент Дантеса
- С Пушкиным на дружеской ноге
- Прополка сорняков в поэзии
- Всенародная бабушка
- Гениальная отсебятина
- Диалектика или смерть!
- Яркие семитские черты
- Терпкий талант
- Живое чудо
- Напугала классика
- Сосланный Бог
- Тридцать сребреников
- Простите, миледи!
- Дело в юбке
- Реабилитация яиц
- Немузыкальная фамилия
- Не наша идея
- Опасный номер
- За кремлевскими зубцами
- Смельчак
- Осторожно, г…!
- Даная с папироской
- Вышла из положения
- Крайняя мера
- Красная Шапочка и математика
- Черным по белому
- Днем с огнем
- Приспичило
- Выкрутилась
- Над хлебом и зрелищем
- Скромный гений
- Чистая лирика
- Логово, или Иллюзия императорской жизни
- Париж — это провинция
- Друга любить — себя не щадить
- Страшно отомстила
- Святые деньги

- Не тот день
- Лучше роль, чем ордер на галоши
- В халате на «Красной стреле»
- Выручила
- Дон Кихот в юбке
- Большой ребенок
- Страшная вещь — воспоминания друзей
- Напор красоты
- Роль яиц в творчестве
- Приговор халтуре
- Все выше, выше и выше!
- Сама себе режиссер
- Геноссе Завадский
- «Шо грыте?»
- Изгнание из храма Мельпомены
- Мессы в борделе
- Песенка про грудную жабу
- «Освенцим Раневской»
- Гертруда и ЗасРаКа
- Двойня от Завадского
- Прижизненный некролог
- Как дружить «за» и «против»
- Люб и Фей
- Клизма от Орловой
- Гена в мраморе
- Дочка с бородой
- Крики во сне
- «Надежда нашей сцены»
- Иду курю
- Театр кончается вешалкой
- В партере
- Леденцы взамен обеда
- Какие наши годы!
- «Провокаторша»
- Зритель всегда прав
- Бедная Лиза
- Последний котелок Москвы
- Бесстыжая моль
- Каторга, а не работа
- Благоговение перед жизнью
- Собачья нянька
- VIP, или Очень Важная Персона
- Приступ вегетарианства
- Смысл куриной жизни

- Цыпленок жареный
- Поделилась
- Любимые пруссачки
- Устроила новый аттракцион
- Не задавайте дежурных вопросов
- Пора отрабатывать?
- За Мадонну ответишь!
- Холодильник с бородой
- На обед, как на аборт
- В аду веселей
- Так им и надо
- Убийственный комплимент
- Крах иллюзий
- Престарелая Офелия
- Граница нараспашку
- Аристократ
- Лучшее средство от бессонницы
- Грешная память
- Точки над «i»
- Безумный день женитьбы Фигаро
- Второе дыхание
- Напросилась
- Верх неприличия
- Интим с Онегиным
- Великий и могучий
- Перепутал
- Кандидатура «что надо»
- Невестка-кардинал
- Большая ж…, или Закон Архимеда
- Нежеланный поклонник
- Приговор телевизору
- Не дурак, а Дуров
- Случай во Львове
- Сумасшедший успех
- Еврей и курица
- Упавшая звезда
- Один недостаток: скромность
- Неуловимое сходство
- Любовь и без наркоза?
- Краткость — сестра Фаины
- Сила мысли
- Давно уже не женщина
- Кокотка
- На балкон, как в космос

- Имени Анны Карениной
- Присела отдохнуть
- Слово не для женских ушек
- Одна сатана
- С южным акцентом
- Подделка лучше оригинала
- Болван у входа
- Половые различия
- Роялти с телеграмм
- Универсальный огурчик
- Прощай, свобода!
- Актриса для бедного класса
- Халатное отношение
- Оценила по достоинству
- Стол и стул
- Отшила
- Дума о кенгуру
- Каков вопрос, таков ответ
- Симуляция здоровья
- Крупская на диете
- Продавец-исследователь
- Ошибка природы
- Комплимент на все сто
- Самое трудное в жизни
- Гуд бай, общепит!
- Бог И КПСС
- Загадка человека
- Вольному воля
- Рецепт ее молодости
- Слово из пяти букв
- Выгодная страховка
- Дважды два
- Эротический чих
- Достойный ответ
- Не смешно
- Дала на чай
- Стучите ногами
- Успокоила
- Олимпийское изобилие
- Подбодрила
- Жертва Херасимы
- Веские обстоятельства
- Не поняла
- Предварительные ласки

- Совсем не изменилась
- Жутко не повезло
- Какая власть, такой и Автопром
- Умственная работа
- Само совершенство
- Маркс и Венера
- Великий исход
- Форменное побоище
- Важная часть тела женщины
- Какие ноги пропали!
- Прихлопнула
- Мымра в шляпе
- Утром — кекс, вечером — секс
- Кукольный развод
- Все, как и просили…
- Итальянский дворик
- Эх, молодость!
- Дыша Пушкиным
- Сопли в сахаре
- Член с большой буквы
- Прогресс в медицине
- Волоком по двору
- Вот и вся любовь
- Слова, слова, слова
- Блистательный некролог
- Вспомнила
- На пенсии
- Не надо обольщаться
- Кошмар со всеми удобствами
- 17-я пробирка
- По одной
- Без суфлера
- Любовь и склероз
- Подарок врачам
- Чудо-доктор
- Скромность — венец величия
- Умерла от отвращения

○ Глава вторая
- О жизни
- О себе
- О здоровье и болезнях
- О старости и одиночестве
- О мужчинах и женщинах
- О мемуарах

        - О театре и творчестве
        - О таланте
        - О режиссере Завадском
        - Об актерах
        - О кино
        - Зверье мое
        - Tutti-frutti
        - О людских пороках
    - Приложение
    - Иллюстрации
- notes
    - 1

Фаина Георгиевна Раневская
Философ с папиросой в зубах

Глава первая
БАЙКИ И ФАКТЫ

Дочь бедного нефтепромышленника

Настоящая фамилия Фаины Раневской — Фельдман. И даже отчество у нее — не Георгиевна. Отец Фаины — Гирши Хаймович Фельдман — был весьма состоятельным человеком: владельцем нефтяных промыслов и фабрики сухих красок, 348-местного пассажирского парохода «Святой Николай», нескольких домов и магазина в Таганроге. Их семья жила в этом цветущем приморском городе в большом двухэтажном доме из красного кирпича. «У моего отца был даже собственный дворник, не только пароход…» — не без гордости вспоминала актриса. Понятно, в детстве Фанни Фельдман ни в чем не нуждалась. В доме за детьми, кроме горячо любящей матери, присматривали бонны и гувернантки.

Раневская рассказывала, что когда уже в советские времена ей предложили написать автобиографию, она начала ее так: «Я — дочь небогатого нефтепромышленника…» Это звучало как насмешка: можете ли вы представить себе бедного нефтепромышленника? Понятно, дальше этой фразы дело с автобиографией не пошло…

…С приходом Октябрьской революции беззаботная жизнь с отдыхом на лучших заграничных курортах и нарядами из Парижа и Вены канула в Лету. В конце 1917 года, не дожидаясь еврейских погромов, Фельдманы уплыли на «Святом Николае» в Турцию. Фаина же, единственная из семьи, эмигрировать из России наотрез отказалась. Совсем молодая она отважилась остаться на родине одна — без близких, без денег, ибо «не мыслила своей жизни вне русского театра, лучше которого в мире нет». Но главным, по признанию актрисы, было то, что она не могла «оставить землю, где похоронен Пушкин и где каждое дуновение ветра наполнено страданием и талантом твоих предков!»

— Это ощущение родины — моя жизнь, — записала она в своем дневнике.

В послереволюционной России Раневская страшно бедствовала. Рассказывают, в какой-то момент она, скрепя сердце, вынуждена была обратиться за помощью к нынешнему нэпману, в прошлом деловому партнеру своего отца.

Но советский буржуй деликатно отказал ей: «Извините, сударыня, но поймите меня правильно: дать в долг дочери самого Фельдмана мало я не могу. А много — при нынешней власти у меня уже нет…»

Похоронные принадлежности

В старости Фаина Георгиевна часто вспоминала свое детство: «В пять лет была тщеславна, мечтала получить медаль за спасение утопающих… У дворника на пиджаке медаль, мне очень она нравится, я хочу такую же, но медаль дают за храбрость, — объясняет дворник. Мечтаю совершить поступок, достойный медали. В нашем городе очень любили старика, доброго, веселого, толстого грузина-полицмейстера. Дни и ночи мечтала, чтобы полицмейстер, плавая в море, стал тонуть, и чтобы я его вытащила, не дала ему утонуть и за это мне дали медаль, как у нашего дворника».

И мечта Раневской сбылась. Почти. Каких только правительственных премий и званий она была не удостоена при жизни! В частности, Фаина Георгиевна стала народной артисткой СССР, трижды лауреатом Сталинской премии (1949, 1951, 1952), кавалером орденов «Знак Почета» (1947), Трудового Красного Знамени (1950, 1967) и Ленина (1976). Только вот медали за спасение утопающих на ее столь богатом иконостасе не было…

Когда уже в преклонном возрасте Раневская получила новую квартиру, друзья предложили помочь ей перевезти немудреный скарб. Причем, посоветовали переезжать затемно, дабы соседи не узрели, как бедно живет всенародно любимая актриса. На что Фаина Георгиевна заявила: «Ничего, народ поймет!»

После переезда друзья расставили мебель, разложили вещи по местам и уже собирались уходить, как вдруг Фаина Георгиевна, схватившись за сердце, обеспокоенно заохала:

— Бог ты мой, а где же мои похоронные принадлежности?! Друзья мои, куда вы сунули мои похоронные принадлежности? Я уже давно дышу на ладан, и они могут понадобиться в любую минуту! Не уходите же, разыщите их — я потом сама ни за что не найду!

Все бросились на поиски этих «похоронных принадлежностей», не совсем понимая, что же, собственно, нужно искать. И вдруг Раневская радостно воскликнула:

— Какое счастье, они нашлись, мои посмертные причиндалы!

И с гордостью продемонстрировала всем скромную картонную коробку, видимо, из-под обуви, где хранились ее многочисленные дорогие ордена и медали. На коробке было нацарапано рукой самой Фаины Георгиевны: «Похоронные принадлежности Ф. Г. Раневской».

«Забирайте все!»

Фаина росла очень сентиментальной, впечатлительной девочкой. Возможно, эти черты она унаследовала от своей матери Милки Рафаиловны — натуры экзальтированной, поклонницы литературы и искусства, страстной почитательницы таланта своего таганрогского земляка А. П. Чехова. Узнав из газеты о смерти в Баденвейлере обожаемого ею Антона Павловича, она несколько часов проплакала навзрыд… Милка Рафаиловна старалась пробудить в детях чувство прекрасного, прививая им любовь к классической музыке, театру, хорошим книгам…

…Однажды в возрасте одиннадцати-двенадцати лет Фаина впервые увидела фильм «в красках» (техники цветного кино тогда не было, скорее всего, пленка была раскрашена вручную, как флаг в «Броненосце «Потемкине» Эйзенштейна). Это была сцена страстного свидания возлюбленных из «Ромео и Джульетты». Невозможно описать восторг девочки. После фильма ей непременно хотелось совершить что-то большое, необычное. Как рассказывала сама Раневская, в совершеннейшем экстазе от увиденного на экране, она кинулась к своему сокровищу — копилке в форме фарфоровой свиньи, наполненной собранными за многие месяцы монетами (это была родительская плата за то, что девочка мужественно пила ненавистный рыбий жир)… Фаина схватила копилку и без сожаления разбила ее об пол. Все деньги Фаина раздала бедным соседским детям. «Берите, берите, мне ничего не нужно…» — как заклинание повторяла она.

Уже в глубокой старости Раневская, вспоминая этот случай из далекого детства, с грустью записала в своем дневнике: «И сейчас мне тоже ничего не нужно — мне 80. Даже духи из Парижа, мне их прислали, — подарок друзей. Теперь перебираю в уме, кому бы их подарить… Экстазов давно не испытываю. Жизнь кончена, а я так и не узнала, что к чему».

«Совершенная бездарь»

В отличие от своей старшей сестры — симпатичной и общительной Беллы — Фаина в юности была малопривлекательной, застенчивой, неуклюжей. Одним словом — настоящим гадким утенком. Судя по высказываниям самой Раневской, она не чувствовала себя счастливой даже в благополучном родительском доме: «Мне вспоминается горькая моя обида на всех окружавших меня в моем одиноком детстве…»

Трудно понять, почему, живя в добропорядочной, состоятельной буржуазной семье, где у нее были еще старшие брат и сестра, любящая мать, девочка чувствовала себя незаслуженно обиженной и одинокой. Возможно, причина ее повышенной ранимости — легкое заикание, которым она страдала от рождения. При волнении заикание заметно усиливалось. Боясь насмешек, Фаина избегала сверстников, ни с кем не дружила, прогуливала уроки.

Учеба в женской Мариинской гимназии давалась Фаине с большим трудом. Она отставала по большинству предметов. «Училась плохо, арифметика была страшной пыткой. Писать без ошибок так и не научилась. Считать тоже. Наверное, потому всегда, и по сию пору, вечно без денег…» — признавалась впоследствии Раневская. В назидание учителя даже вручили нерадивой ученице медальон с надписью: «Лень — мать всех пороков», который будущая актриса с некоторым вызовом носила. В итоге Раневская вынуждена была заниматься на дому, прибегнув к услугам гувернантки.

Единственное, что Фаину по-настоящему увлекало — это книги. Читала она запоем. А еще эту заикающуюся, долговязую, рыжеволосую провинциальную девицу безумно манила сцена!

«Простые люди только могли мечтать о театре, а взбалмошные сыновья и дочери обеспеченных родителей, вроде меня, стремились зачем-то попасть на сцену — с жиру бесились, как сказал бы наш дворник», — рассказывала Фаина Георгиевна.

Ничто не могло поколебать ее стремления стать актрисой. Ни саркастический совет отца почаще и повнимательнее смотреть на себя в зеркало: «Сложно вообразить себе Офелию с таким носом!» Ни то, что ни в одну из известных театральных школ ее не приняли, как она сама признавалась, «по неспособности» и из-за плохих внешних данных. На одном экзамене у нее даже случился обморок после убийственного вердикта преподавателей: «Девушка! У вас на лице написана профессиональная непригодность!..»

Известно, что в 1915 году Раневская пришла к директору одного из подмосковных театров с «рекомендательным письмом» от его давнего знакомого, известного антрепренера. На самом же деле тот просил друга деликатно «послать» куда подальше подательницу сего письма. Антрепренер писал, что эта дамочка и театр — две вещи несовместные и поэтому нужно каким-то тонким намеком объяснить глупышке, что делать ей на сцене нечего и абсолютно никаких перспектив у нее нет. Сам же он отговорить упрямицу от актерской карьеры не смог, потому и обращается за помощью к другу. «Это совершенная бездарь», — звучал окончательный приговор антрепренера.

Женщина-театр

«Профессию я не выбирала, — говорила Фаина Георгиевна, — она во мне таилась». Еще в детские годы ей нравилось изображать совершенно разных людей. Актриса записала в дневнике: «… Испытываю непреодолимое желание повторять все, что делает дворник. Верчу козью ножку и произношу слова, значение которых поняла только взрослой. Изображаю всех, кто попадается на глаза… Актрисой себя почувствовала в пятилетнем возрасте. Умер маленький братик, я жалела его, день плакала. И все-таки отодвинула занавеску на зеркале — посмотреть, какая я в слезах…»

Путь Раневской к актерскому признанию был долг и тернист. Вначале Фанни пришлось поработать статисткой во второсортных антрепризах и в цирковой массовке. Потом в жизни молодой Раневской были десятки провинциальных сцен, сотни мелких и крупных разноплановых ролей, сыгранных на них.

В 1918 году Фаина Георгиевна познакомилась в Ростове-на-Дону с известной актрисой Павлой Леонтьевной Вульф, которую за яркий талант величали «провинциальной Комиссаржевской». Каким-то чутьем, распознав в долговязой рыжухе талант, та взяла ее в свою семью, стала обучать актерскому ремеслу. На прослушивании Павла Леонтьевна сказала Фаине: «Мне думается, вы способная, и я буду с вами заниматься». Уроки Вульф стали, по сути дела, единственной «театральной школой» Раневской. Фаина Георгиевна помнила до последнего дня слова Павлы Леонтьевны: «Как только ты придешь в экстаз от себя на сцене, то ты больше не актриса».

«Я поняла, каким счастьем была для меня встреча с моей незабвенной Павлой Леонтьевной, — писала Фаина Георгиевна уже в глубокой старости. — Она во мне воспитала человека, воспитала актрису. Она научила трудиться, работать, работать, работать… Умирая, она поцеловала мне руку, сказала: «Прости, что я тебя воспитала порядочным человеком».

…Долгие годы Фаина и Павла проживут вместе, вместе будут играть в спектаклях, вместе колесить по стране. Города мелькали с калейдоскопической быстротой: Феодосия, Евпатория, Симферополь, Баку, Тифлис, Смоленск, Ярославль, Архангельск… За шесть лет работы на юге России Раневская сыграла более 200 (а по некоторым данным, все 250!) ролей в пьесах Чехова, А. Островского, Л. Толстого, Гоголя, Горького, Шекспира, Ибсена… Среди них и героини, и комические старухи, и гоголевская сваха и другие, в основном, острохарактерные роли, а

также чеховские героини сатирического плана. 200–250 ролей — по сегодняшним меркам — фантастический показатель, но для гастролеров тех лет — заурядное явление. Во многих провинциальных театрах начала XX столетия производство спектаклей напоминало конвейер — умельцы выдавали по две-три премьеры в неделю. Артисты не пытались даже худо-бедно заучивать текст, целиком полагаясь на подсказки суфлера. О том, что необходимо вживаться в образ, никто и не думал. А режиссерское участие в постановках ограничивалось, как правило, лишь контурным построением мизансцен. «Выручали штампы, штампы личные, индивидуальные, присущие тому или другому актеру, штампы общие, штампы амплуа, — писала в своей книге «В старом и новом театре» Павла Вульф. — Разнообразные роли, которые приходилось играть актеру провинции, не спасали… Сознать и побороть в себе рождающегося ремесленника редко кто мог. Работать над собой, заниматься самоочищением не всякому дано».

Но Фаина Георгиевна была редким исключением из общего актерского правила. Халтурить она никогда не умела, штампами, по ее словам, «никогда не подличала». Каждой, даже пустячной роли она отдавала себя целиком… Хотя тот шестилетний период своей жизни, всегда беспощадно самокритичная Раневская, называла «бесцветным», это было совсем не так… Да, начинающая актриса играла в захолустных, провинциальных театрах, но именно в них она постигала тайны сценического искусства, приобретала бесценный опыт, оттачивала свое актерское мастерство.

В конце концов, Раневская стала… настоящей театральной труппой в одном лице. Выдающийся актер, впоследствии ее любимый партнер по сцене, Осип Абдулов говорил: «Фаина — и героиня, и травести, и гранд-кокет, и благородный отец, и герой-любовник, и фат, и простак, и субретка, и драматическая старуха, и злодей. Все амплуа в ней одной. Раневская — характерная актриса?! Чепуха! Она — целая труппа!»

О широте актерского диапазона Раневской восторженно писал замечательный драматург Евгений Габрилович: «Чего только актерски не воспроизводила она, вот так, ненароком, вскользь, по пути! И мимоходные встречи на улице, в магазине, в автобусе, на собрании и вдруг, нечаянно, сразу что-то совсем другое, давно прошедшее, из жизни актерской провинции, в миг — из юности, какой-то каток, и снег, и бегущие санки, и тут же о прачке, которая вчера стирала белье… Это была игра, десятки быстро сверкавших, быстро мелькавших миниатюр, где Фаина Георгиевна была то кондуктором, то продавщицей, то старухой на

передней скамье автобуса, то младенцем рядом, на той же скамье, была прогоревшим антрепренером, восторженной гимназисткой, пьяным суфлером, милиционером, продавцом пирожков, адвокатом и каким-то юнкером или подпоручиком, в которого она была в юности влюблена и для которого зажарила как-то индейку, украсила ее серпантином и бумажным венком. Игра переполняла ее, актерское естество бушевало в ней, билось наружу, не утихая ни на мгновение…»

Сама Раневская шутливо утверждала, что могла бы сыграть абсолютно любого персонажа, кроме Ленина, просто потому, что из-за своей природной «косолапости» точно бы рухнула с броневика.

Великая соблазнительница

Свой первый в жизни профессиональный контракт Раневская заключила в Керчи с театральной труппой мадам Лавровской. Трудно поверить, но амплуа нескладной, длинноносой актрисы значилось как «гранд-кокет» («la grande coquette» в переводе с французского — соблазнительница, большая кокетка). Ей предложили роль с пением и танцами за 35 рублей в месяц, но «со своим гардеробом». Гордая тем, что у нее в кармане лежит первый настоящий контракт и чувствуя себя неотразимой прелестницей, Фаина решила в свой первый трудовой день пройтись по Керчи до театра пешком — показать себя и на других посмотреть. Долговязая рыжая девица шла, кокетливо покачивая бедрами и стреляя глазками. Ей нравилось, что мужчины на улице оглядываются на нее, провожают долгими взглядами, перемигиваются. По словам Раневской, она возомнила, что в этом замечательном городе «у самого синего моря» умеют по-настоящему ценить истинную красоту, и здесь ее ждет триумф. Увы! Когда наша гранд-кокет пришла в театр, коллеги разъяснили ей, чем в действительности вызван повышенный интерес к ее персоне со стороны мужского населения Керчи. Оказалось, сзади у Фаины предательски расползлась юбка, открывая завлекающий вид на ее кружевное белье.

Легче пуха

В свой первый театральный сезон в Крыму Фаина Георгиевна играла в пьесе А. И. Сумбатова-Южина кокетку, соблазняющую молодого красавца. Действие происходило в горах Кавказа. Раневская стояла на декорации, изображавшей гору, и говорила слащаво-нежным голосом: «Шаги мои легче пуха, я умею скользить как змея…» После этих слов она должна была грациозной летящей походкой пройтись по сцене, но неловко зацепилась за декорацию и упала вместе с ней на своего партнера по спектаклю, чуть не покалечив его. Несчастный, еле поднявшись на ноги, матерясь и стеная, угрожал оторвать актрисе голову. Зато зал захлебывался от восторга…

Придя домой, Раневская дала себе слово уйти со сцены.

Слава богу, этого не случилось.

Крашеная лиса

Поскольку роли в Керченском театре у молодой Раневской были «со своим гардеробом», актрисе все труднее было придумывать, в чем каждый раз выходить на сцену, чем украсить свой убогий театральный наряд. Ее когда-то роскошная горжетка из белой лисы стала грязновато-серой. К тому же она была изрядно побита молью. Тогда Раневская решила самостоятельно покрасить заношенную вещицу черными чернилами. Как говорится, голь на выдумки хитра! Когда горжетка высохла, она, по уверениям актрисы, стала настоящей чернобуркой, не отличишь. На сцену в тот день Раневская вышла как королева: в элегантном светлом платье, с небрежно наброшенной на плечи шикарной лисой. Играли комедию «Глухонемой». Все шло как обычно. Но когда Раневская по ходу пьесы кокетливо распахнула горжетку, ее партнер актер Ечменев вдруг побледнел от ужаса и чуть не бухнулся в обморок. Оказалось, шея Раневской приняла радикально черный цвет: крашеная лисица на ней непрестанно линяла. В зале начал нарастать хохот, не предусмотренный драматургией пьесы. Экстремистский цвет шеи Раневской был хорошо различим даже с галерки… Словом, публика веселилась от души, а с подругой и педагогом Раневской Павлой Вульф, сидевшей в ложе, случилось нечто вроде истерики…

Смех смехом, а пережив такой позор, Фаина Георгиевна опять стала всерьез подумывать об уходе со сцены.

Загадка фамилии

Работа в Керчи у Раневской не задалась — почему-то публика не оценила по достоинству ни ее актерское старание и кунштюки, ни творческие поиски театральной труппы мадам Лавровской. Неудачи следовали одна за другой с неотвратимой фатальностью…

Надо сказать, что даже происхождение сценического псевдонима Фаины Георгиевны, позже ставшего ее официальной фамилией, — Раневская, также связано с одним довольно грустным случаем. Однажды в Керчи наша героиня шла из театра на гору Митридат с неким «опытным трагиком». По пути Фаина решила зайти в банк (ее мать Милка Рафаиловна иногда тайком от прижимистого мужа Гирши Хаймовича ухитрялась слать дочери из-за границы денежные переводы). И надо же такому было случиться! Когда они со спутником выходили из массивных банковских дверей, нескладная Фаина споткнулась о ступеньку и выронила из рук присланные деньги. Сильный порыв ветра подхватил и понес разноцветные купюры по улице… Увы, их было уже не догнать… А Фаина Георгиевна, следя за улетающими банкнотами, лишь философски вздохнула:

— Денег жаль, зато как красиво они улетают!

— Да ведь вы совсем как Раневская из «Вишневого сада»! — воскликнул ее спутник. — Только Любовь Андреевна Раневская с ее «я всегда сорила деньгами» могла так сказать! Раневская — самый подходящий для вас псевдоним!

Так и прилепилась к ней фамилия чеховской героини.

Надо сказать, творчество Антона Павловича покорило Фаину еще в детстве. Вот что писала она в своем дневнике: «Говорят, любовь приходит с молоком матери. У меня пришла со «слезами матери». Мне четко видится мать, обычно тихая, сдержанная, — она громко плачет. Я бегу к ней в комнату, она уронила голову на подушку, плачет, плачет, она в страшном горе. Я пугаюсь и тоже плачу. На коленях матери — газета: «…вчера скончался А. П. Чехов». В газете — фотография человека с добрым лицом. Бегу искать книгу Чехова. Нахожу, начинаю читать. Мне попалась «Скучная история». Я схватила книгу, побежала в сад, прочитала всю. Закрыла книжку. И на этом закончилось мое детство. Я поняла все об одиночестве человека».

Любовь к Антону Павловичу Фаина Георгиевна пронесла через всю жизнь. И, конечно, решение взять фамилию одной из самых знаковых чеховских героинь возникло у нее вполне осознанно, а не по воле слепого случая. Настоящее потрясение

она испытала в 1913 году, когда совсем юной девушкой побывала на спектакле «Вишневый сад» Московского Художественного театра, где играли звезды тех лет…

«У нас с чеховской героиней есть что-то общее, далеко не все, совсем не все…» — говорила Фаина Георгиевна. И вспоминая о том случае с унесенными деньгами, произошедшим с ней в самом начале ее театральной жизни, с улыбкой добавляла: «В действительности, я — Раневская потому, что все роняю».

Седовласый мальчик

«Я — выкидыш Станиславского», — иронично говорила про себя Раневская. Константина Сергеевича она боготворила: «В нашем деле он такое же чудо, как Пушкин в поэзии». В годы Первой мировой войны Фаина Георгиевна жила в Москве и смотрела по нескольку раз все спектакли, шедшие в то время в Художественном театре, и прежде всего те, в которых играл Станиславский.

Уже в преклонном возрасте Раневская записала в своем дневнике: «Система», «система», а каким был Станиславский на сцене, не пишут, — не помнят или перемерли, а я помню, потому что такое не забывается до смертного часа. И теперь, через шесть десятков лет, он у меня перед глазами, как Чехов, как Чаплин, как Шаляпин. Я люблю в этой жизни людей фанатичных, неистовых в своей вере. Поклоняюсь таким. Сейчас театр — дерьмо, им ведают приказчики, а домработницы в актрисы пошли. Как трудно без них дома, как трудно с ними в театре».

…Как-то весенним днем 1915 года Фаина шла в Москве по Леонтьевскому переулку, и ее нагнала пролетка, в которой сидел седовласый красавец Станиславский. Переполненная восхищением от встречи с кумиром, начинающая актриса закричала ему: «Мой мальчик!» А ведь к тому времени Константину Сергеевичу было уже за 50! Растроганный столь необычным комплиментом, основатель Художественного театра привстал со своего места и, повернувшись спиной к кучеру, дружески помахал экстравагантной поклоннице рукой.

Счастливый обморок

Судьба подарила Фаине Георгиевне дружбу с великим драматическим актером Василием Ивановичем Качаловым. А их знакомство произошло при весьма нелепых обстоятельствах. Фаина Георгиевна писала: «Родилась я в конце прошлого века (XIX. — *Ред.*), когда в моде еще были обмороки. Мне очень нравилось падать в обморок, к тому же я никогда не расшибалась, стараясь падать грациозно.

С годами это увлечение прошло.

Но один из обмороков принес мне счастье, большое и долгое. В тот день я шла по Столешникову переулку, разглядывая витрины роскошных магазинов, и рядом с собой услышала голос человека, в которого была влюблена до одурения. Собирала его фотографии, писала ему письма, никогда их не отправляя. Поджидала у ворот его дома…

Услышав его голос, упала в обморок. Неудачно. Сильно расшиблась. Меня приволокли в кондитерскую, рядом. Она и теперь существует на том же месте. А тогда принадлежала француженке с французом. Сердобольные супруги влили мне в рот крепчайший ром, от которого я сразу пришла в себя и тут снова упала в обморок, так как этот голос прозвучал вновь, справляясь, не очень ли я расшиблась.

Прошло несколько лет. Я уже стала начинающей актрисой, работала в провинции и по окончании сезона приезжала в Москву. Видела длинные очереди за билетами в Художественный театр. Расхрабрилась и написала письмо: «Пишет Вам та, которая в Столешниковом переулке однажды, услышав Ваш голос, упала в обморок. Я уже начинающая актриса. Приехала в Москву с единственной целью — попасть в театр, когда Вы будете играть. Другой цели в жизни у меня теперь нет. И не будет».

Письмо помню наизусть. Сочиняла его несколько дней и ночей. Ответ пришел очень скоро. «Дорогая Фаина, пожалуйста, обратитесь к администратору, у которого на Ваше имя 2 билета. Ваш В. Качалов».

С этого вечера и до конца жизни изумительного актера и неповторимой прелести человека длилась наша дружба. Которой очень горжусь».

Незабываемый пирог

Как вспоминала Фаина Георгиевна, в самые тяжелые, голодные годы «военного коммунизма» ее в числе других молодых актеров пригласила к себе домой для прослушивания новой пьесы одна весьма зажиточная авторша. Странно было видеть в ту суровую пору эту заплывшую жирком, кругленькую, как колобок тетушку! Шатаясь от голода, в надежде на возможность хотя бы «заморить червячка», Раневская потащилась в гости (упитанная авторша обещала, что после прослушивания ее «нетленки» обязательно будет чай с вкуснейшим пирогом!) Пьеса оказалась не только бездарной и нудной, но к тому же состояла из целых пяти длиннющих актов. Содержание сего опуса Фаина Георгиевна помнила смутно: кажется, в ней что-то говорилось о Христе, который ребенком гулял в Гефсиманском саду. В комнате пахло свежей выпечкой, и это просто сводило с ума голодных слушателей. Фаина люто возненавидела толстую авторшу, которая очень подробно, с пространными ремарками описывала прогулки сына Божьего. К тому же во время чтения самых драматических моментов она рыдала и пила валерьянку. Терпение молодых актеров, наконец, лопнуло: не дослушав пьесу, все рванули на кухню, откуда разносился аппетитный запах. Дама продолжала рыдать и сморкаться даже во время чаепития. (Кстати, увиденное и услышанное в тот день, впоследствии помогло Фаине Георгиевне выразительно сыграть рыдающую сочинительницу в инсценировке рассказа А. П. Чехова «Драма».)

Финал истории был печальным. Пирог оказался с морковью, которую Фаина Георгиевна с детства терпеть не могла. Словом, это была самая несъедобная, самая отвратительная, самая неподходящая начинка для пирога, какую только можно вообразить!

По словам Раневской, ей было так обидно, что хотелось плакать.

Колумб, председатель месткома

Фаина Георгиевна в своем дневнике описывает грустно-забавный случай, произошедший с ней в Крыму в годы Гражданской войны.

«…Почему-то вспоминается теперь, по прошествии более шестидесяти лет, спектакль-утренник для детей. Название пьесы забыла. Помню только, что героем пьесы был сам Колумб, которого изображал председатель месткома актер Васяткин. Я же изображала девицу, которую похищали пираты. В то время, как они тащили меня на руках, я зацепилась за гвоздь на декорации, изображавшей морские волны. На этом гвозде повис мой парик. Косы поплыли по волнам. Я начала неистово хохотать, а мои похитители, увидев повисший на гвозде парик, уронили меня на пол. Несмотря на боль от ушиба, я продолжала хохотать. А потом услышала гневный голос Колумба — председателя месткома: «Штраф захотели, мерзавцы?» Похитители, испугавшись штрафа, свирепо уволокли меня за кулисы, где я горько плакала, испытав чувство стыда перед зрителями. Помню, что на доске приказов и объявлений висел выговор мне, с предупреждением.

Такое не забывается, как и многие-многие неудачи моей долгой творческой жизни».

Фанни из перефилии

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая театральная судьба Раневской, если бы случай не свел ее с выдающейся балериной, примой Большого театра, выступавшей в антрепризе самого С. П. Дягилева, Екатериной Васильевной Гельцер. Однажды после спектакля знаменитая танцовщица спросила у как обычно поджидавших ее у выхода многочисленных поклонников: «Кто тут самый голодный?» Самой голодной оказалась Раневская, и самой неустроенной тоже. Гельцер приютила девушку у себя и ввела в круг своих друзей. Она доставала молодой актрисе контрамарки на спектакли в московские театры, показала ей старую Москву, познакомила со своими друзьями: Цветаевой, Мандельштамом, Маяковским. «Меня, Фанни, вы психологически интересуете», — признавалась Раневской танцовщица. Именно Гельцер порекомендовала Раневскую в Малаховский Летний театр под Москвой. И это было большой удачей — на сцене этого дачного антрепризного театра играли лучшие мастера столичной сцены: М. М. и В. А. Блюменталь-Тамарины, И. Н. Певцов, Ольга Осиповна Садовская, Н. М. Радин, И. М. Москвин и его жена А. К. Тарасова, пели А. Н. Нежданова и А. Н. Вертинский.

Фаина Георгиевна называла Гельцер «великолепной и неповторимой». Екатерина Васильевна восхищала ее своим остроумием и неподражаемо забавной манерой говорить. Так, представляя свою новую знакомую Раневскую антрепризе театра, Екатерина Гельцер сказала: «Знакомьтесь, это моя закадычная подруга Фанни из перефилии». Раневская вспоминала: «По ночам будила телефонным звонком, спрашивала: «Сколько лет Евгению Онегину?», или просила объяснить, что такое формализм».

…Уморительно смешна была ее манера говорить.

«Я одному господину хочу поставить точки над «і». Я спросила: «Что это значит?» — «Ударить по лицу Москвина за Тарасову».

«Книппер — ролистка. Она играет роли. Ей опасно доверять».

«Наша компания, это даже не компания. Это банда».

…Детишки ее — племяши Федя и Володя — два мальчика в матросских костюмах и больших круглых шляпах, рыженькие, степенные и озорные — дети Москвина и ее сестры, жены Ивана Михайловича. Екатерина Васильевна закармливала их сладостями и читала наставления, повторяя: «Вы меня немножко понимаете?» Дети ничего не понимали, но шаркали ножкой.

…Рылась в своем старом бюваре, нашла свои короткие записи о том, что говорила мне моя чудо — Екатерина Гельцер… Помню,

сообщила, что ей безумно нравится один господин и что он «древнеримский еврей». Слушая ее, я хохотала, она не обижалась. Была она ко мне доброй, очень ласковой. Трагически одинокая, она относилась ко мне с нежностью матери. Любила вспоминать: «Моя первая-первая периферия — Калуга… Знаете, я мечтаю сыграть немую, трагическую роль. Представьте себе: вы моя мать, у вас две дочери, одна немая, поэтому ей все доверяют, но она жестами и мимикой выдает врагов. Вы поняли меня, и мы обе танцуем Победу». Я говорю: «Екатерина Васильевна, я не умею танцевать». — «Тогда я буду танцевать Победу, а вы будете рядом бегать!..»

«Я так любила Вас весь вечер…»

Фаина Георгиевна дебютировала на сцене Малаховского Летнего театра в пьесе Леонида Андреева «Тот, кто получает пощечины», в массовке. Перед спектаклем юная Раневская подошла к исполнителю главной роли, знаменитому драматическому актеру Иллариону Певцову, и спросила, что ей собственно надо изображать на сцене? Певцов, уже загримированный для трагической роли клоуна, посмотрел на статистку изумленно и, подумав секунду, сказал: «Деточка, ничего делать тебе не нужно. Ты должна меня просто очень любить. И пусть все, что со мной происходит, тебя сильно берет за душу. Вот и вся твоя роль». Спектакль прошел с невероятным успехом. Раневская исполнила указания маэстро в точности: она всем сердцем любила Певцова пару часов без остановки. По ходу пьесы молодая актриса все время рыдала, причем не смогла остановиться и выйти из роли, даже когда опустился занавес. Еще целый час после окончания спектакля рыжеволосая дебютантка плакала навзрыд, не реагируя на все попытки коллег ее успокоить. Когда Певцов, уже собравшийся домой, вдруг увидел в коридоре, сидящую на пыльном полу и плачущую молодую артистку, он с тревогой спросил:

— Бог мой, что с вами? Почему вы плачете?

— Я так любила, так любила Вас весь вечер… — горестно вздохнула Раневская, продолжая рыдать.

Знаменитый артист пристально посмотрел на Фаину, тогда еще никому неизвестную в Москве фигурантку (так называют актрису, играющую маленькие роли без слов. — *Ред.*), и убежденно, взволнованно сказал:

— Запомните эту девушку, друзья мои… Она всенепременно, всенепременно станет великой актрисой!

Фаина Георгиевна называла Певцова своим учителем. С великой благодарностью вспоминала его: «…он любил нас, молодых… Он внушал нам, что настоящий артист обязан быть образованным человеком. Должен знать лучшие книги мировой литературы, живопись, музыку.

Я в точности помню его слова, обращенные к молодым артистам: «Друзья мои, милые юноши, в свободное время путешествуйте, а в кармане у вас должна быть только зубная щетка. Смотрите, наблюдайте, учитесь».

Он убивал в нас все обывательское, мещанское. Он повторял: «Не обзаводитесь вещами, бегайте от вещей». Ненавидел стяжательство, жадность, пошлость. Его заветами я прожила

долгую жизнь».

Все мужчины таковы

Всю жизнь Раневская была одинока и по большому счету несчастна: ни семьи, ни детей. Замуж Фаина Георгиевна так и не вышла, возможно, потому, что считала себя хоть и обаятельной, но некрасивой. С горечью она говорила: «Моя внешность испортила мне личную жизнь». А может, слишком горестными были ее редкие увлечения мужчинами… На вопрос, почему она никогда не была замужем, Раневская отвечала, что «от представителей противоположного пола ее удивительным образом тошнит».

В молодости (дело было еще до революции) с Раневской в Баку произошел такой конфуз. Поздним вечером, когда она возвращалась из театра, на темной аллее парка к ней пристал какой-то подвыпивший гуляка и начал откровенно заигрывать, видимо, приняв за уличную кокотку. Пытаясь избавиться от навязчивого кавалера, Фаина Георгиевна воскликнула: «Мужчина, вы, наверное, обмишулились. Я старая, некрасивая женщина. У меня уже дети вашего возраста. Как вам не стыдно!» Повеса обогнал Раневскую, внимательно посмотрел в лицо, теперь хорошо видное в свете уличного фонаря, и произнес: «Вы правы. Дико извиняюсь!»

— Какой подлец! — восклицала Раневская, рассказывая это случай. — Впрочем, все мужчины таковы!

Первое свидание

Раневская уверяла, что на амурном фронте ее всегда преследовали неудачи. Хотя в молодости, по словам актрисы, представители сильного пола часто назначали ей свидания. Вот одна из записочек, полученная Раневской от кавалера во время выступления в одесском театре (дело было в годы революции) — на обороте программки было написано: «Артистке в зеленой кофточке. Жду у фонтана на Греческой в полночь. Попробуй только не прийти!»

Фаине было лет четырнадцать-пятнадцать, когда ее пригласили на первое в ее жизни свидание. Она по уши влюбилась в одного гимназиста. Как рассказывала сама Раневская, тот сразил ее фуражкой, под козырьком которой красовался великолепный герб гимназии, а тулья по бокам была опущена и лежала на ушах. Это великолепие, по словам Фаины, сводило ее с ума. И вот однажды красавчик-гимназист милостиво назначил «малявочке» рандеву. Раневская понеслась на крыльях любви к условленной скамейке в парке и… вместо кавалера обнаружила на ней смазливую девчонку. Как оказалось, свою соперницу. Та потребовала, чтобы Фаина немедленно удалилась — как третья лишняя. Девочки долго препирались, кому из них гимназист назначил рандеву. Явился, наконец, сам юный Дон-Жуан, нисколько не смутившийся при виде их обеих. Гимназист нагло уселся на скамейку между девочками и принялся что-то весело насвистывать. А соперницы рьяно продолжали отстаивать свои права. Фаина заявила, что не тронется с места: «Здесь мне назначено свидание! Я костьми лягу, а никуда не уйду».

Наконец, юный ловелас соизволил сделать свой выбор. И, увы, не в пользу нашей героини. Гимназист и смазливая девчонка о чем-то немного пошептались, после чего соперница подняла с земли несколько увесистых камней и стала кидать в Фаину под одобрительное улюлюканье кавалера. Раневская заплакала и ретировалась с поля боя… Впрочем, тут же нашла в себе силы, чтобы вернуться и ответить обидчикам. Она гневно выкрикнула им в лицо: «Вот увидите, вас Бог накажет!» И ушла, полная собственного достоинства.

Амур был в стельку пьян

Когда однажды Раневскую спросили, была ли она когда-нибудь влюблена, актриса рассказала произошедший с ней трагикомический случай, который напрочь отбил у нее охоту не только влюбляться, но даже и смотреть на «этих гадов и мерзавцев» мужчин. История эта относится ко временам начала ее артистической карьеры. Лет в девятнадцать-двадцать она поступила в труппу какого-то провинциального театра. И тут же влюбилась. И не в кого-нибудь, а в первого красавца труппы, по которому сохла вся женская половина творческого коллектива! Разумеется, он был невозможным бабником, как и положено актеру с амплуа «герой-любовник». Она же, по ее признанию, даже в молодости сторонилась мужчин, поскольку была «страшна, как смертный грех». Фаина влюбилась как кошка: тенью ходила за красавцем, таращила на него глаза… А он, понятно, обращал на нее ноль внимания… Но однажды герой-любовник вдруг подошел к Раневской и нежно прошептал на ушко: «Милашечка, вы ведь возле театра комнату снимаете? Так ждите меня сегодня вечером: буду к вам часиков в семь».

Ликующая Раневская тут же побежала к антрепренеру, заняла денег в счет жалования, отпросилась домой, накупила вина, всякой вкусной еды, надела свое любимое зеленое платье (к рыжим волосам), накрасилась, напудрилась… Сидит и ждет… Час ждет, другой…

Наконец, часов около десяти вечера, заявился наш герой-любовник, в дымину пьяный, потрепанный, в обнимку с какой-то крашеной шлюхой.

— Милочка, — заикаясь, сказал он Фаине, — погуляйте где-нибудь пару часиков…

«Вот это была моя первая и последняя любовь», — утверждала Раневская.

Гусарское достоинство

И действительно, о «романтической» стороне жизни великой актрисы неизвестно почти ничего. О своих увлечениях Фаина Георгиевна предпочитала не распространяться. Однажды призналась: «Все, кто меня любил, не нравились мне. А кого я любила — не любили меня». Может, поэтому она называла свою судьбу «шлюхой»?

По утверждению биографа Раневской Алексея Щеглова (она называла его своим «эрзац-внуком»), серьезные увлечения мужчинами у нее все-таки были. Известно, что Раневская симпатизировала певцу Георгу Отсу и маршалу Ф. И. Толбухину. Когда Раневская в 1947 году приехала в Тбилиси на гастроли, Федор Иванович, командовавший в то время Закавказским военным округом, пригласил ее на прогулку по старому городу. По дороге актриса рассказывала ему уморительные истории о том, как на тбилисской киностудии снимали комедию по рассказу ее земляка Чехова. 27 августа в ресторане в районе Мтацминда они отпраздновали, как признавалась Фаина Георгиевна после, самый веселый день рождения в ее жизни. Никогда еще она не чувствовала себя такой счастливой.

На каждом углу судачили об их романе. Но Раневская опровергала все досужие слухи: «Федор Иванович просто дивный друг и собеседник!» О своем увлечении маршалом Раневская призналась близким только в последние годы своей жизни… Их роман прервала неожиданная смерть Толбухина в 1949 году.

…Хотя Фаина Георгиевна упорно молчала о своей личной жизни, как партизанка Зоя на допросе, какие-то пикантные истории все же дошли и до нас. Так гуляла байка о том, что в 1915 году у Раневской был любовник — гусар Мариупольского Императрицы Елизаветы Петровны полка.

Вот эпизод из их бурного романа, якобы в редакции самой Раневской:

«…Когда мы остались вдвоем, я уже лежу, он разделся, подошел ко мне, и я вскрикнула:

— Ой, какой огромный!

А гусар довольно улыбнулся и, покачав в воздухе своим достоинством, гордо сказал:

— Овсом кормлю!»

Понятно, байка — есть байка, какой с нее спрос?

Неизвестный Горький

Фаина Георгиевна оставила в своем дневнике весьма любопытную запись о великом пролетарском писателе, который завещал потомкам летать, а не ползать. Раневская в своей школьной тетрадке в клеточку записала следующее: «У души нет жопы, она высраться не может!» — это сказал мне Чагин со слов Горького о Шаляпине, которому сунули валерьянку, когда он волновался перед выходом на сцену. Он (Чагин. — *Ред.*) рассказал о деловом визите к Горькому. Покончив с делами, Г. пригласил Чагина к обеду. Столовая была полна народу. Горький наклонился к Чагину и сказал ему на ухо: «Двадцать жоп кормлю!»

В поисках святого искусства

Раневская утверждала: «Я переспала со многими театрами и ни разу не испытала чувства удовлетворения!»

В начале 1930-х годов Фаина Георгиевна становится актрисой Московского Камерного театра Александра Таирова. Знаменитый режиссер пригласил ее в спектакль «Патетическая соната» на роль Зинки-проститутки. Образ продажной девы, тоскующей о лучшей жизни, и вместе с тем сознающей невозможность вырваться из очерченного судьбою круга, был благодатным материалом для Раневской. Она продемонстрировала не только свой неистовый темперамент, но и зрелое мастерство актрисы, сочетавшее внешнюю характерность с точнейшими психологическими оттенками и деталями. Сыграв Зинку, Раневская «проснулась знаменитой» — о ней заговорила вся Москва. Сотни столичных проституток в 1931-м году брали штурмом Камерный театр, чтобы посмотреть не сам спектакль, — а на удивительную актрису, наделенную невероятным даром перевоплощения. Кто-то даже пустил слушок, будто Таиров вывел на сцену настоящую «жрицу любви» и она рубит правду-матку: «За всех за нас!»

Это была несомненная удача, однако все главные роли в театре на несколько лет были расписаны на жену Таирова — блистательную актрису и красавицу Алису Коонен. Словом, играть Раневской, кроме роли Зинки-проститутки, было нечего. Прослужив четыре года в Камерном театре (1931–1935), Фаина Георгиевна ушла в Центральный театр Красной Армии, где сыграла одну из знаменитых и возможно лучших своих театральных ролей — горьковскую Вассу Железнову. Но и здесь актриса надолго не задержалась. Она стала настоящей странницей по столичным театрам. За Центральным театром Красной Армии (1935–1939) последовал Театр драмы (ныне Театр им. Маяковского) (1943–1949), затем Театр им. Моссовета (1949–1955) и Театр им. А. С. Пушкина (1955–1963). Труппу последнего возглавлял талантливейший режиссер Борис Равенских. Но между двумя творческими личностями пробежала вдруг черная кошка… И Раневская опять вынуждена была вернуться к не слишком чтимому ей худруку Юрию Завадскому в Государственный академический театр им. Моссовета, где и прослужила до конца жизни (1963–1984).

Однажды в телевизионном интервью Раневская, со свойственной ей самоиронией, вспоминала свою насыщенную театральную жизнь и скитания по провинциальным и московским театрам. Известная тележурналистка Наталья Крымова спросила

ее о причинах столь стремительной и частой смены творческих коллективов:

— Почему Вы столько раз переходили из одного театра в другой? Что Вы искали на новом месте?

В ответ Фаина Георгиевна многозначительно произнесла:

— Искала подлинное святое искусство.

— И что же нашли? — не унималась собеседница.

— Да.

— И где же?

— В Третьяковской галерее, — возвысив голос, торжественно произнесла Раневская.

Диагноз: психопатка

Раневская дружила с великим Таировым, который, по ее словам, был «не только большим художником, но и человеком большого доброго сердца». Александр Яковлевич словно предчувствовал, что его любимое детище — Камерный театр — вскоре закроют, ибо слишком смелые сценические поиски режиссера не вписывались в рамки официальной советской идеологии. Раневская вспоминала: «Однажды, провожая меня через коридор верхнего этажа, мимо артистических уборных, Александр Яковлевич вдруг остановился и, взяв меня за руку, сказал с горькой усмешкой: «Знаете, дорогая, похоже, что театр кончился: в театре пахнет борщом». Действительно, в условиях того времени технический персонал, работавший в театре безвыходно, часто готовил себе нехитрые «обеды» на электроплитках. Для всех нас это было в порядке вещей, но Таиров воспринимал это как величайшее кощунство. И в этом, казалось бы, незначительном, чисто житейском эпизоде, я увидела то, что нас, работавших с ним, всегда восхищало: его неизменно рыцарское, абсолютно бескомпромиссное отношение к искусству, которому он служил».

Раневская очень сопереживала Таирову, когда Камерный театр действительно закрыли, а режиссера подвергли унизительной антисемитской травле. В 1949 году во время кампании против «евреев-космополитов» Александра Яковлевича обвинили в «низкопоклонстве перед Западом», раскрыли его псевдоним (настоящая фамилия режиссера Корнблит. — *Ред.*), отстранили от руководства театром. Фаина Георгиевна рассказывала об ужасе в глазах Таирова, когда он прибегал к ней и растерянно спрашивал: «Везде висят мои афиши, расклеены по всему Тверскому бульвару, разве театр закрыт?!» Да, Камерный был закрыт, а на его месте появился другой театр — им. Пушкина — и уже с другим режиссером. Это сводило Таирова с ума, отбирало у него последние силы. Год спустя великий режиссер умер.

Раневская тяжело переживала смерть друга и учителя. У нее началась бессонница, перед глазами постоянно стоял ушедший Александр Яковлевич, она плакала все ночи напролет…

В итоге Фаина Георгиевна вынуждена была даже обратиться к психиатру.

Им оказалась пожилая усатая армянка мрачного вида. Она устроила Раневской настоящий допрос с целью выявить симптомы ее психического расстройства.

Позже Фаина Георгиевна остроумно изображала, как армянка с акцентом спрашивала ее:

— Ну, на что жалуешься?

— Не сплю ночью, плачу.

— Так, значит, не спал, рыдал?

— Да, все время плачу.

— Сношений был? — внезапно спросила армянка, впиваясь в Раневскую взглядом Горгоны.

— Нет, что вы, что вы!

— Так. Не спишь. Рыдал. Любил друга. Сношений не был. Диагноз: психопатка! — безапелляционно заключила врачиха.

Правда-матка

Как-то Фаина Георгиевна, прознав о том, что ее давний друг драматург Николай Эрдман отправляется в гости к самой Щепкиной-Куперник, напросилась пойти вместе с ним. Зная пристрастие Раневской к ненормативной лексике, Эрдман строго-настрого предупредил актрису о том, чтобы она в гостях тщательно следила за своей речью.

Татьяна Львовна Щепкина-Куперник, замечательная писательница, драматург, поэтесса и переводчица, правнучка великого русского актера Михаила Щепкина, слыла образованнейшей, утонченнейшей женщиной своего времени, поборницей чистоты великого русского языка.

— Клянусь тебе, К-х-коленька, что я не пророню ни слова, — обещала другу Раневская.

Царственной Татьяне Львовне было в это время под шестьдесят, она перевела тогда кого-то из мировых классиков, то ли Шекспира, то ли Лопе де Вегу, то ли Ростана, и жила в полном достатке, содержа трех или четырех приживалок. За столом, который ломился от всякой всячины, разговор шел неторопливый и благопристойный. Фаина Георгиевна стоически молчала, не вмешиваясь в светскую беседу.

Как известно, в свои девичьи годы Щепкина-Куперник была страстно влюблена в Чехова. И разговор за столом, конечно, зашел об Антоне Павловиче.

Фаина Георгиевна вспоминала: «Я благоговела перед нею, согласно кивала, когда она завела речь о Чехове, о его горестной судьбе и ялтинском одиночестве, когда супруге все недосуг было приехать»…

Речь шла о вдове Антона Павловича Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой, пережившей великого писателя на 55 лет. Их шестилетний брак был исключительно эпистолярным — супруги написали друг другу по 400 писем, но Книппер ни дня не прожила с Антоном Павловичем. Писатель вынужден был из-за болезни поселиться в Ялте, а Ольга Леонардовна, примадонна Художественного театра, не торопилась к больному мужу, выискивая невероятные причины, из-за которых она, ну никак, не может оставить Москву. К тому же ходили упорные слухи об ее служебном романе с Немировичем-Данченко. В общем, все свидетельствовало о том, что Книппер вышла замуж за великого писателя исключительно из тщеславия. После революции Ольга Леонардовна сделала себе блестящую карьеру и нажила состояние на том, что она, дескать, официальная вдова Чехова.

Когда Щепкина-Куперник с гостями стала обсуждать персону Книппер, «градус» разговора за столом повысился, все немного завелись, единодушно осуждая Ольгу Леонардовну за наплевательское отношение к Антону Павловичу и вообще за легкомыслие. Ощутив опасность ситуации, Николай Эрдман обеспокоенно покосился на Раневскую, но было уже поздно.

— Татьяна Львовна, а ведь Ольга Книппер — бл…дь, — категорично заявила Фаина Георгиевна, — полнейшая бл…дь!

Рубанув правду-матку, Раневская сама обмерла от страха, подумав, что сейчас ей откажут от дома!

Все приживалки истово перекрестились, после чего каждая смиренно сказала:

— Истинно ты говоришь, матушка, бл…дь.

— Рот на замок! — прикрикнула хозяйка дома, и приживалки тут же смолкли. После чего изысканная Татьяна Львовна всплеснула ручками и очень буднично, со знанием дела воскликнула:

— И вправду, бл…дь, последняя бл…дь!..

Адский комбинат

На киноэкране Раневская впервые появилась уже в солидном 38-летнем возрасте, когда ее театральный стаж составил целое двадцатилетие. Первые попытки актрисы обратить на себя внимание кинорежиссеров были провальными. Как вспоминает сама Раневская, в начале 1930-х годов она собрала многочисленные фотографии, на которых была снята в десятках ролей, сыгранных в периферийных театрах, и отправила их на «Мосфильм». «Мне тогда думалось, что эта фотогалерея может продемонстрировать режиссерам мою способность к перевоплощению и поразить их, — признавалась актриса. — Я с нетерпением стала ждать приглашения на съемки, но была наказана за такую нескромность. Один мой приятель, который в то время играл в кино, чем вызывал во мне чувство черной зависти, вскоре вернул мне все снимки, сказав: «Это никому не нужно — так просили вам передать». Я возненавидела всех кинодеятелей и даже перестала ходить в кино».

И опять все решил счастливый случай. Однажды на улице Раневскую остановил улыбчивый молодой человек. Он признался, что ему безумно понравилась игра актрисы в спектакле Камерного «Патетическая соната», после чего он загорелся желанием, во что бы то ни стало снимать ее в кино. По словам Раневской, она так обрадовалась, что кинулась ему на шею… Этим молодым человеком оказался начинающий кинорежиссер Михаил Ромм, а фильм «Пышка» (1934), куда он пригласил сниматься Раневскую, был его первой самостоятельной режиссерской работой. Фаина Георгиевна сыграла небольшую роль аристократки госпожи Луазо. Фильм снимался в немом варианте (он был озвучен лишь в 1955 году), тем не менее, чтобы лучше прочувствовать образ госпожи Луазо, Раневская достала подлинник рассказа Мопассана и разучила несколько фраз на языке оригинала. И как блестяще, как убедительно сыграла Фаина Георгиевна! Особенно запоминается небольшой эпизод — госпожа Луазо с неподражаемым смаком ест курицу. Даже у сытого человека во время просмотра слюнки потекут — он наверняка бросится к холодильнику и начнет жадно жевать.

Однако, как вспоминала Раневская, съемки «Пышки» проходили в чрезвычайно сложных условиях. Киногруппе предоставили огромный, только что отстроенный, нетопленный, пахнущий сырой штукатуркой, павильон комбината «Мосфильм». От холода у актеров зуб на зуб не попадал. Постоянная суета, мучительно долгая установка света, шум аппаратуры, вечная

неразбериха… — все это выводило актрису из себя. К тому же начальство Москинокомбината предоставляло для съемок «второстепенного» немого фильма только ночные смены. «С тех пор я, как сова, по ночам не сплю!» — жаловалась Раневская. Платье ей сшили из той же ткани, которой обтянули дилижанс, — пудового веса. К тому же заставили носить накладной живот и ягодицы. «Я чувствовала себя штангистом, месяц не покидающим тренировочный помост!» — с гневом восклицала актриса. После съемок в «Пышке» Раневская поклялась, что никогда не переступит больше порога этого ада!

Так непросто начинался многолетний роман актрисы с кинематографом.

Не имей сто рублей

Главную героиню в «Пышке» сыграла молодая актриса весьма скромного дарования Галина Сергеева (гораздо больше, чем своими ролями в кино и театре, она известна как жена великолепного тенора Ивана Козловского. — *Ред.*). Зато Сергееву природа наградила роскошным пышным бюстом четвертого размера. Рассказывают, что впервые увидев Галину в платье с глубоким декольте, Раневская, к удовольствию смешливого Ромма, выдала такую остроту:

— Да, не имей сто рублей, а имей двух грудей!

И Фаина Георгиевна не ошиблась: в следующем, 1935 году секретарь ЦИК и лучший друг Сталина Авель Енукидзе, известный ценитель прекрасного пола, лично включил Галину Сергееву в список актеров, достойных предоставления к почетным званиям. Свое неожиданное решение государственный муж объяснил так: «У этой артистки очень выразительные большие… глаза». И Сергеева всего в двадцать лет (!) стала заслуженной артисткой республики. Впрочем, дальнейшая ее судьба в кино не сложилась. Жизнь же Авеля Енукидзе закончилась и вовсе трагически. В 1937 году по личному распоряжению Сталина он был расстрелян, как враг народа.

Уличная слава

В картине «Подкидыш» (1939 г., режиссер Михаил Ромм) Раневская сыграла властную, командующую подкаблучником-мужем, немолодую женщину по имени Леля. Фаина Георгиевна виртуозно выстроила этот образ, заставив играть каждую деталь. Комедийность ее персонажа подчеркивала нелепая соломенная шляпа и необъятных размеров ситцевый зонт в руке.

Фильм «Подкидыш», как бы сказали сегодня, стал настоящим блокбастером того времени. За маленькую девочку, потерявшуюся в огромном городе, переживала вся страна. Фильм уже в первый год проката посмотрело свыше 35 миллионов человек. И своей популярностью картина во многом обязана таланту и остроумию Фаины Георгиевны. Сама же актриса считала роль Лели одной из самых незначительных в своей кинокарьере, а после неожиданного успеха буквально ее возненавидела.

Дело в том, что специально для своей героини Раневская выдумала несколько хлестких запоминающихся фраз. Всем наверняка запомнился знаменитый диалог Лели с ее забитым муженьком, бесподобно сыгранным актером Петром Репниным:

— Ты всегда поступаешь так, как ты хочешь, — ворчит наша бой-баба. — Ты всю жизнь меня терроризируешь. И этот человек клялся носить меня на руках!

— Но, Леля… — пытается вставить слово несчастный муженек.

— Уйди, зверь! Нет-нет, завтра же я уеду к маме навсегда!

— Леля! Послушай меня. Давай отдадим этого ребенка, — пытается остановить ее муж. — Уверен, тебя арестуют…

— Муля, не нервируй меня! — говорит Раневская-Леля своим неподражаемым голосом.

Последняя фраза стала настолько крылатой, что всю оставшуюся жизнь преследовала Фаину Георгиевну. Именно выражение «Муля, не нервируй меня!» первым вспоминали при знакомстве с актрисой. Раневская не могла и шагу ступить — за ней следом сразу же бросались мальчишки, выкрикивая придуманную, на свою беду, Раневской фразу…

Однажды на одной из центральных улиц Москвы — улице Горького (ныне Тверская. — *Ред.*) — актрису окружил целый отряд пионеров. Сорванцы в красных галстуках дружно стали скандировать опостылевшую фразу из «Подкидыша»: «Муля, не нервируй меня!» Раневская не выдержала и скомандовала им в ответ: «Пионэры, стройтесь попарно и идите в жопу!»

В своем дневнике в 1948 году Фаина Георгиевна записала:

«Встретила Корнея Чуковского. Шли по Тверскому. Меня осаждали как всегда теперь ненавистные, надоевшие школьники. Чуковский удивился моей популярности. Я сказала ему, что этим ограничивается моя слава — улицей, а начальство не признает…»

Кстати, не меньший шквал популярности обрушился и на второго участника знаменитой сцены из «Подкидыша». Актера Петра Репнина тоже долгие годы дразнили Мулей, поскольку именно он сыграл этого персонажа. Актеру нельзя было пройти и шага по улице незамеченным. За ним непременно увязывалась толпа мальчишек, а поклонницы томно шептали ему на ушко: «Му-у-уля…»

Товарищ, которая «всегда разная»

Иосиф Виссарионович Сталин обожал фильмы с участием Фаины Раневской. «Подкидыш» он мог смотреть без конца. По его словам, эта картина поднимала ему настроение на весь день.

Однажды ночью Фаину Георгиевну разбудил звонок. Это был ее хороший знакомый, великий режиссер Сергей Эйзенштейн. Его голос в трубке звучал необычно торжественно и взволнованно:

— Фаина Георгиевна! Вы бы знали! Слушайте меня внимательно. Я только что из Кремля. И как Вы думаете, что сказал о Ваших работах в кино сам Иосиф Виссарионович?!

Оказалось, Эйзенштейн был на одном из знаменитых ночных просмотров в кремлевском кинозале «вождя народов». После сеанса Сталин произнес короткую хвалебную речь:

— Вот товарищ Жаров замечательный актер… Правда, даже если подкрасится, понаклеит усики, бакенбарды или нацепит бороду, все равно сразу видно, что это товарищ Жаров. А вот товарищ Раневская ничего себе не наклеивает и все равно всегда разная…

Хулиган Брежнев

Фотографию Леонида Ильича Брежнева Раневская аккуратно вырезала из газеты и повесила у себя дома над кроватью.

Актриса так объясняла свой «верноподданнический» поступок:

— Он такой добрый.

Когда Брежнев вручал Фаине Георгиевне в 1976 году в связи с 80-летним юбилеем орден Ленина, то вместо приветствия, улыбаясь, прошамкал: «А вот идет наша Муля, не нервируй меня!» Раневская со свойственной ей прямотой выговорила главному коммунисту страны за это, погрозив пальчиком: «Леонид Ильич, как вам не стыдно, так говорят только хулиганы и мальчишки!» И что же? Всесильный генсек покраснел от смущения и искренне принес свои извинения великой актрисе. А потом признался, что просто по-человечески очень ее любит.

«Он такой добрый», — не уставала повторять Фаина Георгиевна.

Экскурсия в баню

Главную героиню фильма «Подкидыш» — непоседу Наташу — сыграла 5-летняя Вероника Лебедева. Как она вспоминала много времени спустя, Раневская частенько выходила на съемочную площадку в дурном настроении, капризничала, выражала недовольно своей игрой и игрой партнеров. И отчасти ее нервозность можно понять. На съемках фильма актеры работали в плотном окружении зрителей, так как милиции не удавалось справляться с толпищами зевак. «У меня лично было такое чувство, что я моюсь в бане, и туда пришла экскурсия сотрудников из Института гигиены труда и профзаболеваний», — язвила Раневская, описывая съемки «Подкидыша».

Исторические бусы

Режиссеру фильма «Подкидыш» Татьяне Лукашевич приходилось мириться с капризами гениальной актрисы. Как рассказывала Вероника Лебедева, однажды, когда Раневская была сильно не в духе, Лукашевич даже обратилась за помощью к маме девочки, постоянно сопровождавшей ее на съемках. «Подойдите, пожалуйста, к Фаине Георгиевне и скажите, что она сегодня хорошо выглядит! Иначе Раневская точно сорвет мне съемки», — взмолилась кинорежиссер. Добрая женщина подошла к великой актрисе и сделала ей комплимент. Как всегда расстроенная чем-то, Раневская в ответ лишь снисходительно кивнула ей: «Спасибо, милочка, мне очень приятно». И тут Фаина Георгиевна случайно заметила у женщины на шее бусы — это была обыкновенная стекляшка, бижутерия, красная цена которой в воскресенье на базаре — три рубля. Однако Раневской вещица так понравилась, что она непременно захотела ее заполучить. Актриса заявила не терпящим возражения тоном: «Б-буду сниматься только в этих бусах!»

Ну, что тут было поделать? Капризов Раневской на съемочной площадке боялись как чумы. Мама Вероники, не раздумывая, сняла с шеи бусы и отдала их великой актрисе. И теперь Леля в фильме щеголяла только в них. Так эти обыкновенные бусы вошли в историю.

Спекулянтка Муля

Летом 1941 года Раневская вместе с семьей Павлы Вульф уехала в эвакуацию в Ташкент. Они поселились в частном доме. Жилось в Ташкенте трудно и голодно, несмотря на то, что актерам полагались продуктовые пайки. Фаина Георгиевна снималась в массовке в кино — пыталась хоть что-то заработать. Но денег все равно катастрофически не хватало. Однажды, когда они с Павлой Леонтьевной остались совсем без средств, Раневская решила продать чего-нибудь из одежды и понесла вещи в комиссионный магазин. Ей бы отправиться на барахолку, где обычно и сбывали такой товар, но Раневская хотела, чтобы все было по закону. Однако у входа в комиссионку к ней подскочила бойкая «перекупщица», предложившая приобрести вещи по более выгодной цене, чем дадут в магазине. И Раневская в «приступе предприимчивости» согласилась. Но едва она достала товар из сумки, как рядом с ней сейчас же материализовался страж порядка: молодой узбек-милиционер. И «спекулянтку» на глазах многочисленных зевак повели в отделение. Сгорая от стыда, Раневская изо всех сил старалась делать вид, что они со служителем порядка просто идут куда-то вместе и при этом непринужденно по-дружески общаются.

— Он идет решительной, быстрой походкой, — рассказывала Раневская, — а я стараюсь поспеть за ним, попасть ему в ногу и делаю вид для собравшейся публики, что это просто мой хороший знакомый… Но вот беда: ничего не получается, — он не очень-то меня понимает, да и мне не о чем с ним говорить. И я стала оживленно, весело произносить тексты из прежних моих ролей, жестикулируя и пытаясь сыграть непринужденную приятельскую беседу…

Но несносная толпа детишек бежала за ней следом по тротуару и в упоении кричала: «Мулю повели! Смотрите, нашу Мулю ведут в милицию!» «Представляете, они радовались, они смеялись, — с негодованием восклицала Раневская. — Я поняла: они меня ненавидят!»

И заканчивала рассказ со свойственной ей гиперболизацией и трагическим изломом бровей:

— Это ужасно! Народ меня ненавидит!

Правда, благодаря такой народной «ненависти», милиционер тут же отпустил ее восвояси.

У каждого свой Муля

Именно здесь, в Ташкенте, во время войны Фаина Георгиевна познакомилась с великой Ахматовой. Впоследствии их с Анной Андреевной связали долгие годы преданной и нежной дружбы.

Раневская относилась к великой поэтессе с большим почтением и любовью. Называла ее «Раббе» или «Раббенька» (от слова «раввин») — за мудрость, понимание, отзывчивость. В своем дневнике Фаина Георгиевна писала: «Любила, восхищалась Ахматовой. Стихи ее смолоду вошли в состав моей крови». Биограф Анны Андреевны Анатолий Найман писал: «Почтение Раневской к Ахматовой было демонстративное, но не наигранное…» Она говорила своим «рыдающим басом с характерным очаровательным заиканием, что больше всех на свете чтит двух людей: «А-ханночку Андреевну» и «А-хантона Павловича», обоих боготворит, оба гении…»

Как-то об Ахматовой Раневская сказала с жалостью: «Анна Андреевна была бездомной, как собака».

…Ахматова часто приглашала Раневскую погулять вместе по Ташкенту, они бродили по рынку, по старому городу, подолгу беседовали. Но как-то их философское уединение нарушили несносные дети. Узнав Раневскую, они бросились за ней следом и хором стали громко выкрикивать опостылевшую ей фразу: «Муля, не нервируй меня!» Фаина Георгиевна вышла из себя — она была уверена, что в забытом Богом Ташкенте никто уж точно не нарушит ее покой. «Это очень мешало мне слушать Анну Андреевну. Я остро ненавидела роль, которая принесла мне популярность», — рассказывала Раневская. Но Анна Андреевна успокоила ее: «Не огорчайтесь. У каждого из нас есть свой «Муля». Фаина Георгиевна поинтересовалась: «А что у вас «Муля»?».

— Это мои «Мули», — сказала Анна Андреевна и произнесла знаменитые строки:

Сжала руки под темной вуалью
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот…
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Дуэль нашего времени

«В Ташкенте Ахматова рассказала Раневской свою версию лермонтовской дуэли. По-видимому, Лермонтов где-то непозволительным образом отозвался о сестре Мартынова, та была не замужем, отец умер. По дуэльному кодексу того времени (Ахматова его досконально знала из-за Пушкина) за ее честь вступался брат.

«Фаина, повторите, как вы тогда придумали», — обратилась она к Раневской. «Если вы будете за Лермонтова», — согласилась та. — Сейчас бы эта ссора выглядела по-другому… Мартынов подошел бы к нему и спросил: «Ты говорил, — она заговорила грубым голосом, почему-то с украинским «г», — за мою сестру, что она б…» Слово было произнесено со смаком. «Ну, — в смысле «да, говорил», — откликнулась Ахматова за Лермонтова, — б…» — «Дай закурить, — сказал бы Мартынов. — Разве такие вещи говорят в больших компаниях? Такие вещи говорят барышне наедине… Теперь без профсоюзного собрания не обойтись…» (А. Найман)

Агент Дантеса

Фаина Георгиевна вспоминала: «Ахматова не любила двух женщин. Когда о них заходил разговор, она негодовала. Это Наталья Николаевна Пушкина и Любовь Дмитриевна Блок. Про Пушкину она даже говорила, что та — агент Дантеса.

Когда мы начинали с Анной Андреевной говорить о Пушкине, я от волнения начинала заикаться. А она вся делалась другая: воздушная, неземная. Я у нее все расспрашивала о Пушкине… Анна Андреевна говорила про пушкинский памятник: «Пушкин так не стоял».

…Мне думается, что так, как А. А. любила Пушкина, она не любила никого. Я об этом подумала, когда она, показав мне в каком-то старом журнале изображение Дантеса, сказала: «Нет, Вы только посмотрите на это!» Журнал с Дантесом она держала, отстранив от себя, точно от журнала исходило зловоние. Таким гневным было ее лицо, такие злые глаза… Мне подумалось, что так она никого в жизни не могла ненавидеть.

Ненавидела она и Наталью Гончарову. Часто мне говорила это. И с такой интонацией, точно преступление было совершено только сейчас, сию минуту».

С Пушкиным на дружеской ноге

Раневская любила пересказывать случай, о котором поведала ей Анна Ахматова:

— В Пушкинский дом пришел бедно одетый старик и просил ему помочь, жаловался на нужду, а между тем он имеет прямое отношение к Пушкину.

Сотрудники Пушкинского дома в экстазе кинулись к старику с вопросами, каким образом он связан с Александром Сергеевичем?

Старик гордо объявил:

— Я являюсь праправнуком самого Фаддея Булгарина.[1]

Прополка сорняков в поэзии

Однажды Анна Андреевна Ахматова рассказала Раневской о том, как в январе 1940 года ей с огромным трудом удалось опубликовать позже ставшее хрестоматийным стихотворение:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене…
И стих уже звучит, задорен, нежен.
На радость всем и мне.

В том же сороковом году стихотворение Ахматовой должны были прочитать по радио. Но, казалось бы, невинные строки вызвали негодование советских цензоров и послужили основанием к запрету эфира. Секретарь Ленинградского обкома по пропаганде товарищ Бедин написал на экземпляре стихотворения Ахматовой свою краткую резолюцию: «Надо писать о полезных злаках, о ржи, о пшенице, а не о сорняках».

А тем более не о вредоносной плесени.

Всенародная бабушка

Раневская дружила с великолепной актрисой Татьяной Пельтцер, во многом похожей на нее: такой же одинокой, безмужней и бездетной, волей судьбы и режиссеров ставшей «вечной бабушкой экрана», и такой же остро-злой на язык.

Раневская также почти всю жизнь, лет с двадцати, играла старух. Но своим ампула комической бабули, в отличие от Пельтцер, очень тяготилась, все время доказывая, что она серьезная драматическая актриса.

А познакомились две «всенародные старухи» так.

Однажды вдова Михаила Булгакова Елена Сергеевна решила устроить у себя на квартире новогодний карнавал. В числе других знаменитостей пригласила и Раневскую, предупредив, что вход без маскарадных костюмов строго воспрещен.

Фаина Георгиевна, не напрягаясь по этому поводу, пришла на карнавал в своем повседневном сереньком клетчатом пиджачке и юбке, что, впрочем, не сильно расстроило хозяйку. Пожурив Раневскую для проформы, Елена Сергеевна тут же выдала актрисе наряд какой-то сказочной колдуньи: накидку со звездами, пышную шляпу… И другие гости тоже щеголяли в ярких карнавальных костюмах. Здорово напугали всех, опоздавшие на праздник, Славы — Рихтер и Ростропович. Они медленно вползли в комнату в обличье крокодилов — по блату в кукольном театре Сергея Образцова им смастерили бесподобные костюмы злобных рептилий с зеленой пупырчатой кожей и с когтистыми лапами.

Фаина Георгиевна рассказывала, что особенно всех восхитило явление перед полуночью актрисы, всю жизнь играющей старух. Все лежали от смеха, увидев ее. Она пришла в невообразимом костюме под названием «Урожай»: колосья торчали из венка во все стороны, платье было увешано баранками разного размера и цвета. Баранки-бусы украшали шею, баранки-серьги были в ушах, и даже одна болталась на носу…

— Я только что с сельскохозяйственной выставки. Первое место во всесоюзном конкурсе мое! — закричала старуха.

Раневская вспоминала: «Я тогда подумала: «Пельтцер — гениальна!» А это, конечно, была она — другой такой старухи у нас нет.

Тогда было голодное послевоенное время — еще не отменили хлебные карточки, и Татьяну хотелось тут же начать обкусывать. Насмеялись мы на целый год».

Гениальная отсебятина

Раневская до обидного мало сыграла в кино. Всего 23 роли на экране — и почти все эпизоды. Не имея выбора, великая актриса вынуждена была соглашаться на далеко не самые выгодные предложения режиссеров. Фаина Георгиевна выходила даже в камео (маленькая постановочная роль звезды, которая зачастую изображает в фильме саму себя. — *Ред.*).

«Пропищала — и только», — писала Раневская о своем творческом пути в кино. Глубоко драматическая по сути актриса играла лишь комедийные, характерные, второстепенные роли. Но каждая из этих ролей, каждая реплика персонажей Раневской, чаще всего придуманная самой Фаиной Георгиевной, запоминается надолго.

В сценариях некоторых фильмов роль для великой актрисы Раневской вообще отсутствовала. Поэтому ей приходилось с нуля «лепить» образ своей героини и самой сочинять для нее текст. Так было в 1937 году на съемках фильма «Дума про казака Голоту» по мотивам повести Аркадия Гайдара «Р. В. С.». Режиссер Игорь Савченко честно признался: «Фаина Георгиевна, должен извиниться, но роли, собственно, для вас нет. Однако очень хочется видеть вас в моем фильме. В сценарии есть поп, но если вы согласитесь сниматься, могу сделать из него попадью». Актриса с готовностью ответила: «Ну, если вам не жаль вашего попа, можете его оскопить. Я, конечно, согласна».

Единственное, на чем Фаина Георгиевна настояла — ее героиня попадья не должна быть бессловесной. Режиссер согласился. Если бы знала Раневская, что на экране ей придется разговаривать только с птичками и свинками!

На следующий день ранним утром актриса была уже в павильоне, готовая для кинопроб. Игорь Савченко попросил Фаину Георгиевну постараться придать ее персонажу какие-то гротескные черты. Грим и костюм попадьи, которых Раневская немало сыграла в молодости в провинциальных театрах, по просьбе актрисы дополнили потрепанным ридикюлем, который она непрестанно теребила, то открывая, то закрывая.

Игорь Андреевич поставил перед актрисой клетку с канарейками и сказал: «Ну, а теперь говорите с ними, говорите все, что вам придет в голову, импровизируйте». Обернувшись к осветителям, режиссер распорядился: «Дайте свет!»

Пока ставили аппаратуру, Фаина Георгиевна мгновенно придумала текст. Она сунула палец в клетку и обратилась к птичкам со словами: «Рыбы мои дорогие, вы все прыгаете,

прыгаете, покоя себе не даете». А тем временем оператор снимал весь этот монолог на пленку…

Потом режиссер подвел актрису к закутку, где стояли свинья и поросята, и попросил: «Ну, а теперь побеседуйте с хрюшками». И Раневская произнесла тут же выдуманный текст: «Ну, детки, детки вы мои родные, кушайте на здоровье!..» Поросята довольно захрюкали. А вся киногруппа схватилась за животы от смеха. Савченко крикнул: «Стоп!»

Это был редчайший случай в истории кинематографа, когда первая кинопроба так и вошла без изменений в фильм.

* * *

Личная жизнь Раневской была во многом похожа на жизнь ее героини из фильма «Весна» (1947) — забавной «городской сумасшедшей», домработницы Маргариты Львовны. Наверное, именно поэтому этот персонаж Фаины Георгиевны получился наиболее ярким и запоминающимся во всей картине. И самым смешным тоже.

Когда режиссер Григорий Александров пригласил Фаину Георгиевну сниматься в «Весне», то в сценарии ее Маргарите Львовне отводился лишь один эпизод: экстравагантная домработница подавала завтрак своей племяннице в исполнении Любови Орловой.

— Можете сделать себе роль, — разрешил Раневской Александров.

Так родился пресмешной разговор по телефону, придуманный Фаиной Георгиевной:

— Скорую помощь! Помощь скорую! Кто больной? Я больной! Лев Маргаритович. Маргарит Львович…

Премьера «Весны» не принесла того успеха, которого ожидали создатели: фильм иногда казался длинным, утомительным, а временами и откровенно скучным. Восторг зрителей вызвали, пожалуй, только фразы домработницы Маргариты Львовны: «Я возьму с собой «Идиота», чтобы не скучать в троллейбусе!», «Красота — это страшная сила!» Кстати, последняя фраза, которую ошибочно тоже часто приписывают Раневской, в действительности является цитатой из стихотворения «Дурнушка» (1883) Семена Яковлевича Надсона.

Возможно, и фильм «Золушка» (1947) не стал бы таким культовым, если бы в нем замечательно не сыграла Фаина Раневская. Ее знаменитая Мачеха очаровывает зрителей даже при всей своей злобе и коварстве. Как можно забыть ее легендарную

фразу: «Жаль, королевство маловато! Разгуляться негде. Ну ничего! Я поссорюсь с соседями! Это я умею!»

Автор сценария фильма, великолепный драматург Евгений Львович Шварц никогда не допускал ни малейших изменений в тексте своих пьес и сценариев, не признавал никакой словесной импровизации актеров на съемочной площадке. Только Фаине Раневской он позволил что-то добавить от себя. Евгений Львович посмотрел, что актриса насочиняла от имени своей Мачехи, захохотал и, поцеловав ей руку, благословил: «Дерзайте!»

Так в фильме появилась целая сцена, придуманная актрисой. Мачеха, готовясь к балу, всхлипывая, садится к зеркалу, а Золушка подает ей диковинные павлиньи перья, которые «старуха с большими связями» кокетливо прикладывает к своей голове:

— Я работаю, как лошадь. Бегаю (прикладывает перо), хлопочу (перо), требую (перо), добываю и добиваюсь (перо), очаровываю (тощее павлинье перо)…

Можно только пожалеть, что режиссер «Золушки» Надежда Кошеверова вырезала из фильма один из эпизодов с участием актрисы, где Фаина Георгиевна давала волю своей импровизации. Когда хрустальный башмачок приходился по ноге дочери Мачехи, Раневская громко командовала капралу: «За мной!» И тут же запевала: «Эх ты, ворон, эх ты, ворон, пташечка! Канареечка жалобно поет!» — и маршировала во дворец. Кошеверова решила, что эта сцена лишняя и убрала ее на монтаже. А Фаина Раневская неистовствовала: «Как же так? Можно подумать, что мне приходилось в кино часто петь!»

В фильме по чеховскому «Человеку в футляре» (1939) знаменитую фразу, также ставшую афоризмом: «Я никогда не была красива, но я всегда была чертовски мила!» — Раневская также придумала сама и вписала в текст. Потом испугалась собственной наглости и позвонила вдове великого писателя Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой с извинениями, но та одобрила эту по изяществу совершенно чеховскую фразу. И классика стало немного больше.

В «Свадьбе» (1944) фразы Мамаши в исполнении Раневской тоже стали крылатыми: «Ты, сударь, говори, да не заговаривайся!», «Хочут свою образованность показать».

В инсценировке рассказа Антона Павловича «Драма» (1960) Раневская произносит в три раза больше текста, чем написано у великого автора. Блистательную пародию на графоманство она придумала сама, безупречно стилизуя свои фантазии под чеховскую манеру. Режиссер и сценарист Александр Белинский писал: «Фаина Георгиевна «дописала» Чехова, вернее, само графоманское сочинение вздорной Мурышкиной (главной

героини. — *Ред.*). Поставив «Драму» вместе со своим постоянным партнером Осипом Наумовичем Абдуловым, она решила показать свой дерзкий опыт самой Книппер-Чеховой. Ольга Леонардовна трепетно относилась ко всему, что касается искажения текста Антона Павловича, и привела на просмотр Василия Ивановича Качалова. И вот перед этими двумя великими зрителями, трепеща, начали играть Раневская и Абдулов свой концертный номер. Через минуту Раневская взглянула в зрительный зал. Она не увидела ни Книппер, ни Качалова. Оба, свалившись со стульев в буквальном смысле слова, стонали от хохота».

В фильме «Сегодня новый аттракцион» (1966) Раневской досталась роль потрясенной бесконечными революциями питерской аристократки. «Стоит мне выйти на улицу, как начинается революция», — жалуется она.

Героиня Фаины Георгиевны обращается к пассажирам трамвая:

— Господа, господа, потрясающая новость! По городу летает аэроплан. В аэроплане сидят большевики и кидают сверху записки. В записках сказано: «Помогите, не знаем, что делать!»

Эпизод в трамвае, как и прелестную фразу про революцию, придумала сама Раневская. Однако сценарист фильма настоял, чтобы эту «отсебятину» из его сценария убрали. И эпизод в трамвае, к сожалению, в окончательный вариант монтажа не вошел.

Но случай с «Аттракционом», пожалуй, исключение. Большинство режиссеров считали невероятной удачей, если Раневская дополняла их фильмы своими искрометными фразами.

Независимо от качества фильма, это почти гарантировало ему зрительский успех.

Диалектика или смерть!

Хотя Раневская вечно сетовала на свою неудачную киносудьбу («деньги съедены, а позор остался»), ей все-таки удалось сыграть одну большую и, наверное, главную для себя роль на экране. Ее Роза Скороход в фильме Михаила Ромма «Мечта» (1941), — несомненный мировой актерский шедевр. Фаине Георгиевне удалось создать объемный образ, сотканный из противоречий, рассчитанный, подобно скульптуре, на круговой обзор. Она с большой силой и убедительностью сыграла роль грубой, алчной хозяйки захудалого пансиона «Мечта», несчастной в безмерной любви к своему сыну — подлецу и пустышке, теряющей в своей жизни одну иллюзию задругой. Раневская создала образ, вызывающий то отторжение, то сострадание, заставляющий то плакать, то смеяться. Зрители всей душой полюбили эту суматошную и властную женщину, на полном серьезе спрашивающую маленькую гимназистку: «Деточка, что тебе больше хочется — на дачу, или чтобы тебе оторвали голову?» Виртуозно передает Раневская всегда непредсказуемые и всегда органичные смены настроений, мимики и интонаций голоса мадам Розы.

Президент США Франклин Делано Рузвельт, посмотрев фильм «Мечта», написал в журнале «Look»: «На мой взгляд, это один из самых великих фильмов земного шара. Раневская очень талантлива. Это блестящая трагическая актриса».

Ролей, сопоставимых по масштабу и драматизму с ролью Розы Скороход, на экране у Фаины Георгиевны еще не было. И актриса предчувствовала, что никогда больше не будет. Понятно, как разъяренная львица, она защищалась от нападок чинуш от культуры и всяких киноначальников, стремившихся как-то урезать, принизить, отредактировать роль «классово-чуждой» мадам Скороход. Такие попытки не раз предпринимались. Особенно постарался тогдашний председатель Государственного комитета по кинематографии Иван Григорьевич Большаков. К кино и творчеству этот чиновник имел, мягко говоря, далекое отношение. В молодости Большаков трудился станочником и табельщиком на Тульском оружейном заводе, затем окончил Плехановский институт народного хозяйства, был инструктором Союза металлистов. Потом вдруг по зову партии был брошен на «важнейшее для нас искусство» — кино.

* * *

Как-то после поездки в Москву расстроенный Михаил Ильич Ромм сообщил Раневской, что теперь «Мечта» кажется Ивану Григорьевичу Большакову слишком длинной, и он потребовал изъять из картины замечательную по драматургии сцену в тюрьме — свидание Розы Скороход со своим негодным сыном. На взгляд высокопоставленного «эксперта», эпизод этот «тормозил» действие фильма, ничего не прибавляя ему ни эмоционально, ни интеллектуально.

Как рассказывает сама Раневская, услышав это, она окаменела: «Как! Выбросить мою лучшую сцену! Мне казалось, меня прострелили насквозь».

Фаина Георгиевна тут же отправилась в Москву и записалась к главному начальнику кино на прием. Нервы у нее были на пределе. По словам Раневской, в приемной, ожидая аудиенции, она стояла вся напряженная как струна, не обращая внимания на любезное приглашение сесть. Ей казалось, что прошла целая вечность, пока ее наконец попросили пройти в кабинет.

Только переступив порог, Раневская сразу же ринулась в атаку:

— Товарищ Большаков, Ромм сказал мне, что вы выбросили из «Мечты» мой эпизод, самый важный для всей моей роли.

— Да, но, понимаете, — замялся большой чиновник, — эта ваша героиня-мадам — отрицательный образ, а тут вдруг зрителям становится ее жалко. Это лишнее, это не педагогично. Это уводит, уводит советского зрителя…

Раневская приблизилась к начальнику кино почти вплотную:

— Вы же коммунист и наверняка знаете, что такое диалектика?

Большаков попытался перевести разговор в шутку, но смешок застрял у него в горле, когда он увидел дикие глаза актрисы.

— Если вы, Иван Григорьевич, — начала она, раздельно выговаривая слова, почти тихо, — не вернете в фильм эту сцену, я застрелю вас. Меня никто и ничто не остановит.

«О, вы не представляете, как я ему это сказала! — восклицала Фаина Георгиевна. — Как я умею, когда надо, сказать! Во мне была вся ненависть мира!»

И Большаков сцену свидания в тюрьме восстановил…

Яркие семитские черты

Осенью 1942 года Сергей Эйзенштейн просил утвердить Раневскую на роль княгини Ефросиньи Старицкой в фильме «Иван Грозный». По словам режиссера, он писал образ тетки царя как раз под Фаину Георгиевну. Из Алма-Аты, куда во время войны переехал «Мосфильм», Эйзенштейн прислал Раневской сценарий. Позже актриса приехала к режиссеру из Ташкента, они долго беседовали, обсуждая роль.

В свое время именно Сергей Эйзенштейн дал скромной, не уверенной в себе, заикающейся дебютантке, только засветившейся на «Мосфильме», совет, который оказал серьезное влияние на ее жизнь.

— Фаина, — сказал Эйзенштейн, — ты погибнешь, если не научишься требовать к себе внимания, заставлять людей подчиняться твоей воле. Ты погибнешь, и актриса из тебя не получится!

Вскоре Раневская продемонстрировала наставнику, что у него чему-то научилась.

Но, несмотря на все старания режиссера, Фаина Георгиевна не была утверждена на роль Ефросиньи Старицкой. Запрет шел с самого верха. По словам председателя Государственного комитета по кинематографии Ивана Большакова, на кинопробе «семитские черты Раневской очень ярко проступали, особенно на крупных планах».

По иронии судьбы роль Старицкой в фильме Эйзенштейна сыграла другая актриса с не менее выраженными еврейскими чертами — Серафима Германовна Бирман. Правда, в ее паспорте в графе «национальность» предусмотрительно значилось — «молдаванка».

Но скорее всего, дело было не в пресловутых чертах, а в самой Раневской.

Узнав, что ее не утвердили на роль в «Иване Грозном», Фаина Георгиевна пришла в негодование, грешным делом подумав, что это произошло по вине режиссера. В сердцах она воскликнула:

— Лучше я буду продавать кожу с жопы, чем сниматься у Эйзенштейна!

«Доброжелатели» незамедлительно донесли режиссеру «Броненосца» высказывание актрисы, и он отбил Раневской из Алма-Аты приветственную телеграмму: «Фаина Георгиевна, как идет продажа?»

Терпкий талант

Однажды Раневская поведала Глебу Скороходову о том, как в свое время гостила на даче у самого Алексея Николаевича Толстого и о тосте, который сказал выдающийся писатель в ее честь. Фаина Георгиевна клялась, что больше про этот случай никому никогда не рассказывала («Такая, бл…дь, стеснительная»).

Раневская: «Итак, я в гостях на даче Толстого, он поднимает бокал:

— Я хочу выпить за терпкий талант Раневской.

После застолья я подошла к нему:

— Алексей Николаевич, меня тронула ваша оценка. Я только не поняла, почему «терпкий»?

— От запаха скипидара очень долго нельзя избавиться. После «Мечты» ваша старуха ходила за мной по пятам. Выйду в сад к цветам — она передо мной. Сяду за стол, чтобы писать, не могу — она, проклятая, рядом, наблюдает за каждым моим движением. Две недели преследовала, еле избавился. Вот сейчас вспомнил, и снова она как живая. Вы не актриса, вы актрисище!»

Живое чудо

В детском фильме «Слон и веревочка» (1945) Раневская снималась с 6-летней Наташей Защипиной, исполнившей роль главной героини Лидочки. Фаина Георгиевна просто влюбилась в бойкую, очаровательную девочку, которую называла «живым чудом».

Раневская вспоминала, что сначала боялась за Наташу, поскольку все актеры боятся играть с детьми: «те ведь не играют, а живут, так верят в происходящее, что разоблачают любого актера, который такой веры не нашел».

Неожиданно они подружились. «Может оттого, что я вообще не умею сюсюкать и говорила с Наташей, как со взрослой. А ей было шесть! Кроха!..» — рассказывала Раневская.

Девочка запросто приходила к актрисе в грим-уборную и наблюдала, как ее гримируют.

— Тебе интересно играть мою бабушку? — как-то спросило Живое чудо.

— Интересно, — ответила Раневская.

— А ты меня уже любишь? — снова спросила девочка, в то время как гримерша натягивала актрисе парик.

— Я тебя всегда люблю, — ответила Раневская.

Напугала классика

Раневская мечтала попасть в труппу Художественного театра.

Ее добрый друг Василий Иванович Качалов устроил ей встречу с самим Немировичем-Данченко. В кабинет легендарного художественного руководителя МХАТа Фаина Георгиевна вошла, страшно волнуясь. Владимир Иванович начал с комплимента. Он сказал, что хотя, к его стыду, еще не имел возможности видеть Раневскую на сцене, ему о ней рассказали столько всего хорошего, что он всерьез подумывает включить ее в состав труппы Художественного театра. Неимоверно обрадованная Фаина Георгиевна вскочила со стула и, бросившись классику на шею, начала его истово благодарить. К несчастью, от волнения Раневская перепутала имя-отчество Немировича-Данченко. А знаменитости такое, известно, не прощают.

— Спасибо вам, дорогой Василий Петрович! Этот день, Василий Петрович, я никогда не забуду! — со слезами благодарности на глазах воскликнула актриса.

— Он как-то странно посмотрел на меня, что я выбежала из кабинета, не простившись, — вспоминала потом Раневская.

Утром секретарша Владимира Ивановича сообщила Раневской, что приказ о ее зачислении в труппу Художественного театра отложен.

Оказалось, навсегда.

В тот же день Раневская в слезах рассказала все Василию Качалову. Он скрепя сердце опять пошел к Владимиру Ивановичу с просьбой принять Раневскую вторично.

— Нет, Василий Иванович, — твердо сказал Немирович, — и не просите. Она какая-то ненормальная. Я ее боюсь.

Сосланный Бог

Раневскую связывала искренняя дружба с Соломоном Михоэлсом («Не знаю человека умнее, блистательнее его»). Она тяжело переживала страшную смерть великого актера и режиссера, в 1948 году вроде бы по трагической случайности сбитого грузовиком. Как выяснилось позже, это было убийство, тщательно инсценированное НКВД по личному указанию Сталина.

…Однажды какой-то знакомый хотел сделать Фаине Георгиевне комплимент и сказал: «У вас такой юмор искрометный…» Раневская улыбнулась: «Ну, что вы… Разве это юмор! Вот иду я по улице Горького с Михоэлсом, а навстречу идет Завадский». Я говорю Михоэлсу: «Есть люди, в которых живет дьявол, а вот в этом человеке могут жить только глисты. В вас же живет Бог». А он мне сразу, без паузы, отвечает: «Фаечка, если во мне живет Бог, значит, он туда сослан!»

Тридцать сребреников

В 1949 году Раневская снялась в кинодраме «У них есть Родина», поставленной по пьесе Сергея Михалкова. В фильме Фаина Раневская сыграла роль немки, хозяйки кафе фрау Вурст. Картина была преисполнена гуманистического пафоса, она повествовала о том, как наши доблестные советские разведчики, разыскав на территории Западной Германии сиротский приют с интернированными из Союза детьми, всеми героическими способами добиваются их возвращения на родину…

Фаина Раневская считала, что роль фрау Вурст ей вполне удалась, но с неохотой вспоминала о самом фильме, со свойственной ей прямотой называя его «михалковским дерьмом». «Вурст — по-немецки колбаса, — говорила она. — Я и играю такую толстую колбасу, наливающую себя пивом. От толщинок, которыми обложилась, пошевелиться не могла. И под щеки и под губы тоже чего-то напихала. Не рожа, а жопа. Но когда я говорю о михалковском дерьме, то имею в виду одно: знал ли он, что всех детей, которые после этого фильма добились возвращения на Родину, прямым ходом отправляли в лагеря и колонии? Если знал, то тридцать сребреников не жгли руки? Вы знаете, что ему дали Сталинскую премию за «Дядю Степу»? Михаил Ильич Ромм после этого сказал, что ему стыдно носить лауреатский значок. Язвительный Катаев так изобразил его в «Святом колодце», такой псевдоним придумал — Осетрина (Михалков действительно был похож на длинного осетра) — и живописал его способность, нет, особый нюх, позволяющий всегда оказываться среди видных людей или правительственных чиновников, когда те фотографируются».

Простите, миледи!

Актриса Клавдия (Капитолина) Пугачева вспоминала: «С Фаиной Георгиевной Раневской я познакомилась, когда она поступила в Театр драмы — бывший Театр революции, ныне имени Маяковского. При знакомстве она производила впечатление своим юмором. Двух минут не прошло, вроде бы она ничего не сказала и не сделала, а все вокруг уже безудержно смеются.

За время ее работы в Театре драмы мы сидели в одной гримировальной уборной. На гастролях нас часто селили в одном номере. Дирекция на нас экономила, хотя мы с Раневской имели право жить в отдельных номерах. Но я не протестовала, да и она тоже. Вдвоем было даже интереснее.

Разница в годах, как нам тогда казалось, была невелика: мне было 40, ей 50. Я получала много радости от общения с ней, хотя характер в общежитии у нее был нелегкий. Фаина интересовалась литературой, поэзией, музыкой, любила писать масляными красками пейзажи и натюрморты, как она их называла, «натур и морды». Она любила говорить образно, иногда весьма озорные вещи. Высказывала их с большим аппетитом и смелостью, и в ее устах это звучало как-то естественно. Она знала, что я не любила и никогда не употребляла подобных слов и выражений, и поэтому, высказавшись от души, добавляла: «Ах, простите, миледи, я не учла, что вы присутствуете».

Дело в юбке

Клавдия Пугачева вспоминала: «В пьесе Штейна «Закон чести» нам с Раневской неожиданно пришлось играть одну роль — Нины Ивановны, жены профессора. Первоначально на эту роль была назначена Фаина. Ее первый выход сразу же пленял публику. Она выходила, садилась за пианино, брала один аккорд и под звучание этого аккорда поворачивала лицо в зал. У нее было такое выражение лица с закатанными кверху глазами, что публика начинала смеяться и аплодировать. Она брала второй аккорд и с бесконечно усталым выражением опять поворачивалась к залу. Смех нарастал. Дальше играть было уже легко, так как зрители были в ее власти. Играла она эту роль прелестно, как все, что она делала на сцене. Она вообще была актрисой вне амплуа, она могла играть все.

И вдруг Раневская заболевает, и на эту роль Охлопков назначает меня. Я отказывалась, как могла. Но тогда спектакли не отменяли, требовали срочных вводов. Охлопков настоял на своем, дал мне слово, что не будет вмешиваться и что в этой роли я могу придумать, что хочу. И еще добавил: «Ты профессорша? Профессорша. Вот себя и играй».

Что мне было делать? Я мучительно искала характер и внешний облик моей героини. После находок Фаины особенно важен был первый выход. В ту пору были модны узкие юбки, и я сшила себе узкую юбку — просто трубочку. Когда я вышла на сцену и сделала несколько шажков, публика разразилась смехом и зааплодировала. Как я играла в тот день, не знаю. Знаю, что Охлопков был в зале и распорядился, чтобы впредь мы играли в очередь с Фаиной.

Поздно вечером мне позвонила Фаина:

— Чертовка, что ты там придумала, что на твой выход тебе устроили овацию?

— Успокойся, — говорю, — аплодировали не мне, а моей юбке. Ты лучше подумай, каково мне было появиться перед публикой, которая пришла на тебя, тебя любит и тебя ждала.

— Не морочь мне голову. Что за юбка такая?

Я рассказала. Пауза.

— А можно, я тоже себе сделаю такую?

— Пожалуйста.

На следующем спектакле я пошла смотреть Фаину в новой юбке. Когда она вышла, меня объял великий страх, что она упадет. Ходить в ней она не могла. Она еле-еле дошла до пианино и рухнула на стул. Во втором акте она эту юбку сняла.

Вообще-то, соревноваться с Раневской по части пародий, в том числе пародий на наряды и на моды, было невозможно. Она вдруг приходит в немыслимой шляпе и затевает такую игру: «Хочешь, я пройду в этой шляпе так, что никто ее не заметит?» И действительно, она преображалась, шляпа становилась совершенно органичной, все смотрели на Фаину, никто не замечал шляпу. Или наоборот: «Хочешь, я пройду этими туфлями так, что все их заметят?» Обыкновенные туфли. Идет. Все начинают спрашивать: «Фаина Георгиевна, где вы достали такие туфли?»

Реабилитация яиц

Борис Львович в своей книге «Актерская курилка» рассказал такую байку о Раневской.

Во время войны не хватало многих продуктов, в том числе и куриных яиц. Для приготовления яичницы и омлетов использовали яичный порошок, который поставляли в Россию американцы по ленд-лизу. Народ к этому продукту относился настороженно, поэтому в прессе постоянно печатались статьи о том, что порошок очень полезен, а вот натуральные яйца, наоборот же, очень вредны.

Война закончилась, появились продукты, и куриные яйца стали встречаться на прилавках все чаще. В один прекрасный день несколько газет поместили статьи, утверждающие, что натуральные яйца очень полезны и питательны. Говорят, в тот вечер Раневская позвонила знакомым и сообщала:

— Поздравляю, миленькие мои! Наконец-то яйца реабилитированы!

Немузыкальная фамилия

Советского композитора Вано Ильича Мурадели по праву назвали гимнопевцем компартии. Перечень его произведений впечатляет: симфония памяти Сергея Кирова, поэма-кантата «Вождю», «Кантата о Сталине», Торжественная увертюра к 50-летию В. М. Молотова, «Песня-здравица» в честь И. В. Сталина, песня «Нас воля Сталина вела», песня «Москва-Пекин», которой он оперативно откликнулся на сближение СССР и маоистского Китая…

Раневская не признавала таких дутых авторитетов. Однажды и обласканный партией Мурадели попался на ее острый язычок.

— А ведь вы, Вано, никакой вовсе и не композитор! — поддела она его.

— Это почему же я не композитор? — с кавказской горячностью вскричал Мурадели.

— Да потому, что у вас фамилия такая. Вместо «ми» у вас «му», вместо «ре» — «ра», вместо «до» — «де», вместо «ля» — «ли». Вы же, Вано, в ноты не попадаете! — разложила композитора «по полочкам» Раневская.

* * *

А вот одному начинающему композитору, решившемуся сочинить колыбельную, Раневская язвительно заметила:

— Уважаемый, даже колыбельную нужно писать так, чтобы люди не засыпали от скуки…

Не наша идея

Однажды судьба столкнула Фаину Георгиевну с самим Лазарем Кагановичем, всесильным советским «серым кардиналом», без совета с которым даже Сталин не принимал ни одного серьезного решения и не делал никаких смелых шагов. Лазарь Моисеевич ведал всеми кадровыми вопросами компартии, был инициатором создания культа личности «отца народов» и главным организатором репрессий 1930-х годов. Одним словом, именно он породил то чудовище, масштабы преступлений которого до сих пор ужасают весь мир…

— Прогуливаюсь как-то по аллее в правительственном санатории в Сочи, — вспоминала Раневская. — Мне навстречу идет Каганович, узнал меня и с ходу начал разговор:

— Как вы там поживаете в театре? Над чем работаете?

— Ставим спектакль «Белые ночи» по Достоевскому.

Тогда он с экзальтацией воскликнул:

— А идея там какая, какая идея?

— Идея в том, что человек не должен убивать человека, — спокойно ответила Раневская.

И тут стремительно последовала категоричная оценка «серого кардинала» партии, с отрепетированным руководящим жестом рукой:

— Это не наша идея. Не наша.

И Каганович быстро удалился.

Опасный номер

На гастролях в Ленинграде в 1950 году Фаину Георгиевну разместили в роскошном номере в гостинице «Европейская» с видом на Русский музей, сквер и площадь Искусств. Раневской здесь все очень нравилось, она с удовольствием принимала в своих апартаментах ленинградских друзей и как обычно травила им антисоветские анекдоты, ругала власть и тупых чинуш. Через неделю к ней зашел администратор и предложил переехать в такой же номер на другой этаж.

— Это почему вдруг? — возмутилась Фаина Георгиевна. — Номеров много, а Раневская у вас одна.

— Да, да, — пролепетал администратор, — но мы очень вас просим переехать, уверяем, в новом номере вам будет гораздо удобнее.

— Мне и здесь хорошо, — уперлась Фаина Георгиевна.

Тогда наутро к ней лично явился директор «Европейской», по ее словам, «маленький, кривой неариец» — с просьбой переехать в другой номер. «Он не выговаривал ни одной буквы, а я сразу начала заикаться, — рассказывала потом Раневская. — Вообразите наш диалог. Бегая глазами, он сообщил мне, что ждет вскоре какого-то иерарха, а мой номер единственный с прослушивающей техникой».

После этого Фаина Георгиевна моментально переехала в предложенный ей номер этажом выше. Но на новом месте в оставшиеся ночи она так и не смогла уснуть, поскольку с ужасом вспоминала, что наговорила в опасном номере с «жучком», и гадала, что с ней теперь будет…

За кремлевскими зубцами

Однажды в Кремле устроили прием и пригласили на него самых заслуженных и известных людей страны. По высочайшему решению попала на эту светскую вечеринку и Фаина Георгиевна Раневская. Предполагалось, что великая актриса будет веселить гостей, но ей самой это было совсем не по духу. Весь вечер Раневская молчала, грустно потупив голову. Кремлевские вельможи были разочарованы. Один высокопоставленный партийный работник даже сделал выговор великой старухе:

— Мне кажется, товарищ Раневская, что даже самому большому в мире глупцу не удалось бы вас рассмешить.

— А вы попробуйте, — простодушно предложила Фаина Георгиевна.

— Товарищ Раневская, ох, и трудно сейчас жить честным людям! — на том же приеме пожаловался Фаине Георгиевне один видный партиец.

— Ну, а вам-то что? — язвительно заметила актриса.

Смельчак

В начале 1960-х годов вместе с Раневской в Театре им. Пушкина служил молодой Высоцкий. Но на сцене они не пересекались: Фаина Георгиевна была уже «народной», а Владимир Семенович играл в массовке. Так, в спектакле про колхозную жизнь «Свиные хвостики» он изображал пятидесятилетнего председателя колхоза, хотя самому актеру в ту пору было 22. Конечно, таких ролей для него было мало, и это приводило к депрессии, неверию в свои силы… И тогда Высоцкий срывался и не приходил в театр неделями, а на сцене иногда бывал нетрезв. Режиссер Борис Равенских за это несколько раз грозился выгнать актера из театра, строчил ему выговоры… От увольнения Высоцкого спасало только заступничество Фаины Георгиевны — она, едва ли не единственная в те времена, верила в него, считая очень талантливым человеком.

Как рассказывала актриса Алла Демидова, познакомились Раневская и Высоцкий случайно.

Фаина Георгиевна как-то стояла в вестибюле Театра им. Пушкина перед доской приказов и читала о бесконечных выговорах одному и тому же актеру за разные провинности.

— Бог мой, кто же это такой смельчак?! — громко на весь холл восторженно воскликнула она.

— Это я, — скромно ответил худенький юноша, который случайно оказался рядом. Это был Владимир Высоцкий.

Осторожно, г…!

Раневская каялась, что иногда, малодушно уступая просьбам кинорежиссеров, играла в фильмах, от которых, по ее словам, ей «хотелось блевать». Зато потом ругала себя долго и беспощадно. Фаина Георгиевна говорила, что советский кинематограф стал «братской могилой ее ролей».

Актер и режиссер Борис Львович вспоминал: «Моя тетка, жившая в Риге, часто бывала в Москве и в доме подруги встречалась с Раневской. Тетку по совпадению тоже звали Фаиной, и Раневскую это радовало. «Мы с вами две Фаньки, — говорила она, — очень редкое имя!» Однажды она вдруг позвонила тетке в Ригу, чего до той поры никогда не делала. «Фанечка, — прогудела она в трубку своим неповторимым басом, — вы уже посмотрели фильм «Осторожно, бабушка!» со мной в главной роли?»

Тетка ужасно разволновалась:

— Нет, Фаина Георгиевна, к сожалению, еще не видела, но завтра же пойду посмотрю, наверное, у нас уже где-нибудь идет?

— Ага, ага, наверное, идет, — сказала Раневская, — так я чего звоню-то? Не ходите ни в коем случае: фильм редкое говно!»

Даная с папироской

Одной из ярчайших театральных работ Раневской была роль Бабушки в спектакле Театра им. Пушкина «Деревья умирают стоя». Артист Витольд Успенский, игравший на сцене ее внука, рассказал Борису Львовичу, как Фаина Георгиевна однажды нахулиганила. На гастролях собрались как-то молодые актеры выпить-закусить. Бегут гурьбой по гостиничной лестнице вниз, в ресторан, а навстречу тяжело поднимается Раневская. «Ах, молодые люди, — завздыхала она, — вы бежите гулять-веселиться, а я, старая старуха, буду лежать в номере одна, в тоске и грусти…» «Фаина Георгиевна, — загалдели молодые наперебой, — идемте с нами в ресторан, для нас это такая честь — посидеть с вами!..» «Нет, дорогие мои, — вздыхала та, — я старая старуха, я уж буду в номере лежать… Разве что чашечку кофе мне принесите!» «Вот вы, дружок, — обратилась она к артисту Шевцову, — не откажите в любезности…» «Момент! — крикнул Шевцов, — для вас — все!» Вот он держит чашечку кофе, стучит в дверь Раневской, слышит ее бас: «Войдите!»… Входит — и от неожиданности роняет чашку. Положив на пол матрас, открыв настежь окна, лежит совершенно голая, как Даная, великая артистка и курит. Шевцов уронил чашку. Невозмутимо посмотрев на остолбеневшего Шевцова, Раневская пророкотала: «Голубчик, вас шокировало, что я курю «Беломор»?»

Вышла из положения

Фаина Георгиевна умела шутить с простодушным веселым озорством, обходясь и без всяких «непечатных» словечек. Анна Андреевна Ахматова часто рассказывала о Фаине Георгиевне разные смешные истории. Вот одна из них. Однажды Раневская пришла домой после спектакля уставшая, промокшая до костей. Только переступила порог — тут же зазвонил телефон. Это был один из почитателей, принявшийся осыпать актрису комплиментами. А она стояла в мокрых ботинках и пальто, устало кивая: «Да, да, да». И так почти целый час. В конце концов, Раневская не выдержала и сказала: «Извините, не могу больше говорить, ведь я говорю с вами из телефона-автомата, здесь уже толпа ждет, в дверь будки колотят».

О Фаине Георгиевне ходила еще такая байка.

Будто бы кто-то часа в два ночи позвонил ей. Она сняла трубку. И своим чудным басистым голосом нараспев произнесла: «Алло-о-о…»

— Это номер: 265–07–89? — уточнил кто-то на том конце провода.

— Вы с ума сошли, — отвечала Фаина Георгиевна, — у меня вообще нет телефона.

* * *

В другой раз назойливая поклонница стала выпрашивать у Фаины Георгиевны номер ее телефона. На что та ответила с искренним изумлением в глазах:

— Милая, вы что, с ума сошли? Ну откуда я знаю свой телефон? Я же сама себе никогда не звоню.

Крайняя мера

Когда Фаина Георгиевна жила еще в одной квартире с Вульфами, она принимала посильное участие в воспитании маленького Алеши Щеглова, своего «эрзац-внука».

Как-то раз мальчик ночью стал капризничать и не засыпал. Павла Леонтьевна Вульф смело предложила:

— Может, я спою ему колыбельную?

— Ну, зачем же сразу так сурово, — возразила Раневская. — Давай еще попробуем по-хорошему.

Красная Шапочка и математика

Однажды после вечернего чтения маленький Алеша Щеглов спросил свою «эрзац-бабушку»:

— А как Красная Шапочка узнала, что на кровати лежит не бабушка, а серый волк?

— Да очень просто: внучка просто посчитала ноги — волк имеет аж четыре ноги, а бабушка только две. Я же тебе говорила: «Арифметика — великая вещь. И ее надо знать назубок».

Черным по белому

Как-то маленький Алеша спросил у Фуфы: — Что это ты все время пьешь что-то из бутылочки, а потом пищишь «пи-пи-пи»?

— Это новое лекарство, — отвечает Раневская. — Читать умеешь? Вот читай: на бутылочке черным по белому написано: «Принимай после пищи».

* * *

— Фуфа! — будит Раневскую «эрзац-внук». — Мне кажется, где-то пищит мышь…

— Ну и что ты хочешь от меня? Чтобы я пошла ее смазать?

Днем с огнем

Фаина Раневская долго прожила в доме номер 7 по Старопименовскому переулку в самом центре Москвы. В комнате актрисы в огромной коммунальной квартире было всегда темно, поскольку та почти упиралась своим остекленным эркером в стену соседнего здания. И днем и ночью Раневской приходилось включать электричество. Словом, эту комнату Фаине Георгиевне так и хотелось уподобить гробу. Гостям, приходящим к ней домой впервые, хозяйка жаловалась:

— Эх, живу, как Диоген. Посмотрите, днем с огнем!

* * *

Актрисе Марии Владимировне Мироновой Раневская заявила:

— Моя комната не предназначена для людей. Это сущий колодец. Я чувствую себя ведром, которое туда опустили.

— Но ведь так нельзя жить, дорогая Фаина Георгиевна! — в сердцах воскликнула Мария Владимировна.

— А к-хто вам сказал, что это жизнь? — последовал резонный ответ.

Миронова решительно подошла к окну эркера. Подергала за ручку, чтобы открыть, но безрезультатно. Окно комнатки великой актрисы почти упиралось в глухую стену.

— Бог мой! У вас даже окно не открывается… — возмутилась Марина Владимировна.

— По барышне говядина, по дерьму черепок, — последовал ответ.

Приспичило

В начале 1950-х годов Фаине Георгиевне наконец-то дали отдельную квартиру. Причем сразу просторную двушку в элитной сталинской высотке на Котельнической набережной. В этом доме жили сплошь знаменитости: актрисы Клара Лучко, Лидия Смирнова, Нонна Мордюкова, Марина Ладынина с мужем кинорежиссером Иваном Пырьевым, поэт Александр Твардовский, балерина Галина Уланова, дрессировщица Ирина Бугримова, композитор Никита Богословский. Последний, известный шутник, придумал такую фривольную загадку: «В нашем доме в одной квартире девять лауреатов спят в одной постели. Кто это?» Гости терялись в догадках и строили недвусмысленные предположения о звездной «групповухе». «Пырьев с Ладыниной!» — довольно потирал руки композитор, выслушав все пикантные версии. На двоих у актрисы и режиссера действительно было 9 государственных премий.

Отношения Фаины Георгиевны со звездными соседями складывались по-разному. Больше всего она сдружилась с автором «Василия Теркина». Александр Твардовский часто заходил к актрисе просто так, по-свойски. А начались их соседские посиделки с небольшого конфуза: как-то поэт забыл ключи, а его домочадцы все, как назло, были на даче. И тут Твардовскому нестерпимо захотелось в туалет. Не справлять же великому поэту нужду на лестничной площадке?! Пришлось позвонить в квартиру этажом ниже, к Раневской. «Понимаете, дорогая знаменитая соседка, я мог обратиться только к вам. Звоню домой — никто не отвечает. Понял — все на даче. Думаю, как мне быть? Вспомнил, этажом ниже — вы. Пойду к ней, она интеллигентная. Только к ней одной в этом доме, — высокопарно начал поэт и тут его голос дрогнул. — Ой, извините, понимаете, жутко приспичило… Мне нужно в туалет…» Глаза у поэта были виноватые, как у нашкодившего ребенка.

Потом она кормила его завтраком… Знакомство, начавшееся столь оригинально, понравилось обоим, поэт проговорил с актрисой несколько часов кряду. Провожая незваного гостя, Раневская пригласила его почаще заходить к ней: «Приходите еще, — говорила актриса, — двери моего клозета всегда открыты для вас!»

Твардовский был не дурак выпить. В своем дневнике Фаина Георгиевна записала: «Иногда просил водку. Спрашивал, нет ли у меня водки. Я ему не давала ее…

…Мы часто встречались у лифта. Александр Трифонович

(нетрезвый) пытался открыть лифт, вертя ручку в обратную сторону. Подхожу и вдруг слышу на мое предложение помочь:

— Может быть, вы приняли меня за Долматовского? Так я не Долматовский.

Я рассмеялась.

Твардовский гневно:

— Я не вижу ничего смешного».

Фаина Георгиевна любила Твардовского, как она говорила, «за аристократизм». Очень скорбела о безвременном уходе Александра Трифоновича еще совсем не старым, шестидесятилетним. «Какая мука, какая тоска смертная, когда уходят такие, как Твардовский», — сокрушалась она.

Выкрутилась

Актриса, кстати, получила квартиру в знаменитом доме на Котельнической набережной благодаря случайному вмешательству самого грозного КГБ. Будучи уже «заслуженной» и «народной», Фаина Георгиевна не по статусу долго делила с соседями коммуналку в Старопименовском переулке — отдельную квартиру власти обещали выделить лишь со временем. Но неожиданно персоной Раневской заинтересовался всесильный Комитет государственной безопасности. На встречу с Раневской для моментальной «вербовки в лоб», по терминологии чекистов, послали молодого капитана по фамилии Коршунов. Он начал издалека, рассказав актрисе о сложной политической ситуации в мире, о подрывной деятельности секретных служб и Госдепа США, стремящихся к развалу великого братского СССР. Невзначай Коршунов напомнил актрисе также и о долге каждого советского гражданина оказывать посильную помощь КГБ в его благородной миссии по охране великих завоеваний социализма.

Фаина Георгиевна быстро поняла, к чему клонит капитан, и ловко выкрутилась из щекотливой ситуации. С пафосом в голосе актриса заявила, что предложение сотрудничать со славными органами для нее, несомненно, высочайшая честь, и она давно ждала этого момента, но… Есть одно маленькое «но»! Во-первых, она живет в коммунальной квартире, а во-вторых, громко разговаривает во сне. А вдруг ночью, во сне, она непроизвольно начнет сама с собой обсуждать способы выполнения секретного задания? Назовет фамилии, имена и клички агентов, явки, пароли, время встреч и прочее… А у стен тоже есть уши… Да и ее соседи-болтуны по коммуналке — настоящая находка для шпионов!

После этой истории Фаина Георгиевна и получила отдельную квартиру в престижном доме на Котельнической набережной. Правда, всемогущий Комитет остался в накладе: «стучать» на своих новых соседей Раневская под разными хитроумными предлогами наотрез отказывалась. В конце концов, пришлось людям из органов оставить актрису в покое.

Над хлебом и зрелищем

Но с жильем актрисе, можно сказать, опять не повезло. Раневская жаловалась подруге по телефону: «Получила новую квартиру (в высотке на Котельнической набережной. — *Ред.*). Отопление не работает. В туалете холод. Сижу на унитазе, как орел во льдах». Но это была вполне решаемая сантехническая проблема. Беда была в том, что окна расположенной на втором этаже квартиры Фаины Георгиевны выходили в каменный внутренний двор. А там располагался выход из популярного кинотеатра «Иллюзион» и место, где разгружали хлебные фургоны для здешней булочной-кондитерской. Ранним утром грузчики жутко матерились и шумели, не давая спать. Поздним вечером громко топала и хохотала публика, расходясь после последнего сеанса из «Иллюзиона». Но мало того — дни напролет с детской площадки под ее окнами доносился гомон и смех играющей и веселящейся ребятни.

— Я живу над хлебом и зрелищем, — жаловалась Раневская.

Глеб Скороходов рассказывал, что как-то актрисе позвонила Ксения Маринина, режиссер телепередачи «Кинопанорама», захотела заехать.

— Кх-Ксаночка, милая, не могли бы вы зайти и взять хлеба в нашей булочной? — попросила Фаина Георгиевна.

Ксения Борисовна, конечно, накупила целую авоську.

— Кх-Ксаночка, хлеб хороший, но надо обжечь его на огне, а то грузчики на него ссали, — неожиданно попросила Маринину Фаина Георгиевна, встретив ее у двери.

— Все готово — обожгла хлеб, — вскоре сообщила Маринина.

— Вы д-долго его обжигали, Кх-саночка? Ведь они д-долго на него ссали! — удрученно говорила Раневская.

Скромный гений

Еще на съемках фильма «Весна», которые проходили в Праге, Фаина Георгиевна встретилась со своей семьей, переехавшей туда после эмиграции. Они начали общаться. Через несколько лет сестра Раневской, красавица Изабелла (Белла), теперь носившая фамилию Ален, овдовев, решила переехать в Советский Союз. Казалось бы, неустранимые бюрократические формальности помогла уладить министр культуры Е. А. Фурцева, покровительствовавшая Фаине Георгиевне. Всесильная «Екатерина Великая», как ее по праву называли, ходатайствовала, чтобы возвращенку прописали в квартиру сестры на Котельнической набережной. Все вроде бы складывалось хорошо. Однако Белла, долгие годы прожившая в славном городе Париже, была до крайности подавлена убогостью советского быта. Зная о всенародной известности Фаины, она ожидала увидеть у нее роскошную машину, загородную виллу, а попала в типовую квартиру, в которую постоянно доносился шум со двора. Белла никак не ожидала, что прославленная актриса, по западным меркам — настоящая «звезда», живет столь скромно, если не сказать, бедно. Да и полупустые полки московских магазинов после парижского изобилия не могли не шокировать избалованную иностранку. Изабелла так и не смогла привыкнуть к новой реальности. Через несколько лет после переезда врачи обнаружили у нее рак. Раневская возила сестру к самым авторитетным медицинским светилам, устраивала в элитные больницы, как могла выхаживала, но не спасла. Белла умерла в 1964 году.

* * *

Протоиерей Михаил Ардов, в молодости часто бывавший в квартире великой актрисы, рассказал такой случай. Однажды он увидел на столе Раневской фотографию, на которой были запечатлены две фигуры: сама Фаина Георгиевна и Екатерина Алексеевна Фурцева, которая смотрела на актрису снизу вверх и очень преданно. На оборотной стороне снимка рукою Раневской было написано буквально следующее:

«Е. А. Фурцева: Как поживает ваша сестра?

Я: Она умерла…»

Повертевши фотографию в руке, Ардов заметил иронически:

— Фаина Георгиевна, а Фурцева на этом снимке играет

лучше, чем вы…

Но его выпад Раневская игнорировала и произнесла:

— Я очень, очень ей благодарна… Она так мне помогла. Когда приехала моя сестра из Парижа, Фурцева устроила ей прописку в моей квартире… Но она крайне невежественный человек… Я позвонила ей по телефону и говорю: «Екатерина Алексеевна, я не знаю, как вас благодарить… Вы — мой добрый гений…» А она мне отвечает: «Ну что вы! Какой же я — гений?.. Я скромный советский работник…»

Чистая лирика

На день рождения известной балерины Татьяны Вечесловой в ее доме собралось сорок — пятьдесят человек гостей. Пришли поздравить именинницу Анна Андреевна Ахматова вместе с Фаиной Георгиевной Раневской, оказавшейся в ту пору в Ленинграде.

— Смотрите, что Вам Аннушка принесла, — подтолкнула почему-то смущающуюся Ахматову Раневская.

— Поздравляю вас! Вот… — Анна Андреевна достала из сумки сверток. Там оказалась замечательная статуэтка Ахматовой работы Елены Данько. Необыкновенно изысканная фигурка сантиметров двадцати стояла на круглом белом постаменте в длинной дымчатой тунике. На подчеркнуто прямые плечи была наброшена шаль цвета терракоты. Голова — чуть опущенная и повернутая в три четверти — моментально узнавалась по знаменитому профилю с горбинкой и челке.

— Только голова у нее отбита, — сказала очень серьезно Анна Андреевна, и стало понятно ее смущение. — Но я сама приклеила, пока держится…

В тот вечер за столом Раневская сказала собравшимся гостям: «Знаете, я вчера перечитывала Пьера Ронсара, это восхитительно…» И стала читать стихотворения великого поэта по-французски, а потом и в русском переводе, опустив веки, чуть раскачиваясь под строфу:

В твоих объятьях даже смерть желанна!
Что честь и слава, что мне целый свет,
Когда моим томлениям в ответ
Твоя душа заговорит нежданно…

Но вдруг, неожиданно прервавшись и широко раскрыв глаза, спросила: «Ну как? Обосраться можно, верно?!»

Логово, или Иллюзия императорской жизни

Летом 1964 года Фаина Раневская жила в Комарове в Доме Театрального общества. Анатолий Найман вспоминал: «В то лето Раневская принесла Ахматовой книгу Качалова-химика о стекле. «Фаина всегда читает не то, что все остальное человечество, — сказала А. А. — Я у нее попросила». Возможно, у обеих был специальный интерес к автору, мужу известной с 10-х годов актрисы Тиме. Через несколько дней мы вышли на прогулку, вернулись, в двери торчала записка от Раневской: «Madame Рабби! Очень досадно — не застала! Очень вас прошу, — пожалуйста, передайте Толе мою просьбу — прицепить к велосипеду книгу «Стекло», и если меня не застанет, пусть бросит в мое логово».

«Логово» был номер на первом этаже Дома Театрального общества, где жила актриса. В другой раз он мог быть назван «иллюзией императорской жизни» — словцо Раневской из тех, которыми Ахматова широко пользовалась».

Париж — это провинция

«Шведы требуют для меня Нобелевку, — как-то сказала Ахматова Раневской и достала из сумочки газетную вырезку. — Вот, в Стокгольме напечатали». — «Стокгольм, — произнесла Раневская. — Как провинциально!» Ахматова засмеялась: «Могу показать то же самое из Парижа, если вам больше нравится». — «Париж, Нью-Йорк, — продолжала та печально. — Все, все провинция». — «Что же не провинция, Фаина?» — тон вопроса был насмешливый: Ахматова насмехалась и над Парижем, и над серьезностью собеседницы. «Провинциально все, — отозвалась Раневская, не поддаваясь приглашению пошутить. — Все провинциально, кроме Библии». (Анатолий Найман).

Друга любить — себя не щадить

— Не знаю большего величия, чем доброта, — говорила Фаина Георгиевна. «Друга любить — себя не щадить. Я была такой», — записала она в своем дневнике.

Многие современники Фаины Георгиевны знали ее как вспыльчивого, порой капризного, часто язвительного человека. Но никто и никогда не знал ее скупердяйкой и жадиной.

Однажды, когда Фаине было пятнадцать, она увидела, что по улице идет ее сверстница. Была осень, холодина стояла страшная, а девочка почему-то была босиком. Фаина отдала ей свои модные туфли какой-то очень известной в те времена фирмы — с тупыми вывороченными носками. А когда благодетельница вернулась домой, разразился страшный скандал. Отец Гирши Хаймович набросился на Фаину, возмущенно потрясая кулаками: «В этом доме нет ничего, что ты заработала! Как ты могла отдать не принадлежащую тебе вещь! Изволь вести себя так, как подобает девушке из приличной семьи». Фаине тогда впервые захотелось убежать из дома…

О доброте и щедрости Раневской до сих пор вспоминают со слезами на глазах. Говорили, что любой бедный человек мог подсесть к ней в трамвае и, попросив денег, тут же их получить. Она большую часть своей зарплаты раздавала своим друзьям, считая, что они нуждаются в средствах больше, чем она. Раневская часто заходила в закулисный буфет и покупала конфеты или пирожные, или еще что-нибудь. Не для себя — с ее страшным диабетом ей нельзя было употреблять ничего сладкого, — а для того, чтобы угостить кого-нибудь из коллег-актеров.

Известен такой случай. В конце 1930-х Раневская, получив в театре зарплату, отправилась к своей доброй знакомой Марине Цветаевой, которая остро нуждалась в деньгах. Вытащив пачку купюр, Фаина Георгиевна хотела было разделить ее поровну, однако рассеянная поэтесса не углядела ее намерения и взяла всю пачку: «Фаина, спасибо, я знала, что вы сама доброта!» Но дома Раневскую как всегда ждала куча нахлебников, поэтому, чтобы как-то выкрутиться, ей пришлось продать свое золотое колечко. Но она никогда ни о чем не жалела.

«Какое счастье, что я не успела поделиться пополам, что отдала все! После ее смерти на душе осталось чувство страшной вины за то, что случилось в Елабуге», — в старости писала Раневская, вспоминая тот случай с Цветаевой.

Финансовое кредо Раневской выражалось в одной фразе:

«Деньги мешают, и когда их нет, и когда они есть». По советским меркам она получала приличную зарплату — 350 рэ, но деньги эти оседали в карманах домработниц, таксистов (Раневская панически боялась толпы, и из-за этого не ездила на метро), вручались врачам, друзьям и просто хорошим, а иногда и не очень хорошим людям. Также быстро раздаривались дорогие вещи, заводившиеся у Раневской (подарки поклонников и знакомых). Думать о других людях, делать им добро — в этом заключалась суть ее характера. Бескорыстие актрисы вошло в легенды. Богемная Москва смаковала историю про то, как однажды Фуфа испугалась врученной ей толстой пачки купюр — гонорара за съемки в очередном фильме. Ринулась в театр, где стала расспрашивать первых же встречных, не нужно ли им денег на покупку чего-нибудь… Один взял на брюки, другой — на обувь, а третья — на материю для юбки.

Раневская раздала все, и лишь потом спохватилась, что себе ни копейки не оставила. «Поздно я вспомнила, что мне тоже, пожалуй, не мешает что-нибудь прикупить. И ведь раздала совсем не тем, кому хотела», — корила она себя потом.

Ей должны были почти все коллеги, и о долгах этих она никогда не вспоминала. При этом Фаина Георгиевна жила очень скромно. Единственная роскошь, которую она себе позволяла, — это, нежась в ванне, пить чай из самовара. Часто раздав все в долг, она сама еле сводила концы с концами. В 1948 году в своей записной книжке Раневская сделала такую запись: «Перерыла все бумаги, обшарила все карманы и не нашла ничего похожего на денежные знаки…»

Ее добрая знакомая певица и актриса Елена Камбурова вспоминала: «Она дарила все — книги, пластинки, вещи. Однажды подарила мне платье, которое было сшито в Париже — безумной красоты, я на него смотрю и до сих пор не решаюсь надеть… Любила угощать. Встречая гостей, первым делом спрашивала: «Не голодны ли вы?» Однажды она сказала мне: «Утром приходила Мариночка Неелова, принесла огурцы, зелень, и я подумала: как хорошо — вечером придет Камбурова, будет, чем угостить».

«Когда я уходила из ее квартиры, то должна была проверить свои карманы, потому что она норовила засунуть тебе духи, салфеточки, — вспоминала Марина Неелова, талант которой Фаина Георгиевна высоко ценила. — У Фаины Георгиевны была потребность делиться. Дверь в ее квартиру была открыта днем и ночью. Этим, к сожалению, часто пользовались «добрые люди».

Страшно отомстила

Да, бескорыстие и отзывчивость Фаины Георгиевны как магнитом притягивали к ней всевозможных жуликов и мошенников. Раневская прекрасно осознавала, что зачастую не только порядочные люди пользуются ее расположением и добротой. Но ничего поделать с собой не могла.

Как рассказывала Марина Неелова, однажды Фаине Георгиевне позвонил молодой человек, сказав, что он студент-филолог и сейчас напряженно готовится к защите дипломной работы о творчестве Пушкина. На эту тему Раневская была готова говорить всегда. Юноша стал посещать квартиру Фаины Георгиевны чуть ли не каждый день. Приходил с пустым портфелем, а уходил с тяжеленным. Вынес половину богатой домашней библиотеки актрисы. Как выяснилось, Фаина Георгиевна прекрасно знала об этом. «И вы никак не реагировали? Почему?» — спросила ее изумленная Неелова. «Я ему страшно отомстила!» — «Как же?» — «Когда он в очередной раз пришел ко мне, я своим голосом через запертую дверь сказала: «Раневской нет дома».

Святые деньги

Актриса Клавдия Пугачева вспоминала: «Конечно, главные наши приключения (с Раневской. — *Ред.*) связаны с гастролями. Если мы жили в одном номере, у нас были общие деньги на еду. Фаина их прятала и всегда забывала куда. Каждый раз мы их в панике разыскивали и, как правило, находила их я. Поэтому Фаина называла меня Шерлок. Когда мы шли на базар, коронным номером Фаины была раздача милостыни, причем крупными купюрами. Всяческие забулдыги знали это и караулили ее у ворот рынка. «Капа, — начинала Фаина, — посмотри на этого юношу, посмотри, какие у него глаза, дай ему 100 рублей. Скажи ему, что это от Раневской». — «Фаина, вот тебе 10 рублей, дай ему сама и скажи, что хочешь». И так много раз. Возвращаемся в гостиницу. «Фаина, мы сегодня раздали все, что было до зарплаты». — «Пошлячка, как ты можешь считать эти святые деньги!»

Не тот день

Да, Фаина Георгиевна была практически безотказным человеком. Крайне редко она и говорила какому-то просителю «нет». Но иногда и это случалось.

Однажды у Раневской в очередной раз стали нагло выклянчивать деньги, уверенные в ее безотказности. Назвав внушительную сумму, добавили:

— Вы ведь добрый человек, вы не откажете.

— Во мне два человека, — непривычно жестко ответила Фаина Георгиевна. — Добрый не может отказать, а второй может. Сегодня как раз дежурит второй.

Лучше роль, чем ордер на галоши

Ольга Аросева вспоминала, как трогательно заботилась о ней Фаина Георгиевна в первые послевоенные годы, какой безумно доброй была. Раневская всячески опекала тогда еще начинающую актрису, только что поступившую в Ленинградский театр драмы, которым руководил режиссер Николай Акимов. В 1946 году Фаина Георгиевна приехала в Ленинград на съемки «Золушки», где потом изумительно сыграла злую мачеху. Тогда в городе на Неве открылись первые коммерческие магазины и рестораны, и Раневская покупала для Аросевой в кафе «Квисиссан» слоеные мясные пирожки, наподобие нынешних круассанов, маленькие, легкие и очень дорогие. Купит, положит в пакетик и занесет в театр.

Ольга Аросева вспоминала, как однажды Раневская пригласила ее к себе в номер в гостинице «Астория»: «Начала расспрашивать, как у меня идут дела и не надо ли поговорить с режиссером Акимовым. Потом, разглядев, во что я одета и обута, как закричит:

— Господи, в какой ты обуви?! Я сейчас же позвоню Акимову. — Набрала номер и говорит в трубку, в своей манере, медленно растягивая гласные, чуть заикаясь от ужаса и жалости ко мне: — Николай Павлович… пришла Лелечка… она совершенно промокла… Она в такой обуви… Дайте ей ордер на галоши…

Я ее начала толкать, дергать. Она тихо спрашивает:

— Что такое, Леля?

Я шиплю:

— Какой ордер?! Пусть он роль лучше даст!

Она:

— Лелечка говорит, что ей ордер на галоши не надо, что лучше ей роль дать…»

В халате на «Красной стреле»

Вспоминает Ольга Аросева:

«От ее доверчивости приходила в восторг и я, а иногда злилась. Вот является пожилая дама. Называет себя гимназической подругой Раневской. Оборванная, в жутком пальто. И Фаина прямо при мне отдает ей свою шубу. Я говорю:

— Фаина Георгиевна, а вы в чем поедете из Ленинграда в Москву?

Она отвечает:

— У меня очень теплый халат.

И ведь уехала в халате на «Красной стреле», в международном вагоне. Расскажи мне все это кто-нибудь, я бы ушам не поверила. По дороге на вокзал я продолжала возмущаться:

— Фаина Георгиевна, откуда вы знаете, что она не аферистка?

Раневская:

— Она же мне показала фотографию, где я…

Я говорю:

— Где вы? А где она? И она ли это?

Она говорит:

— Лелечка, так нельзя о людях думать…»

Выручила

Ольга Аросева вспоминала: «Я пришла к Фаине Георгиевне в «Асторию» за деньгами, а у нее сидит Анна Ахматова… Раневская меня представляет:

— Это Олечка Аросева, дочка того известного дипломата Аросева, у нее мама, которая мне помогала — через Полину Молотову — с квартирой в Москве. А ты, Леля, знаешь, кто это? Это Ахматова. Ты стихи Ахматовой читала?..

Я, не задумываясь, отвечаю:

— Да, конечно…

— Прочти Анне Андреевне. Будешь потом говорить, что сама Ахматова слушала тебя…

И вот в меня какой-то бес вселился. И сегодня не могу объяснить своего хулиганства. Или же просто полной оторвой в те годы была, но встала в позу и принялась читать:

— Ты жива еще, моя старушка, жив и я, привет тебе, привет…

Наступила могильная тишина. Потом Фаина Георгиевна сказала, задумчиво и словно бы мне сострадая:

— У нее такая интеллигентная мама, по-французски говорит…»

Дон Кихот в юбке

Чтобы помочь другу Фаина Раневская готова была рисковать всем, проявляя удивительное бесстрашие. И это во времена поголовной совковой забитости и серости, сталинских репрессий и жесточайшей цензуры!

После того как в 1946 году вышло постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград», имена Ахматовой, Зощенко, Пастернака, Шостаковича и других выдающихся мастеров пера были преданы анафеме. После исключения из Союза писателей Ахматову лишили даже продовольственных карточек. Она получала крошечную пенсию, на которую прожить было просто невозможно, ее не печатали, денег не было. Фактически шло преднамеренное уничтожение великой поэтессы.

Знакомые порою переходили на другую сторону улицы, лишь бы не встречаться с Анной Андреевной. А вот Фаина Георгиевна, одна из немногих, не только не отвернулась от своей подруги, но и протянула ей руку помощи. Только узнав о постыдном постановлении, она немедленно отправилась к Ахматовой в Ленинград и уже ранним утром была в ее квартире. Немолодая актриса через весь город носила Анне Андреевне горячие обеды, просто по-человечески поддерживала ее, чем могла.

Фаина Георгиевна писала: «…Вспомнила, как примчалась к ней после «Постановления». Она открыла мне дверь, потом легла, тяжело дышала… В доме было пусто. Пунинская родня сбежала. Она молчала, я тоже не знала, что ей сказать. Она лежала с закрытыми глазами. Я видела, как менялся цвет ее лица. Губы то синели, то белели. Внезапно лицо становилось багрово-красным и тут же белело.

Я подумала о том, что ее «подготовили» к инфаркту. Их потом было три, в разное время.

Молчали мы обе. Хотелось напоить ее чаем — отказалась. В доме не было ничего съестного. Я помчалась в лавку, купила что-то нужное, хотела ее кормить. Она лежала, ее знобило. Есть отказалась. Это день ее муки и моей муки за нее. Об «этом» не говорили.

Через какое-то время она стала выходить на улицу. И, подведя меня к газете, прикрепленной к доске, сказала: «Сегодня хорошая газета, меня не ругают».

…И только через много дней сказала: «Скажите, зачем великой моей стране, изгнавшей Гитлера со всей его техникой, понадобилось проехаться всей своею мощью, всеми танками по груди беспомощной больной старухи!»

…И опять молчала.

Я пригласила ее пообедать. «Хорошо, но только у Вас в номере». Очевидно, боялась встретить знающих ее в лицо. В один из этих страшных ее дней, спросила: «Скажите, Вам жаль меня?» «Нет», — ответила я, боясь заплакать. «Умница, меня нельзя жалеть»…

…Позже, узнав о благородном поступке Раневской, гений музыки Святослав Рихтер стал величать Фаину Георгиевну «Дон Кихотом в юбке». И ведь был прав. «Донкихотовскими» стали и ее последние роли на сцене — миссис Сэвидж («Странная миссис Сэвидж»), Люси Купер («Дальше — тишина») и нянька Фелицата («Правда хорошо, а счастье лучше»).

…После просмотра спектакля «Дальше — тишина» какой-то поклонник-студент грохнулся перед Раневской на колени и еле слышно прошептал: «Вы — гениальная актриса!» — «Что ты, деточка, — ответила Фаина Георгиевна. — Я просто неплохая актриса». Увидев, что следом идет ее партнер по сцене Ростислав Плятт, таинственно прошептала: «Похвали старика. Он сегодня неплохо сыграл. Да, дружочек, Слава Рихтер назвал меня Дон Кихотом в юбке. А стало быть, юноше не пристало целовать руку и становиться на колено перед рыцарем. Хотя, черт побери, приятная это процедура!»

Большой ребенок

Анна Андреевна Ахматова говорила Раневской: «Вам 11 лет и никогда не будет 12!» Фаина Георгиевна и впрямь до старости, несмотря на грозный неукротимый нрав и царственную величественность, во многом оставалась ребенком, изумляя окружающих тем, как легко ударялась в слезы, изводя всех порой невероятными капризами. Она постоянно корила себя за крайнюю рассеянность, «бестолковость и забывчивость», за вечное разбазаривание денег.

Жутко расстроенная Фаина Георгиевна рассказывала Глебу Скороходову, как однажды забыла люстру в троллейбусе, новую, из богемского хрусталя, только что купленную. Загляделась на кого-то и так отчаянно кокетничала, что вышла через заднюю дверь без люстры: на одной руке сумочка, а другая была занята воздушными поцелуями…

Страшная вещь — воспоминания друзей

Литературовед и биограф Владимира Маяковского Илья Зильберштейн, долгие годы редактировавший журнал «Литературное наследство», попросил как-то Раневскую написать воспоминания об Анне Ахматовой.

— Ведь вы, наверное, ее часто вспоминаете? — спросил он.

— Ахматову я вспоминаю ежесекундно, — ответила Раневская, — но писать о себе воспоминания она мне не поручала.

А потом добавила: «Какая страшная жизнь ждет эту великую женщину после смерти — воспоминания друзей».

В своем дневнике в 1978 году Фаина Раневская записала: «Меня спрашивают, почему я не пишу об Ахматовой, ведь мы дружили… Отвечаю: не пишу, потому что очень люблю ее».

Напор красоты

Фаина Георгиевна редко обновляла свой гардероб, занашивая буквально до дыр старые вещи. Столь же не привередливая в быту, ее лучшая подруга, актриса Рина Зеленая вспоминала: «Раневская была еще хуже меня. Например, в вопросах одежды. Помню, она как-то целый год ходила в клетчатом мужском пиджаке».

В своем дневнике Фаина Георгиевна писала: «Вещи покупаю, чтобы их дарить. Одежду ношу старую, всегда неудачную. Урод я… Хожу как оборванка, «народная артистка». К счастью, мне очень мало надо».

Осенью 1949 года Раневская писала в дневнике: «В Москве можно выйти на улицу одетой, как Бог даст, и никто не обратит внимания. В Одессе мои ситцевые платья вызывают повальное недоумение — это обсуждают в парикмахерских, зубных амбулаториях, трамвае, частных домах. Всех огорчает моя чудовищная «скупость» — ибо в бедность никто не верит»…

…Как-то от долгой носки юбка у Раневской стала просвечиваться, а потом на ткани сзади и вовсе образовалась прореха. Но актриса долго не замечала этого дефекта, пока ей на него прямо не указали коллеги. Фаине Георгиевне стало страшно неловко, но ничем себя не выдав, она невозмутимо заметила:

— Напора красоты не может сдержать ничто.

Роль яиц в творчестве

Фаина Георгиевна, легко относившаяся к неустройствам быта, в профессии демонстрировала чудеса педантичности. Она всегда тщательно готовилась к роли. На спектакль неизменно приходила за два часа, долго гримировалась.

Она никогда не позволяла переписывать для нее роль: переписывала сама — аккуратно, медленно, скрупулезно — в школьную тетрадочку в клетку. Но сама большая выдумщица, она не терпела, когда актеры вольно обращались с авторским текстом.

— Почему, Фаина Георгиевна, вы не ставите и свою подпись под этой пьесой? Вы же ее почти заново переписали, — однажды съязвили коллеги.

— А меня это устраивает. Я играю роль яиц: участвую, но не вхожу, — парировала Раневская.

Приговор халтуре

Фаина Георгиевна не терпела никакой фальши ни в жизни, ни на сцене. Была безжалостна к партнерам, когда они позволяли себе небрежное отношение к роли, откровенно халтурили.

Некоторые упрекали актрису в несносном характере, в мелочных придирках, в несдержанности, но виной всему было ее органическое неприятие распущенности, лености, равнодушия. Поэтому в театре Раневскую хоть и любили, но побаивались. Беспощадно требовательная к себе, она хотела такой же безоглядной самоотдачи и от своих партнеров. Выдающийся режиссер Анатолий Эфрос писал: «Она резка, за словом в карман не лезет, говорит то, что думает, сразу и в очень нелицеприятных выражениях. Голос у нее басовитый, говорит она, растягивая слова, и вот этим неторопливым баском она вдруг как скажет что-нибудь про тебя или кого-то другого — сразу и не найдешься, что ответить. Ее побаиваются. Ей очень многое не нравится из того, что делается в театре, что она видит вокруг себя. Ее раздражает неумелый партнер, и она не притворяется, будто он ей нравится».

Об ее отношении к халтуре и фальши на сцене говорит такой случай.

Увидев в исполнении некой красавицы-актрисы, роли невинной узбекской девушки в спектакле по пьесе Абдулы Кахара в филиале Театра им. Моссовета, Раневская гневно воскликнула:

— Не могу терпеть, когда шлюха корчит из себя невинность!

Все выше, выше и выше!

О выдающемся режиссере Николае Охлопкове Раневская отзывалась довольно резко: «Есть люди, хорошо знающие, «что к чему». В искусстве эти люди сейчас мне представляются бандитами, подбирающими ключи. Такой «вождь с отмычкой» сейчас Охлопков. Талантливый как дьявол и циничный до беспредельности».

Борис Львович рассказывал, как однажды Николай Охлопков репетировал спектакль с Раневской. Вот она на сцене, а он в зале, за режиссерским столиком. Охлопков: «Фанечка, будьте добры, станьте чуть левее, на два шага. Так, а теперь чуть вперед, на шажок». И вдруг требовательно закричал: «Выше, выше пожалуйста!» Раневская поднялась на носки, вытянула шею, как могла. «Нет, нет, — закричал Охлопков, — мало! Еще выше надо!» «Куда выше, — возмутилась Раневская, — я же не птичка, взлететь не могу!»

«Что вы, Фанечка, — удивился Охлопков, — это я вовсе не вам: за вашей спиной монтировщики флажки вешают!»

Сама себе режиссер

Вообще с режиссерами и драматургами у Раневской отношения складывались всегда непросто: даже большие мастера часто «не дотягивали» до гения замечательной актрисы. Оплошностей в работе, фальши и хвастовства Великая не переносила. Доставалось от острого язычка Фаины Георгиевны едва ли не всем, с кем ей доводилось работать. Если ее представление о роли расходилось с режиссерским, то диктатом воспринималась любая просьба режиссера, любой его совет. Актер А. Д. Попов даже поставил «диагноз болезни» Раневской — «режиссероненавистничество».

«Режиссеры меня не любили, я платила им взаимностью. Исключением был Таиров, поверившей мне…» — писала Фаина Георгиевна в своем дневнике.

* * *

Известный режиссер Леонид Викторович Варпаховский в 1966 году поставил в Театре им. Моссовета замечательный грустно-смешной спектакль «Странная миссис Сэвидж», в котором первой исполнительницей главной роли стала Фаина Раневская. По свидетельству современников, ее игра была потрясающей. Спектакль имел огромный успех, роль миссис Сэвидж в нем стала одной из любимых ролей Раневской.

Однако поначалу работа с Варпаховским у «режиссероненавистницы» Раневской не заладилась. Леонид Викторович жаловался на Фаину Георгиевну: «Я ей построил роль, а она меня всюду поносит!» Вот как описывал Д. Щеглов историю взаимоотношений актрисы и режиссера:

«Еще до встречи с Великой старухой Леонида Викторовича предупреждали: будьте бдительны. Будьте настороже. Раневская скажет вам, что родилась в недрах МХАТа.

— Очень хорошо, я и сам так считаю.

— Да, но после этого добавит, что вас бы не взяли во МХАТ даже гардеробщиком.

— С какой стати?

— Этого не знает никто. Она все может сказать.

— Я тоже кое-что могу.

— Не делайте ей замечаний.

— Как, вообще?!

— Говорите, что мечтаете о точном психологическом

рисунке.

— И все?

— Все. Впрочем, этого тоже не говорите.

— Но так же нельзя работать!

— Будьте бдительны.

* * *

Варпаховский начал издалека. Причем в буквальном смысле: на некотором расстоянии от театра. Репетиции происходили наедине с Раневской, на одной из скамеек Сретенского бульвара. Ей это показалось забавным: заодно и воздухом можно дышать.

— Фаина Георгиевна, произносите текст таким образом, чтобы на вас не оборачивались.

— Это ваше режиссерское кредо?

— Да, пока оно таково.

— Не изменяйте ему как можно дольше. Очень мило с вашей стороны иметь такое приятное кредо. Сегодня дивная погода. Весной у меня обычно болит ж…, ой, простите, я хотела сказать спинной хрэбэт, но теперь я чувствую себя как институтка после экзамена… Посмотрите, собака! Псина моя бедная!

Ее, наверно, бросили! Иди ко мне, иди… погладьте ее немедленно. Иначе я не смогу репетировать. Это мое актерское кредо. Пусть она думает, что ее любят. Знаете, почему у меня не сложилась личная жизнь и карьера? Потому что меня никто не любил. Если тебя не любят, нельзя ни репетировать, ни жить. Погладьте еще, пожалуйста…

Когда перебрались в театр и отвлекаться стало не на что, Раневская взяла свое. Она репетировала только с теми актерами, с которыми хотела. Ее собирался бить один из артистов, которому она сделала грубое замечание насчет несвоевременного выхода, — реплику Раневская действительно подала очень тихо.

— А вы говорите громче, тогда я услышу, — сказал бедняга, и без того уязвленный эпизодической ролью санитара, которую вынужден был исполнять.

— Что?! Кто это?! Я впервые вижу вас в театре. Это рабочий сцены? Я не работаю с любителями! Скажите, чтобы меня немедленно заменили.

Ее, конечно, никто не собирался менять.

Это она отменяла мизансцены, переставляла отдельные фразы, куски текста и даже мебель на сцене и за кулисами. Внезапно ее раздражил огромный диван, на котором в перерыве отдыхали актеры, и она приказала его уничтожить.

Узнавший об этом Михаил Погоржельский пришел в ярость и выговорил Раневской многое из того, что думал по этому и другим поводам. Обескураженная открытым и справедливым напором, Раневская промолчала и через несколько минут перестала вдруг слышать реплики, подаваемые Погоржельским по ходу репетиции…

Терпели все. Терпели все. Потому что видели, что могло получиться из этого хаоса, сора, скандала и склок.

Как и ожидалось, то и дело возникала мхатовская тематика.

— Вы очень торопитесь, — говорила она Варпаховскому, — у вас, наверно, много работы на стороне, как теперь принято выражаться. Вы халтурщик, а я мхатовка, могу репетировать с утра до ночи. Я вас возненавижу, бедный!

С ужасом ждали появления декораций. И не напрасно.

— Где первый ряд?

— Вот он, Фаина Георгиевна.

— Этого не будет!

— Но почему?

— Я убегу, я боюсь публики. Я вам аплодирую, но я не буду играть. Если бы у меня было лицо, как у Тарасовой… У меня ужасный нос… Макет великолепный, фантазия богатая, рояль надо купить коричневый… — говоря это, Фаина Георгиевна отодвигала стулья метра на два в глубину сцены.

— Скажите Фаине Георгиевне, — обращался Варпаховский к помощнику режиссера Нелли Молчадской, — скажите ей, пусть выходит вот так, как есть, с зачесанными волосами, с хвостом. Он все еще имел наивность думать, что кто-то способен влиять на Раневскую.

Памятуя советы осторожных, он тщательно подбирал слова после прогона:

— Все, что вы делаете, изумительно, Фаина Георгиевна. Буквально одно замечание. Во втором акте есть место, — я попросил бы, если вы, разумеется, согласитесь…

Следовала нижайшая просьба.

Вечером звонок Раневской:

— Нелочка, дайте мне слово, что будете говорить со мной искренне.

— Даю слово, Фаина Георгиевна.

— Скажите мне, я не самая паршивая актриса?

— Господи, Фаина Георгиевна, о чем вы говорите! Вы удивительная! Вы прекрасно репетируете.

— Да? Тогда ответьте мне: как я могу работать с режиссером, который сказал, что я г…?!»

Геноссе Завадский

В Театре Моссовета, где Фаина Георгиевна проработала последние годы жизни, у нее шла непрекращающаяся словесная баталия с главным режиссером Юрием Александровичем Завадским. И тут Раневская давала волю своему неиссякаемому острословию. Она открыто подсмеивалась над знаменитым худруком, видимо, не считая его особо талантливым. Завадского за живое задевало такое отношение, и он немало сделал для того, чтобы его театр стал для Раневской не самым комфортным местом на свете. Режиссер «за глаза» называл ее «Фуфой». Она, в свою очередь, долговязого худрука дразнила «лилипутом, вытянутым в длину».

Вместе с тем парадокс: портрет «презренного» Ю. А. Завадского висел у Фаины Георгиевны на почетном месте дома, а в своих письмах к режиссеру она признавалась в своей искренней любви и уважении к нему. Чтобы не быть голословными, приведем такую цитату:

«Дорогой Юрий Александрович, Вы — тот художник, с которым я мечтала соединить остаток моей жизни на сцене…

…Примите мои добрые пожелания. Горячо Вас любящая Ф. Раневская».

Это еще раз красноречиво говорит о великой противоречивости характера великой актрисы.

Вместе с тем из-за сложных взаимоотношений с Завадским, Фаина Георгиевна не раз лишилась ролей, для которых, казалось бы, была рождена. Скажем, какая бы великолепная из нее получилась Мамаша Кураж! Сам Бертольд Брехт называл Раневскую «ходячим эффектом отчуждения». Она, пожалуй, лучше всех смогла бы на сцене донести до зрителей его драматургическую идею.

Когда в Москву снова приехал на гастроли из Германии театр Брехта, Елена Вейгель — ведущая артистка, исполнительница главной роли в пьесе «Мамаша Кураж и ее дети», встретившись с Раневской, удивилась тому, что Завадский, обещавший поставить эту пьесу специально для Фаины Георгиевны, как просил об этом Брехт, не выполнил обещания. Раневская промолчала тогда и лишь записала: «У геноссе Завадского оказалась плохая память».

* * *

Однажды во время репетиции Юрий Александрович,

раздраженный непониманием актеров, не сдержавшись, выбежал из зала. Он хлопнул дверью и в сердцах прокричал: «Пойду, повешусь!» Все были подавлены. Нагнетенную неожиданным бегством режиссера тяжкую атмосферу в зале вдруг разрядил непередаваемый бас Раневской: «Не б-беспокойтесь, наш гений вернется живым и здоровым. Просто в это время Юрий Александрович обычно ходит в с-сортир».

* * *

Замечание режиссера Завадского на репетиции: «Фаина Георгиевна, говорите четче, у вас как будто что-то во рту!», Раневская парировала так: «А вы разве не знаете, что у меня полный рот д-дерьма».

«Шо грыте?»

Юрий Завадский в 1957 году, к очередному юбилею Октября, решил сделать новую постановку революционной пьесы «Шторм» В. Н. Билля-Белоцерковского, в котором задействована была вся труппа театра. Хотя Раневская называла пьесу «бредовой», она с удовольствием участвовала в одном из эпизодов, блестяще исполняя роль Маньки-спекулянтки. На первую же репетицию актриса принесла огромный талмуд. Все знали: Раневская переписывает роль от руки. Но тут было что-то другое. Фаина Георгиевна принесла десятки вариантов каждого кусочка, чуть ли не каждой реплики своей роли. Она почти полностью переписала текст. Завадский беспокойно заметил: «Фаина… но бедный драматург, что он скажет?» Билль-Белоцерковский, прочитав эти самодеятельные заметки, действительно вначале побагровел от ярости. В театре ждали скандала. Но вдруг сценарист стал так хохотать, что все даже испугались. «Здесь ничего нельзя менять, — настоял он, — прошу оставить все… как у Раневской». На следующий день актриса принесла еще несколько вариантов. «Оставьте ее в покое, — сказал драматург, — пусть играет как хочет и что хочет. Все равно лучше, чем она, эту роль сделать невозможно».

Раневская так великолепно играла свой эпизод в «Шторме», что затмевала всех остальных актеров, включая и исполнителей главных ролей. Леонид Утесов, посещавший спектакль во все свободные от собственных выступлений вечера, послал Раневской записку, в которой признался, что ее маленькая роль в «Шторме» — наибольшая удача всей постановки. Еще он писал: «Странно, что Вы не родились в Одессе. Таких талантливых спекулянток не было даже на Привозе. Если спектакль «Шторм» повезут в Одессу, я «зайцем» поеду с вашим театром. Предрекаю Вам полный успех у одесской публики».

Однако из-за роли Маньки у Раневской часто происходили стычки с Завадским. По замыслу режиссера, в одном из эпизодов артисты выходили на сцену под звуки оркестра с метлами в руках. Раневская не могла представить свою героиню — спекулянтку — с метлой в руке.

— Фаина, что вы делаете, — на репетиции вдруг услышала она крик Завадского. — Вы топчете мой замысел!

— Шо?! — переспросила Раневская в Манькином стиле. — То-то, люди добрые, мне кажется, что я вляпалась в говно.

После сцены со спекулянткой Манькой (с ее неповторимым «Шо грыте?»), зрители, проводив любимую актрису овациями,

толпами уходили домой, ибо больше смотреть на спектакле было нечего.

«Шторм» имел долгую жизнь в разных вариантах, а вот великолепную «спекулянтку» мстительный Завадский из спектакля все-таки убрал. Перед этим он вызвал Раневскую «на ковер» и сказал: «Вы слишком убедительно играете свою роль торговки, и от этого она запоминается, чуть ли не как главная фигура спектакля…» Фаина Георгиевна смиренно предложила: «Если это нужно для искусства, я могу играть свою роль и похуже».

Но, в конце концов, при выпуске второй редакции спектакля актрисе сообщили об изъятии ее сцены из постановки, «как нарушающей художественную целостность драматического произведения»!

Изгнание из храма Мельпомены

Однажды Юрий Завадский на репетиции крикнул в запале Раневской из зала: «Фаина, вы своими выходками сожрали весь мой режиссерский замысел!»

— То-то у меня чувство, как будто наелась дерьма, — громко, чтобы все слышали, парировала «великая старуха».

— Вон из театра! — крикнул мэтр.

Раневская, демонстративно подойдя к авансцене, ответила ему:

— Вон из искусства!

Эти слова вошли в историю театра.

Мессы в борделе

Биограф Фаины Раневской, «эрзац-внук» Алексей Щеглов, писал: «Завадский любил собирать труппу для бесед. Как величественно это звучало: «Я хочу собрать труппу, чтобы познакомить актеров с последними стихами Расула Гамзатова». Темой «беседы» могло стать что угодно: последняя прочитанная книга, этический ликбез или пророческий сон Юрия Александровича.

— Фаина Георгиевна, а почему вы не ходите на беседы Завадского о профессии артиста? Это так интересно…

— Голубушка, я не терплю мессы в борделе».

Песенка про грудную жабу

Конечно, Фаина Георгиевна была слишком пристрастна к Завадскому — достойному режиссеру и, в общем-то, доброму человеку. Об этом говорит такой эпизод. Когда на гастролях у Раневской однажды случился сердечный приступ, худрук Театра им. Моссовета лично повез ее в больницу. Терпеливо ждал, пока снимут спазм, сделают уколы. На обратном пути обеспокоенно спросил:

— Что сказали врачи, Фаина?

— Что-что — грудная жаба.

Завадский огорчился, воскликнул:

— Какой ужас — грудная жаба!

Правда, через минуту, залюбовавшись каким-то пейзажем за окном машины, стал беспечно напевать: «Грудная жаба, грудная жаба».

«Освенцим Раневской»

Так называли актеры сценки, в которых Фаина Раневская заставляла их участвовать иногда помимо их воли. Вот эпизод, рассказанный одним из актеров театра им. Моссовета. Поскольку чужое самолюбие Фаина Георгиевна не слишком щадила, то актеры и сами однажды решили устроить ей обструкцию. Однажды она явилась, как всегда задолго до начала спектакля, и взволнованно стала делиться тревогами по поводу возможного своего провала. (Она всегда волновалась так, что каждый свой спектакль считала провальным, и каждый раз ее долго нужно было в этом разубеждать.) В ответ на басовитые стенания Фуфы (как звали ее близкие) последовало гробовое молчание. Раневская усилила нажим, стала жаловаться на все, что попадалось ей под руку, на язык. Снова последовало вызывающее молчание труппы. И тогда Раневская вдруг сказала: «Раз здесь еще никого нет, то я пойду, успею еще поссать!» И вышла, оставив всех в глубокой луже своего презренья.

Гертруда и ЗасРаКа

Как-то Завадский, который только что к своему 70-летнему юбилею получил звание Героя Социалистического Труда, страшно опаздывал на репетицию. Актеры, скрепя сердце, терпеливо ждали «маэстро». Но, воспитанная в других традициях, Раневская не прощала такой непунктуальности. Не выдержав, Фаина Георгиевна спросила с раздражением:

— Ну и где же наша Гертруда?

Раневская вообще была любительницей всяческих сокращений и аббревиаций. Однажды начало генеральной репетиции перенесли сначала на час, потом еще на 15 минут. Ждали не кого-нибудь, а представителя райкома — важную даму средних лет. Заслуженного работника культуры.

Раздосадованная Раневская, все это время не уходившая со сцены, в сильнейшем раздражении спросила в микрофон:

— Кто-нибудь видел нашу ЗасРаКу?!

Двойня от Завадского

Михаил Викторович Ардов вспоминал:

«Как-то поднимаю телефонную трубку.

— Можно попросить Виктора Ефимовича? — говорит далекий голос.

— Здравствуйте, Фаина Георгиевна, — говорю я. — Это Миша. Отца нет дома…

— Вы знаете, — говорит Раневская, — он написал мне письмо о моем спектакле… А я ему ответила… И там я так неудачно выразилась… Я написала, что я люблю рожать. Я имела в виду творить, создавать что-то на сцене… А то ведь могут подумать, что рожать в прямом смысле слова…

— Все кончено, — говорю, — ваше письмо уже находится в Центральном архиве литературы и искусства. И теперь грядущие исследователи станут утверждать, что у вас было трое детей… И из них двое — от Завадского…

— Я кончаю разговор с ненавистью, — послышалось из трубки…»

Прижизненный некролог

Раневская язвила: «Знаете, что снится Завадскому? Что он умер и похоронен в Кремлевской стене. Бедный! Как это ему, наверное, скучно будет лежать в Кремлевской стене — никого своих…»

Надо сказать, Завадского Раневская пережила и так говорила по поводу его кончины:

— Нонна, а что, режиссер Завадский умер?

— Умер.

— То-то я смотрю, он в гробу лежит…

* * *

— Ох, вы знаете, у Завадского такое горе! — восклицала Раневская.

— Какое горе?

— Он умер…

«Конечно, это очень печально… — потом вздыхала она. — Но между нами говоря, он уже давным-давно умер».

Как дружить «за» и «против»

Для Юрия Завадского его бывшая жена Вера Марецкая всегда оставалась актрисой номер один. «ВэПэ», как он называл Веру Петровну, одна царила в Театре им. Моссовета. Это, конечно же, здорово задевало самолюбие двух других великих прим труппы — Фаины Раневской и Любови Орловой. И режиссеру нередко приходилось лавировать между этими тремя мегазвездами, обладавшими весьма капризными характерами. В 1970-е годы все это вылилось в жуткий конфликт.

Уже подводя итоги творческой жизни, Любовь Орлова с горечью писала Раневской: «Я долго думала, как подло и возмутительно. Ведь вы и я не выпрашивали те роли, которые театр кормят. Мы неправильно себя вели. Нам надо было орать, скандалить, жаловаться в Министерство, разоблачить гения с бантиком и с желтым шнурочком (Завадского. — *Ред.*) и козни его подруги (Марецкой. — *Ред.*). Но… у нас не тот характер. Достоинство не позволяет».

Как раз в это время на сцене театра был поставлен замечательный спектакль «Странная миссис Сэвидж». Главную роль в нем исполняла Фаина Раневская. Но с годами из-за болячек ей становилось все тяжелее играть. А когда в 1972 году умер любимый партнер Фаины Георгиевны по спектаклю Вадим Бероев, она окончательно отказалась от роли.

И миссис Сэвидж стала Любовь Орлова.

Фаина Раневская писала в своем дневнике: «В 73 году престала играть. Подарила роль Орловой. Тяжело среди каботинов (устаревшее слово, обозначающее тех, кто стремится к артистической славе, блеску. — *Ред.*). Бероева любила. Его не стало, он погиб. Театр — невыносимая пошлость во главе с Завадским. Тошно мне. «Сэвидж» отдала Орловой. Хочу ей успеха. Наверное, я не актриса. Настоящая актриса огорчилась бы, а я хочу ей успеха. Никто ведь не поверит.

…Во мне нет ни тени самолюбия. Я просто бегаю от того, за чем гоняются мои коллеги, а вот самолюбие сволочное мучит. А ведь надо быть до такой степени гордой, чтобы плевать на самолюбие».

Орлова сыграла миссис Сэвидж очень по-своему, не пытаясь повторить Раневскую. Ее хрупкость и женственность углубляли драматизм пьесы. Однако вскоре эта история получила новое скандальное продолжение.

После того как врачи поставили Вере Петровне Марецкой страшный диагноз (рак головного мозга), Юрий Александрович

решил ввести бывшую жену на роль миссис Сэвидж. Он хотел предоставить ВэПэ последний шанс. Однако и для Орловой эта роль была последним шансом. Последовал грандиозный скандал…

Впрочем, скандалы были неотъемлемой частью творческой жизни театра им. Моссовета времен Завадского.

…Первой из великой троицы ушла Орлова. 26 января 1975 года смертельно больная Марецкая нашла в себе силы пойти на панихиду великой Любочки. Вера Петровна долго стояла у ее гроба, а затем, говорят, тихо произнесла: «И тут она первая…»

* * *

Раневскую и Марецкую связывали еще более непростые отношения. Фаина Георгиевна не упускала случая как-то поддеть свою подругу-соперницу Веру Петровну. Скажем, был такой случай. Однажды две великие актрисы шли по улице Горького (ныне Тверской) и на углу увидели просящего подаяние слепого в черных очках.

Простодушная Марецкая положила в протянутую руку калеки целый рубль. А когда актрисы прошли еще немного по улице, все же спросила у Раневской с сомнением:

— Как ты думаешь, Фаина, он и впрямь слепой? Или меня опять надули?

Раневская убежденно ответила:

— Ни капельки не сомневаюсь, что тот, кому ты подала милостыню, не притворяется. Он действительно слеп как крот.

— Почему ты так уверена, Фаина?

Он же ясно сказал тебе:

— Спасибо, красотка!

* * *

Однажды чем-то раздосадованная Вера Петровна Марецкая в сердцах вскричала на собрании труппы:

— Я знаю, вы только и ждете моей смерти, чтобы прийти и плюнуть на мою могилу!

На что Раневская своим баском язвительно заметила:

— Терпеть не могу стоять в очереди!

* * *

Рассказывают, что Раневская в семьдесят лет вдруг заявила, что наконец-то приняла решение вступить в партию.

— Зачем Вам это на старости-то лет?.. — поразились коллеги.

— Так надо! — твердо ответила Фаина Георгиевна. — Должна же я хоть на старости лет знать, что эта сука Верка говорит обо мне на партбюро!

* * *

Как-то у Раневской спросили напрямик:

— Как Вы думаете, почему у Веры Петровны и Сталинские премии, и «Гертруда», а у Вас нет?

— Голубки мои, — тяжко вздохнула Фаина Георгиевна, — чтобы мне получить все, что есть у Марецкой, мне нужно сыграть как минимум Чапаева!

* * *

Однажды Вера Петровна представила Раневской какую-то свою хорошую знакомую:

— Рекомендую, Фаина Георгиевна, мы с этой милой дамой давно искренне дружим.

— Ну и против кого дружите? — спросила Раневская.

Люб и Фей

С великой Любовью Орловой Раневскую связывала долгая и крепкая, на всю жизнь, дружба. «Я стала сниматься в кино благодаря Раневской. Меня не отпускал театр в мой первый фильм, и я собиралась уже отказаться от съемок, но Фаина запретила мне делать это, доказывая, что кинематограф станет моей судьбой», — вспоминала Орлова.

— Сейчас вами любуются ваши близкие и зрители одного театра. А в кино вами будут восхищаться миллионы. Я благословляю вас, — напутствовала тогда молодую и малоизвестную театральную актрису Фаина Георгиевна.

Так оно и произошло. Орлова стала звездой советского кинематографа номер один, не сходившей с небосвода десятки лет.

Фаина Георгиевна говорила, что не знает человека «человечнее» Любови Петровны, и называла ее как-то немножечко странно: «Люб». А Орлова обращалась к Раневской неизменно «милый мой Фей!»

В фильме «Весна» у мужа Орловой режиссера Григория Александрова они с Раневской снимались вместе. Во время работы в картине Фаина Георгиевна нарисовала шарж на саму себя и подарила его Любови Петровне с такой дарственной надписью:

«Люблю грозу в начале мая, а в декабре люблю «Весну».

Любочке и Гришечке с нежной любовью. Ф. Раневская. Фея. Москва. Зима 1945 г.».

Несмотря на такие трогательно-дружеские отношения, и в адрес любимой Любочки Раневская позволяла себе довольно едкие шутки. Предметом всеобщей зависти было то, что Орлова могла свободно ездить в Париж за обновками — практически у нее и у Александрова был так называемый «открытый счет» и такой же паспорт. Фаина Георгиевна любила рассказывать, вернее, разыгрывала миниатюры, на глазах превращаясь в пижонку Любочку.

Вот она рассматривает свои новые кофейно-белые перчатки:

— Совершенно не тот оттенок! Опять придется лететь в Париж!

Вот Раневская беспомощно машет руками, словно крыльями:

— Шкаф Любочки так забит нарядами, что моль, живущая в нем, никак не может научиться летать!

Но вряд ли Любовь Петровну задевали эти безобидные шуточки, пока однажды Фаина Георгиевна не выдала:

— Без сомнения, Орлова превосходная актриса. Одно у нее плохо — голос. Когда она поет, кажется, будто кто-то ссыт в пустое цинковое ведро…

Клизма от Орловой

Журналист Валерий Бондаренко стал свидетелем странного, трогательного и эксцентрического эпизода во время гастролей Театра им. Моссовета в Прибалтике. Актерам навязали незапланированный концерт. Раневская, вечно страдавшая желудком, согласилась участвовать в нем, только если Любочка Орлова… поставит ей клизму. Раневской прислали опытную медсестру. Но актриса ее даже на порог своего номера не пустила:

— Нет, только Любочка!

Гена в мраморе

Однажды Фаина Георгиевна ехала в лифте с бешено популярным в то время молодым и красивым артистом Геннадием Бортниковым, а лифт застрял… Ждать пришлось долго — только минут через сорок пленников освободили ремонтники.

Выходя из лифта, Раневская заявила Бортникову:

— Ну вот, Геночка, теперь вы обязаны на мне жениться! Иначе вы меня скомпрометируете! Надеюсь, Вы знаете, как я блюду свою девичью честь?

Надо сказать, что Великой в то время было уже далеко за…

* * *

На очередном сборе труппы Завадский нервно говорил о трудном положении, в котором оказался он, как режиссер, да и весь творческий коллектив Театра им. Моссовета (случилось так, что Вера Марецкая заболела, а Геннадий Бортников сломал ногу):

«…Верочка больна, Гена в гипсе…» — причитал Юрий Александрович.

И тут раздался басистый голос Раневской из зала:

— А почему не в мраморе?

Дочка с бородой

В театре им. Моссовета режиссер Охлопков ставил «Преступление и наказание». Геннадию Бортникову как раз в эту пору выпало счастье съездить в прекрасную Францию и встретиться там с дочерью Достоевского. Как-то, обедая в буфете театра, «везунчик» с восторгом рассказывал коллегам о встрече с ней. Он утверждал, что дочь, как две капли воды, похожа на своего великого отца:

— Вы не поверите, друзья, абсолютное портретное сходство, ну просто одно лицо! Вылитый Достоевский!

Сидевшая тут же Раневская, подняв лицо от супа, как бы, между прочим, спросила:

— И тоже с бородой?

Крики во сне

Фаина Георгиевна всю жизнь очень боялась различных вербовщиков из ГПУ, НКВД, КГБ, которым она, в силу своей непосредственности, вполне могла брякнуть что-нибудь невпопад.

Доброжелатели посоветовали ей, как быть в этом не простом случае:

— Скажите им, что кричите во сне — и они сразу отвяжутся. Таких не берут в КГБ…

К счастью, тогда все обошлось (см. байку «Выкрутилась»).

Прошло много лет, и вот в парткоме театра ей стали настойчиво предлагать вступить в партию:

— Вы всенародная любимица и просто обязаны стать членом КПСС!

Но Раневская отказалась, с полной серьезностью заявив:

— Извините, никак не могу. Я на весь дом кричу во сне!

«Надежда нашей сцены»

Актер Малого театра Михаил Михайлович Новожихин некоторое время был ректором Театрального училища им. Щепкина. Однажды звонит ему Раневская: «М-мишенька, милый мой, Михал Михалыч, дорогой мой, у меня к вам гр-громадная просьба. К вам в училище поступает один мальчик, бешено талантливый, надежда нашей сцены. Даже фамилия у него театральная — Малахов. Великую просьбу к вам имею: вы уж проследите лично, он настоящий самородок, не проглядите, пожалуйста…»

Рекомендация Фаины Георгиевны Раневской дорогого стоила. И Новожихин, разумеется, отнесся к просьбе великой старухи со всем вниманием и лично присутствовал на экзамене. Но протеже Фаины Георгиевны не только не произвел на него никакого впечатления, но и даже, напротив, оказался абсолютной бездарью. После долгих колебаний Новожихин решился-таки позвонить Раневской, чтобы как-то вежливо, тактично отказать ей в просьбе. Едва он только начал извиняться, как Фаина Георгиевна заорала в трубку: «Что? Что? Говно Малахов? Я так и чувствовала, ей Богу… Гоните эту бездарь в шею, товарищ ректор, и немедленно! Ну что поделаешь, характер такой: меня все просят, никому не могу отказать!»

Иду курю

Фаина Георгиевна страшно много курила и курила только крепкий табак, в основном папиросы «Беломорканал». Вспоминает Ольга Аросева: «С Раневской мы виделись постоянно в Москве, когда я уже была в Театре сатиры, а она — по соседству, в Театре им. Моссовета. Помнится, мы встретились однажды, я иду курю, и она идет курит и говорит:

— Все куришь?

— Да, — отвечаю. — А вы, Фаина Георгиевна, много курите?

Она:

— Ну, как тебе сказать… Когда чищу зубы с этой стороны, я папиросу сюда перекладываю, когда с этой — сюда. Много это или мало?»

Театр кончается вешалкой

Ко многим своим ролям не только в кино, но и в театре Раневская относилась весьма критически.

Как-то узнав, что знакомые идут сегодня в театр, чтобы посмотреть ее на сцене, Фаина Георгиевна всеми способами пыталась их отговорить:

— Не стоит туда ходить: и пьеса скучная, и постановка слабая…

Но знакомые уперлись. Хотим, говорят, посмотреть, и все тут!

— Ладно, раз уж все равно идете, я вам советую уходить после второго акта, — сказала Раневская.

— Почему после второго?

— После первого очень уж большая давка в гардеробе.

* * *

В другой раз Фаину Георгиевну спросили:

— Правду ли говорят, что этот спектакль совсем не имеет успеха у зрителей?

— Ну это еще мягко сказано, — заметила Фаина Георгиевна. — Я вчера позвонила в кассу: хотела уточнить, когда начало представления.

— И что?

— Мне ответили: «А когда вам будет удобно?»

* * *

— Каково ваше впечатление от этого спектакля? — спросили Раневскую.

— Вообще пьеса весьма недурна. Однако актеры играли так плохо, особенно Дездемона, что когда Отелло душил ее, то публика очень долго аплодировала.

В партере

— Извините, Фаина Георгиевна, но вы сели на мой веер! — с негодованием воскликнула какая-то дамочка, которой досталось место рядом с Великой старухой на премьере в театре.

— Что? То-то мне показалось, что снизу дует, — не менее возмущенно отреагировала на сделанное ей замечание Раневская.

Леденцы взамен обеда

Режиссеры боялись давать ей крупные роли. «Неужели театр не заинтересован, чтобы я играла? Публика ждет. Получаю бесконечное количество писем. Зрители хотят меня видеть на сцене. Найдите пьесу. Неужели вам нечего мне предложить?» — вспоминал слова Фаины Георгиевны актер Сергей Юрский.

Раневская с горечью повторяла: «Мне осталось жить всего сорок пять минут. Когда же мне все-таки дадут интересную роль?»

Словно издеваясь над светлой мечтой Раневской, однажды ей послали знаменитую пьесу Жана Ануя «Ужин в Санлисе», где Великой предлагалась всего-навсего маленькая роль старой актрисы. Роль может быть и неплохая, но совершенно не соответствующая масштабам и возможностям Фаины Георгиевны.

Когда Марина Неелова поинтересовалась, почему актриса отказалась от предложения, Раневская грустно молвила: «Представьте себе, что изголодавшемуся человеку вместо еды предложили горстку монпансье. Вы бы согласились?»

Какие наши годы!

Последний спектакль, в котором сыграла Фаина Георгиевна, — «Дальше — тишина» (1968), где ее партнером по сцене был Р. Я. Плятт. Они блестяще изображали пожилую супружескую пару, вынужденную расстаться, прожив вместе 50 лет. Оба — и Плятт, и Раневская — не имели своих детей. Может, именно поэтому они смогли так правдиво и пронзительно рассказать о том, о чем не решаются говорить другие, стесняясь и боясь обидеть собственных отпрысков. О жестокости и меркантильности молодого поколения, о том, что рано или поздно самые любящие и жертвенные родители становятся для детей обузой.

Надо сказать, что в свое время режиссер Михаил Ромм, ознакомившись с пьесой, посчитал ее слабой и пытался отговорить Фуфу от участия в спектакле. В 1978 году, спустя девять лет после премьеры, Раневская писала: «Пьеса американская, а письма ко мне идут от наших старух, где благодарят — за то, что дети стали лучше относиться. Поступила правильно, не послушав Ромма».

Этим спектаклем зал всегда был по-особенному взволнован, растроган, потрясен. Полные аншлаги, слезы зрителей, овации стоя… Но случались и казусы. Как-то после окончания спектакля к Раневской подскочил какой-то ярый поклонник ее таланта и, наговорив комплиментов, спросил:

— Простите за нескромный вопрос, сколько вам лет?

— В субботу будет 115, — решила напугать его Раневская.

Поклонник просто обмер от восторга:

— В такие годы и так играть!..

«Провокаторша»

Замечательный актер Евгений Стеблов, долгое время проработавший с Фаиной Раневской в Театре им. Моссовета, вспоминал, что, будучи очень добрым по своей природе человеком и бессребреницей, «великая старуха» иногда могла ни за что ни про что обидеть своего партнера по сцене. Особенно не щадила она молодых, неопытных актеров, часто доводя их до слез. Но «доставала» она только тех, кто ей в рот смотрел. Если молодой актер сопротивлялся, она его сразу начинала уважать. «В спектакле «Правда хорошо, а счастье лучше» у нас была всего одна сцена, — рассказывал Стеблов. — Репетируем — чувствую: не складывается. И тогда я решил провести силовой прием — сыграл эту сцену с неадекватным выбросом темперамента. Пугнул ее, даже за кофточку схватил. Сразу зауважала».

Похожее испытание пришлось выдержать и Ирине Муравьевой, когда совсем молоденькой актрисой ее вводили в спектакль Анатолия Эфроса «Дальше — тишина»: «Я должна была пойти домой к Фаине Георгиевне. Я-то думала, что это будет репетиция, но, оказалось, это были «смотрины», и Раневская оказалась мной довольна. И вот первый спектакль, после которого Раневская берет меня за руку, ведет к публике, кланяется, и я вынуждена поклониться вместе с ней. Она шепчет: «Видите, как я вас к себе приблизила!» Казалось, все хорошо, но правду говорили, что Раневская — не человек, она — люди, разные и противоречивые. Уже на следующей репетиции я — внучка по спектаклю — бегу к ней через всю сцену, кричу: «Бабушка!», беру ее за руки, но… руки ледяные, в глаза не смотрит. Во время перерыва ко мне подбегают и говорят, что Раневская в ярости, потому что «эта девчонка не поздоровалась перед репетицией». Но я не первый день в театре и знаю, что нет такой традиции — прийти на репетицию и ходить по гримеркам, здороваться. Решила: не пойду! Потом я узнала, что Раневская любила что-нибудь такое сделать актеру и наблюдать. Она ненавидела тех, кто поддавался на провокации и смотрел на нее «снизу вверх».

Зритель всегда прав

Журналист Михаил Веснин вспоминал: «В 1981 году мне с сестрой удалось попасть на великолепный спектакль «Дальше — тишина». Раневская приковывала к себе все внимание зрителей. В зале был необыкновенно сильный эмоциональный накал. Когда Фаина Георгиевна произнесла последние слова на сцене, раздался оглушительный гром оваций. Актеры вышли на поклон и благодарные зрители стали подносить к ногам Раневской охапки цветов. В восторге мы выбежали с сестрой на сцену (а нам было тогда по 16–17 лет, словом, с высоты возраста Раневской — «пионэры»), чтобы подарить любимой актрисе цветы. И тут произошел такой казус… Сестра моя от переизбытка эмоций, стоя перед Великой, вдруг разревелась…

Фаина Георгиевна, не обращая никакого внимания на устроенные ей овации зрителей в зале и коллег по сцене, бросилась успокаивать плачущую девчушку:

— Ну, что Вы, м-миленькая, д-дорогушечка моя, не нужно так переживать!

Обняла ее, а сама покраснела от смущения, переживая, что столь юное создание посмела растрогать своим талантом…

Короче, восторженные поклонники Фаину Георгиевну цветами заваливают, а она, не обращая на это никакого внимания, какую-то незнакомую маленькую дуреху успокаивает. Искренне, с душой. Честно говоря, меня это очень тронуло.

У каждого времени свои герои, конечно».

Бедная Лиза

У Раневской часто сменялись домработницы. Они были ее бесконечной головной болью. Пользуясь безмерной добротой, доверчивостью и наивностью Фаины Георгиевны, домработницы беззастенчиво обманывали «старую старуху», подло обирали ее.

Хохлушка Лиза была, пожалуй, самой яркой из этой породы. Девица была одержима стремлением найти себе жениха, несмотря на свою неказистую внешность. Раневская часто показывала друзьям, как Лиза, готовясь к свиданию, бесконечно звонила по телефону своим подругам: «Маня, у тебе бусы есть? Нет? Пока». «Нюра, у тебе бусы есть? Нет? Пока». «Зачем тебе бусы?» — спросила Лизу Фаина Георгиевна. «А шоб кавалеру было шо крутить, пока мы в кино сидим», — отвечала та.

Однажды Фаина Георгиевна услышала требовательный украинский говорок Лизы, разговаривающей по телефону: «Это дезинхфекция? С вами ховорить народная артистка Раневская. У чем дело? Меня заели клопи!»

Лиза была крайне «экономна» в вопросах быта.

— Что сегодня на обед? — поинтересовалась Фаина Георгиевна, когда домработница вернулась из магазина.

— Детское мыло и папиросы купила.

— А что к обеду?

— Вы очень полная, вам не надо обедать, лучше в ванне купайтесь.

— А где сто рублей?

— Ну вот детское мыло, папиросы купила.

— Ну, а еще?

— Да что вам считать! Деньги от дьявола, о душе надо думать. Еще зубную пасту купила.

— У меня есть зубная паста.

— Я в запас, скоро ничего не будет.

— А сдача?

— Ей-богу, тут конец света на носу, а вы сдачи спрашиваете.

Фаина Георгиевна позволяла Лизе себя обманывать и обкрадывать, философски полагая, что, возможно, той ее материальные средства нужнее.

Однажды в гости к Раневской пришла ее добрая подруга Любовь Орлова в шикарной норковой шубе. Домработница актрисы, мечтавшая, как уже говорилось, найти себе спутника жизни, упросила Фаину Георгиевну, пока Орлова у нее в гостях, разрешить надеть эту шубу, чтобы произвести впечатление на очередного поклонника. Раневская разрешила, в чем потом

горько раскаялась, поскольку Лизавета прогуляла аж три часа. Любовь Петровна вряд ли не поняла, почему Фаина Георгиевна столь настойчиво уговаривала ее посидеть еще и еще. «Сказать, что Орлова — добрый человек, — заметила позже Раневская, — это все равно, что признать, будто Лев Толстой — писатель не без способностей».

Когда Лизино замужество каким-то чудом наконец состоялось, Фаина Георгиевна подарила теперь уже бывшей домработнице свою только что купленную роскошную двуспальную кровать — для продолжения рода. А сама так до конца жизни и спала на старой узенькой тахте.

Последний котелок Москвы

Фаина Георгиевна подружилась с Александром Александровичем Румневым (Зякиным) еще в 1946 году, когда тот ставил танцы в сцене бала в кинофильме «Золушка». Этого блестящего балетмейстера, искусного графика и редкого в советские времена изысканного кавалера, Фаина Георгиевна называла «Последним котелком Москвы».

Румнев, как давний друг Фаины Георгиевны, запросто заходил в ее полутемное жилище. Они подолгу беседовали, он садился рядом и рисовал великую актрису в своей тонкой, карандашной манере. Фаина Георгиевна как обычно много курила, и он изображал ее погруженной в клубы дыма на темном фоне. Часто Румнев засиживался допоздна.

По меркам домработницы Лизы, обстановка царила донельзя интимная. По этому поводу однажды она выразила хозяйке свое искреннее возмущение:

— Фаина Георгиевна, что же это такое? Каков подлец, ходить-ходить в гости, ужин лопает, на кровать садится, а предложения не делает?!

Бесстыжая моль

С другими домработницами Раневской везло гораздо меньше, чем с Лизой. Как рассказывал Глеб Скороходов, Фаина Георгиевна по беспечности часто оставляла приоткрытой дверь своей квартиры на лестницу. Нанятая недавно домработница, быстро оценила сулящие ей перспективы и стырила шубу и вазочку из хрусталя, решив все свалить на проникших через незапертую дверь непрошеных гостей. Кража была настолько очевидной, наглой, что друзья настояли, чтобы Раневская все-таки известила о пропаже «товарищей милиционеров». Доблестные слуги порядка накрыли воровку с поличным у нее дома, где нашли еще кучу украденных у Фаины Георгиевны вещей. Опись охватывала примерно полгардероба актрисы — ушлая домработница никак не рассчитывала, что «интеллигентша заявит».

Фаина Георгиевна воровку простила, но невзлюбила вернувшуюся блудную шубу. И решила ее непременно продать. Дала объявление в газету. И на следующий же день к ней домой явилась потенциальная покупательница. Но случился вот такой казус. Когда Раневская открыла перед покупательницей шкаф в передней, оттуда вылетела огромная моль. Не теряясь, Фаина Георгиевна своим внушительным басом, с упреком, вопросила:

— Ну что, сволочь, нажралась?

К сожалению, в тот день сделка купли-продажи не удалась.

Каторга, а не работа

Как-то Раневская встретила на улице девушку, которая когда-то служила у нее домработницей.

— Как я жалею, что ушла от вас, Фаина Георгиевна, — тяжело вздохнула она.

— Что, деточка, недовольна новым местом?

— Не то слово.

— Что много требуют?

— Во сто раз больше, чем у вас.

— Но хоть платят-то прилично?

— Что вы, гроши.

— Невероятно! Зато оплачиваемый отпуск, да?

— Никакого отпуска.

— Так какого ж хера ты там работаешь? — не выдержала Раневская.

— А я не работаю. Я вышла замуж.

Благоговение перед жизнью

Великого гуманиста, автора учения о благоговении перед жизнью, доктора Альберта Швейцера Фаина Георгиевна называла своим «любимым мужчиной». «Этика — это безграничная ответственность за все живое», — писал он. — Человека можно назвать нравственным только тогда, когда он следует лежащему на нем долгу оберегать все живое, что он в состоянии защитить, и когда он идет своей дорогой, избегать, насколько это возможно, причинять вред живому. Такой человек не задается вопросом, насколько та или иная форма жизни заслуживает симпатии к себе, или насколько она способна чувствовать. Для него священна жизнь как таковая. Он не сломает сосульку, что сверкает на солнце, не сорвет лист с дерева, не тронет цветок и постарается не раздавить ни одно насекомое при ходьбе. Если он работает летним вечером при свете лампы, он скорее закроет окно и будет работать в духоте, нежели наблюдать, как один за другим мотыльки падают на его стол с опаленными крыльями». («Цивилизация и Этика».)

Так же благоговела перед жизнью и Фаина Георгиевна. Соседка рассказывала, что, войдя к ней однажды, обнаружила ее неподвижно сидящей в кресле — на открытой ладони лежала не подающая признаков жизни муха. Как выяснилось, муха залетела в молоко, и Раневская ждала, когда муха обсохнет и улетит.

Она жалела все живое — собак, насекомых, и даже людей, которые этого явно не заслуживали…

А. Щеглов вспоминал, что все, кто бывал у Раневской дома, отмечали, как трогательно относилась старая артистка к своему подобранному на улице псу по кличке Мальчик. Несчастный пес — с поломанной лапой, в лишаях — был обречен. В ветлечебнице Раневской сказали: «Его надо немедленно усыпить, он просто опасен». Она умоляла, говорила, что не уйдет без него. Спасли его врачи только ради актрисы.

Со временем ее стараниями Мальчик превратился в дорогое комнатное существо с довольно скверным характером. У него были кривые лапы, огромное брюхо и седой хвост. У Раневской могла быть только такая собака.

— Мой Мальчик стареет с хвоста, — говорила она, расчесывая уродца специальной щеткой. — Фу, как ты пахнешь, мой милый. — В ход шли французские «фуняфки» — любимое слово, в переводе с польского означающее духи.

Мальчик — единственное существо на свете, разделившее последнее одиночество Раневской, ее бессонные ночи. Именно

ему читала она французских лириков и русских классиков. Вероятно, это была самая начитанная собака на свете. Ума ему это, однако, не прибавило. И счастья, разумеется, тоже.

Сторож из Мальчика (притом, что дверь в квартиру Раневской никогда не закрывалась) получился довольно странный. Когда кто-то входил, пес заходился в бранчливом экстазе. Столь же непродолжительном, сколь и бесполезном. Хватало его не больше чем на минуту. Норовил кусануть в самом начале визита и когда знакомые поднимались, чтобы уйти. Раневская оправдывала его поведение:

— Сначала ревнует меня к вам, а потом вас к моему одиночеству.

Вот странички из дневника актрисы:

«Принесли собаку, старую, с перебитыми ногами. Лечили ее добрые собачьи врачи. Собака гораздо добрее человека и благороднее. Теперь она моя большая и, может быть, единственная радость. Она сторожит меня, никого не пускает в дом. Дай ей Бог здоровья!»

«…Мой подкидыш в горе. Ушла нянька, которая была подле него два года (даже больше). Наблюдаю псину мою… А она смертно тоскует по няньке. В глазах отчаянье, ко мне не подходит. Ходит по квартире, ищет няньку. Заглядывает во все углы, ищет. Упросила няньку зайти повидаться с псиной. Увидел ее — упал, долго лежал не двигаясь. У людей это обморок. У собаки — больше, чем обычный обморок, боюсь за него, это самое у меня дорогое — псина моя. Человечная».

Собачья нянька

Да, так и было: чтобы ее любимый Мальчик оставался всегда сытым, ухоженным и не страдал от одиночества, Фаина Георгиевна наняла для него специальную собачью няньку, которой платила немалые деньги. Актриса шутила: «Моя собака живет лучше меня! Я наняла для нее домработницу. Так вот и получается, что она живет, как Сара Бернар, а я — как сенбернар…»

* * *

Раневская как магнит притягивала к себе людей ярких, неординарных, как и она сама. Собачья нянька была еще тот «фрукт». Вот как описывает Фаина Георгиевна эту необыкновенную женщину в своем дневнике:

«Собачья нянька, от нее пахнет водкой и мышами, собака моя — подкидыш — ее не любит, не разрешает ей ко мне подходить.

Нянька общалась с водой только в крестной купели. Но колоритна. Сегодня сообщила: «У трамвае ехал мужчина и делал вид, что кончил «иституй». На коленях держал «портвей», а с портвея сыпалось пшено. А другой мужчина ему сказал: «Эй ты, ученый, у тебя с портвея дела сыплются».

Животных она любит, людей ненавидит. Называет их «раскоряченные бл…ди». Меня считает такой же и яростно меня обсчитывает. С ее появлением я всегда без денег и в долгах.

Сегодня выдавала фольклор. Мой гость спросил ее:

— Как живете?

— Лежу, ногами дрыгаю.

Милиционер говорит:

— Здесь нельзя с собакой гулять.

— Нельзя штаны через голову надевать!

Пошла в лес с корзиной, а там хлеб, и милиционер спрашивает:

— Что это у тебя в корзинке, бабушка? А я говорю:

— Голова овечья, да п… человечья.

А он хотел меня в милицию загнать. А я сказала:

— Некогда мне, на электричку опаздываю.

Сегодня нянька сообщила, что все дети стали «космические», что детей опасно держать в доме, где живут родители.

Если бы она время от времени общалась с водой, я бы с интересом ее слушала. В ней есть что-то от лесковских старух».

VIP, или Очень Важная Персона

Находясь уже в преклонном возрасте, Раневская тем не менее умела заставить слушаться себя даже начальников. Однажды перед Московской Олимпиадой Фаина Георгиевна набрала номер директора Театра им. Моссовета и не терпящим возражения официальным тоном потребовала срочно предоставить ей автомобиль. Директор попробовал отказать, сославшись на то, что все машины заняты, но Раневская сурово его перебила:

— Вы что же, не понимаете? Я должна объехать Москву и показать мальчику олимпийские объекты. Он хочет убедиться, что все в порядке…

Испугавшись возможных неприятностей, директор немедленно отправил казенную «Волгу» Раневской. Он решил, что какая-то важная «шишка» — покровитель великой актрисы — желает проинспектировать готовность олимпийских объектов. А оказалось, речь шла всего лишь о том самом Мальчике — любимой собаке Фаины Георгиевны.

Приступ вегетарианства

Иногда Фаина Георгиевна садилась на вегетарианскую диету: «Я не могу есть мясо. Оно ходило, любило, смотрело…» Однако отказ от привычных мясных блюд давался ей с большим трудом. В эти мучительные дни борьбы с самой собой Раневская становилась особенно печальной и чувствительной. Как-то в очередной раз сидевшая на вегетарианской диете актриса поинтересовалась у своей домработницы:

— Лизочка, мне кажется, что в этом борще чего-то не хватает… А тебе?

Насмешливая хохлушка ответила:

— Верно подметили, Фаина Георгиевна, в нем не хватает мяса!

Смысл куриной жизни

Директор Театра им. Моссовета Лев Федорович Лосев вспоминал: «Юмор у Фаины был, я бы сказал, суровый. Она знала тайну смешного. Она шутила серьезно». Однажды Раневская пожаловалась ему:

— Сегодня моя дура домработница купила курицу и сварила ее прямо с потрохами! Пришлось выбросить добро на помойку. Из-за этого у меня настроение испортилось на целый день.

— Фаина Георгиевна, наплюйте Вы на эту курицу! Стоит ли расстраиваться из-за такой мелочи? — попытался утешить ее Лосев.

— Да и Мариночка Неелова все меня успокаивала, просила из-за такой чепухи не расстраиваться. Подумаешь, мол, «трешка» пропала. А я Мариночке объясняю, что дело не в деньгах. Мне саму курицу жалко. Ведь для чего-то она на этот белый свет родилась! — чуть ли не со слезами на глазах причитала Раневская.

Цыпленок жареный

Вообще к судьбе предлагаемых ей на обед кур Раневская была небезразлична. Как-то в ресторане ей подали цыпленка-табака. Да такого маленького и невзрачного, что Фаина Георгиевна решительно отодвинула от себя тарелку:

— Не буду есть. У него такой вид, как будто его сейчас будут любить.

Поделилась

Раневская не упускала случая ошеломить собеседника совершенно неожиданной реакцией на какие-то обыденные вещи.

— Посмотрите, Фаина Георгиевна! В вашем пиве плавает муха! — во весь голос закричала ей соседка по столу.

— Всего одна, милочка. Ну сколько она может выпить?! — рассудительно ответила Раневская.

Любимые пруссачки

Актер М. М. Новожихин часто записывался с Раневской на радио. Обычно они репетировали, читая классические произведения у Фаины Георгиевны дома на кухне — за чаем с пирогами и… с тараканами. В квартире актрисы развелись жуткие полчища этих ненасытных членистоногих, ведь она их не убивала, а наоборот, прикармливала. Великая старуха нежно называла тараканов «мои пруссачки». Эти насекомые в доме актрисы нагло ползали везде, совершенно не стесняясь ни хозяйки, ни гостей… Михаил Михайлович долго терпел это безобразие, но когда один самый нахальный таракан собрался залезть прямо в его тарелку с пирогом, актер не выдержал и ладошкой метко припечатал его к столу. И тут Фаина Георгиевна неожиданно вспылила. Она встала над столом в полный рост и гневно пророкотала: «М-михал М-михалыч, я боюсь, что на этом кончится наша дружба!»

* * *

А вот другой случай. Однажды приболевшей Раневской позвонила Ия Саввина.

— Как себя чувствуете, как поживаете? — спросила она.

— Ну, чувствую себя не очень. А поживаю неплохо. Дома по мне ползают тараканы, как зрители по Генке Бортникову.

Устроила новый аттракцион

Известный режиссер Надежда Кошеверова, снявшая множество фильмов для детей, мечтала пригласить Раневскую на роль директора цирка в свою новую картину «Сегодня новый аттракцион» (1966). К большому огорчению режиссера, Фаина Георгиевна долгое время наотрез отказывалась сниматься. Чтобы получить согласие знаменитой актрисы, Кошеверова безуспешно посылала к ней парламентеров и, в конце концов, решила поехать сама. В доме отдыха «Комарово», где отдыхала Раневская, начались трудные долгие переговоры. Как всегда вволю покапризничав, Великая, наконец, согласилась на съемки. Правда, одним из обязательных условий, выставленных Фаиной Георгиевной, было полное отсутствие контакта с цирковым зверьем, якобы из-за того, что у нее вдруг обнаружилась страшная аллергия на шерсть животных.

По сюжету же картины героиня Раневской испытывала к зверям безмерную привязанность и любовь. Когда угрюмая, бескомпромиссно настроенная Фаина Георгиевна все-таки приехала на один день на съемки фильма на «Ленфильм», вся киностудия была в тревоге. Зная характер Великой, от нее, не без основания, ожидали подвоха. Кое-как актрису уговорили единственный раз пройти мимо клеток с животными. Но, видимо, и хищникам передалось всеобщее нервозное состояние. В первые же минуты появления грозного «Льва Маргаритыча» один из львов в клетке… сильно обделался. Экзальтированная прима пулей выскочила из павильона, упала на спину и задрыгала ногами… Со свойственной ей гиперболизацией Раневская кричала, что все это безобразие подстроено, дабы уничтожить «любимую народом актрису»! В ход пошли валидол и целые упаковки успокоительного…

В действительности, дело было вовсе не в пресловутой аллергии. Поначалу Раневская, уверенная, что не будет сниматься в фильме «Сегодня новый аттракцион», писала своему другу актеру Эрасту Гарину: «Роль хорошая, но сниматься не стану. Я очень люблю зверей, но, когда бываю в цирке, страдаю при виде дрессированных животных. Страдаю почти физически. Этого я Наде (Кошеверовой. — *Ред.*) не скажу: сошлюсь на то, что мне трудно часто ездить — роль большая. Сил уже мало».

Не задавайте дежурных вопросов

Как-то Раневская столкнулась в Доме актера с одним поэтом, по совместительству, важным чиновником, занимавшим высокий пост в Союзе писателей.

— Здравствуйте, Фаина Георгиевна! Как ваши дела? — задал он самый дежурный вопрос.

— Очень хорошо, что вы спросили. Приятно, черт возьми, что хоть кому-то интересно, как я живу! Давайте отойдем в сторонку, и я вам с удовольствием обстоятельно расскажу о моих житейских делах, — любезно ответила актриса.

— Нет-нет, извините, но я очень спешу. Мне, знаете ли, надо еще на одно заседание… — сдал назад поэт.

— Но вам же так интересно, как я живу! Что же вы сразу убегаете, вы только послушайте. Тем более что я задержу вас ненадолго: минут на сорок-пятьдесят, не больше, — умоляюще заголосила Раневская.

Руководящий поэт поспешил окончательно ретироваться.

— Зачем же тогда спрашивать, как я живу?! — закричала ему вслед с деланным возмущением Раневская.

Пора отрабатывать?

Журналист Глеб Скороходов поведал такой случай. Однажды Фаину Георгиевну с актерской четой Чирковых пригласили домой к какому-то высокопоставленному чиновнику. Это было в середине 1950-х годов, когда на прилавках магазинов было шаром покати, а тут начальнический стол ломился от вкуснейших диковинных яств. Словом, коммунизм победил в отдельно взятой советской квартире. Гости закусили паюсной севрюжьей черной икрой и нежнейшей осетриной, отведали навеки забытую общепитом уху по-царски и только перешли к еще более изысканным вторым блюдам, как хозяйка внезапно прервала пиршество:

— А не пора ли нашим дорогим артистам продемонстрировать свое искусство? Фаина Георгиевна, может быть, вы нам что-нибудь прочтете? Прошу-прошу! — И она захлопала в ладоши, призывно улыбаясь.

И тут Раневская сорвалась:

— Что, настало время харч отрабатывать?

За Мадонну ответишь!

В 1954 году советское правительство сделало большой подарок немецкому народу, возвратив ему его же собственные шедевры Дрезденской галереи, вывезенные в конце войны из Германии как дорогой трофей.

Но правительство решило сделать и еще один красивый жест — спустя почти десять лет после Великой победы показать эти музейные сокровища своему собственному народу.

В Москве люди сутками стояли в очереди на выставку «Шедевры Дрезденской галереи» в Музее изобразительных искусств им. Пушкина, чтобы полюбоваться картинами великих мастеров. В залах было не пробиться. Особенно много народа стояло у «Сикстинской мадонны» Рафаэля.

Люди подходили, смотрели, оживленно обсуждая великое полотно… Из серой совковой толпы в интернетовских пальто выделялись две шикарно одетые красавицы. Можно было догадаться, что это жены каких-то партийных бонз. Одна из них, выдавая свое пролетарское происхождение, вдруг возмущенно обратилась к другой:

— Не понимаю, что все так сходят с ума? И чего находят в энтой мадонне… Ну что в ней особенного?! Босиком, растрепанная…

Случайно оказавшаяся рядом Фаина Георгиевна тут же отреагировала:

— Фифочка! Эта великолепная дама столько веков восхищала человечество, что теперь она сама имеет право выбирать, на кого производить впечатление, а на кого нет.

Холодильник с бородой

Когда в Москве на площади Якова Свердлова (ныне — Театральной. — *Ред.*) напротив Большого театра установили памятник великому вождю пролетариата Карлу Марксу работы скульптора Льва Кербеля, Раневская прокомментировала это так:

— А потом они удивляются, откуда берется антисемитизм. Ведь это тройная наглость! В великорусской столице один еврей на площади имени другого еврея ставит памятник третьему еврею!

О художественных же достоинствах памятника Карлу Марксу на Театральной в столице Фаина Георгиевна отзывалась весьма жестко: «Позорище! Это какой-то холодильник с бородой!»

Если приглядеться, действительно, похоже.

На обед, как на аборт

В Доме творчества кинематографистов в Репине, что под Ленинградом, Фаина Георгиевна чувствовала себя неуютно. Все ей было не так. Обедала она обычно в соседнем Доме композиторов, с друзьями, а столовую Дома кинематографистов обходила стороной, презрительно называя ту «буфэтом», через «э». Все здешние блюда казались ей пресными и несъедобными. Она говорила: «Я ходила в этот буфэт, как в молодости ходила на аборт».

В аду веселей

— А вы куда хотели бы попасть, Фаина Георгиевна, — в рай или ад? — как-то в шутку спросили у Раневской.

— Конечно, рай предпочтительнее из-за климата, но веселее мне было бы в аду — из-за компании, — рассудила Фаина Георгиевна.

Так им и надо

Как-то приятельница сообщила Раневской:
— Я вчера была в гостях у N. И пела для них два часа…
Фаина Георгиевна прервала ее возгласом:
— Так им и надо! Я их тоже терпеть не могу!

Убийственный комплимент

Сама Фаина Георгиевна рассказывала: «В шестьдесят лет мне уже не казалось, что жизнь кончена, и когда седой как лунь театровед сказал: «Дай Бог каждой женщине вашего возраста выглядеть так, как вы», — спросила игриво:

— А сколько вы мне можете дать?

— Ну, не знаю, лет семьдесят, не больше.

От удивления я застыла с выпученными глазами и с тех пор никогда не кокетничаю возрастом».

Крах иллюзий

Фаина Раневская вспоминала:

«Еду в Ленинград. На свидание. Накануне сходила в парикмахерскую. Посмотрелась в зеркало — все в порядке. Волнуюсь, как пройдет встреча. Настроение хорошее. И купе отличное, СВ, я одна.

В дверь постучали.

— Да, да!

Проводница:

— Чай будете?

— Пожалуй… Принесите стаканчик, — улыбнулась я.

Проводница прикрыла дверь, и я слышу ее крик на весь коридор:

— Нюся, дай чай старухе!

Все. И куда я, дура, собралась, на что надеялась?! Нельзя ли повернуть поезд обратно?..»

Престарелая Офелия

Звезду Театра им. Маяковского Марию Ивановну Бабанову называли «зримым чудом сцены», олицетворением высочайшего актерского мастерства. Как-то кинорежиссер и писатель Василий Катанян стал восторженно рассказывать Раневской о том, как посмотрел «Гамлета» у Охлопкова, где роль Офелии исполнила сама Бабанова. Надо сказать, что к тому моменту выдающейся актрисе стукнуло уже 54 года.

— Ну и как вам Бабанова в роли Офелии? — спросила у Катаняна Фаина Георгиевна.

— Очень интересна. Как всегда красива, пластична, голосок прежний… — стал воспевать дифирамбы актрисе Василий Васильевич.

— Ну, вы, видно, добрый человек. А мне говорили, что это болонка в климаксе, — съязвила Раневская.

Граница нараспашку

Во время хрущевской «оттепели» (середина 1950-х — начало 1960-х) находились наивные люди, всерьез обсуждавшие проблему открытых границ применительно к СССР.

— Фаина Георгиевна, что бы вы сделали, если б вдруг открыли границы? — спросили у Раневской.

— Залезла бы на дерево, — ответила та.

— Почему?

— Затопчут! — убежденно сказала актриса.

Аристократ

Близкая подруга Раневской Тамара Калустян как-то рассказала актрисе об одном своем приятеле настоящих «голубых кровей». Фаина Раневская записала в дневнике: «Ее знакомый князь Оболенский отсидел в наказание за титул, потом работал бухгалтером на заводе.

Выйдя на пенсию, стал сочинять патриотические советские песни, которые исполняет с хором старых большевиков, — поет соло баритоном, хор вторит под сурдинку. Успех бурный. Князь держится спокойно, застенчив, общий любимец хора. Аристократ!!!»

Лучшее средство от бессонницы

Однажды Раневская «по секрету» поделилась с Риной Зеленой своим собственным гениальным изобретением — новым эффективным средством от бессонницы. Фаина Георгиевна на ушко прошептала подруге:

— Дорогая Риночка, понимаешь, надо считать до трех. Максимум — до полчетвертого.

Грешная память

Как-то Раневская возвращалась домой на поезде после отдыха в крымском пансионате. Ее соседями по купе стали три ее молоденьких коллеги-артистки из Театра им. Моссовета.

Дамочки от скуки долгой дорогой стали обмениваться воспоминаниями о бурно проведенном отдыхе на курорте. Одна говорит:

— Вернусь домой и во всем признаюсь мужу.

Вторая восхищается:

— Ну, ты и смелая!

Третья осуждает:

— Ну, ты и глупая!

Раневская отмечает:

— Ну, у тебя и память!

Точки над «i»

На светском советском ужине зашел как-то разговор о двух «звездных», как бы сказали сегодня, персонажах, — известном режиссере и актрисе, которые находились в тайной любовной связи. Ясно, что подобные отношения в советские времена на корню пресекались парткомом и профкомом.

— То есть, Вы хотите сказать, Фаина Георгиевна, что Х. и Р. живут как муж и жена? — попыталась выяснить все интимные подробности преступного союза любопытная собеседница.

— Нет, они живут гораздо лучше, — расставила все точки над «i» Раневская.

Безумный день женитьбы Фигаро

После поездки на гастроли в один провинциальный город, Раневская со смехом рассказывала, как услышала замечательную реплику аборигена, увидевшего красочную афишу новой классической постановки Театра им. Моссовета по Ж. Б. Мольеру. Абориген ехидно сказал: «Эти м…даки собираются выйти на сцену сегодня вечером, но до сих пор никак не могут решить, какую пьеску им играть!»

При этом местный театрал указал на висевшую на тумбе афишу театра, на которой значилось: «Безумный день, или Женитьба Фигаро».

Второе дыхание

В переполненном автобусе, развозившем артистов после спектакля, вдруг раздался неприличный звук. Раневская, наклонившись к самому уху соседа, шепотом, но так, чтобы все слышали, выдала:

— Чувствуете, голубчик? У кого-то открылось второе дыхание!

Напросилась

Раневская как-то обедала у одной дамы, столь экономной (скажем прямо — жадной), что Фаина Георгиевна встала из-за стола как пришла, совершенно голодной.

На прощание «гостеприимная» хозяйка любезно сказала актрисе:

— Прошу вас еще как-нибудь прийти ко мне отобедать.

— С удовольствием, — ответила Раневская, — хоть сию же минуту!

Верх неприличия

В больнице им. Боткина работал прекрасный хирург Захро Авраамович Топчиашвили. Он был такого высокого роста, что вынужден был оперировать сидя.

Однажды ночью Фаина Георгиевна позвонила своему знакомому Володе и пожаловалась на сильные боли в животе. Тот немедленно связался со своим другом Захро Авраамовичем и попросил его приехать к Раневской. Услышав, о ком идет речь, хирург без промедления согласился.

Через пару часов Раневская позвонила Володе:

— Спасибо, дорогой! Вы прислали ко мне волшебника. Он осмотрел меня, мял мне живот — и внезапно боли исчезли — я словно заново воскресла!.. Однако потом он повел себя неприличным образом!

Володя изумился — Захро, джентльмен до мозга костей, деликатнейший человек — и вдруг позволил себе неприличное обращение с немолодой женщиной?!

— Фаина Георгиевна, что же Захро Авраамович такого неприличного сделал? — с ужасом спросил Володя.

— Представляете, я вручила ему конверт с гонораром, а он никак не хотел его брать — и уходя оставил его на шкафу в передней.

— Так в чем же проблема? — в недоумении воскликнул Володя.

— Я не могу достать конверт оттуда, — чуть не плача, молвила Раневская.

Интим с Онегиным

— Говорить, как Раневская, было невозможно, за ней можно было только записывать, — рассказывал выдающийся актер Алексей Баталов, хорошо знавший Фаину Георгиевну. — Возможно, один из секретов актрисы в том, что многие свои афоризмы она произносила серьезно и не комиковала.

Так обзванивая и поздравляя знакомых с Новым годом, Раневская строго и вместе с тем интригующе предупреждала:

— И не вздумайте сегодня приходить ко мне. У меня интимный вечер с потрясающим мужчиной.

— Кто же этот счастливчик? Скажите, если не секрет, — предвкушая сенсацию, спрашивали на том конце трубки.

— Евгений Онегин. Буду его перечитывать!

Великий и могучий

«Я не умею выражать сильных чувств, хотя могу сильно выражаться», — говорила Фаина Георгиевна. Однако сочные народные выражения, то и дело слетавшие с ее уст, воспринимались вовсе не как нецензурная брань, а как абсолютно органичная ей языковая манера, скорее милая и забавная, чем оскорбительная.

Однажды, когда актриса как обычно выразилась с присущей ей прямотой, какой-то ханжа не преминул сделать ей замечание:

— В литературном русском языке нет слова «жопа»!

Фаина Георгиевна мгновенно отреагировала:

— Как странно! Слова нет, а жопа есть…

Перепутал

Рина Зеленая рассказывала Василию Катаняну:

— В санатории в Комарово к Раневской за стол подсадили какого-то зануду, который все время хаял еду. У него и суп был холодный, и котлеты не соленые, и компот кислый. (Может, и вправду.) За завтраком он брезгливо говорил: «Ну что это за яйца? Смех один. Вот в детстве у моей мамочки, я помню, были яйца!»

— А вы не путаете ее с папочкой? — деликатно осведомилась Раневская.

Кандидатура «что надо»

Однажды «эрзац-внук» Алексей Щеглов привел к Раневской на смотрины свою невесту. Он постарался представить девушку в наиболее выгодном свете:

— Фаина Георгиевна, это моя любимая девушка Катя. Она умеет вкусно готовить, прекрасно печет пироги, аккуратна, квартиру приберет, так что не будет ни пылинки, ни соринки…

— Прекрасно, мой мальчик! Она меня вполне устраивает. Кладу ей тридцать рублей в месяц плюс столованье, и пусть приходит по вторникам и пятницам, — одобрила кандидатуру Раневская.

Невестка-кардинал

«Эрзац-внук» Алексей Щеглов, наконец, женился. Перед визитом к Раневской его супругу Татьяну строго-настрого предупредили:

— Танечка, только ни в коем случае не возражайте Фаине Георгиевне! Старуха ужасно не любит, когда ей начинают перечить, — в один голос твердили ей муж и свекровь.

Когда молодожены приехали домой к актрисе в Южинский переулок (сейчас Б. Палашевский. — *Ред.*), Раневская пристальным взглядом окинула Таню, нарядившуюся по случаю генеральных смотрин в свое лучшее красное платье, и сказала:

— Танечка, вы одеты как кардинал!

— Да, это так, — смиренно ответила невестка, памятуя строгие наставления. Вместе с тем сравнение с каким-то кардиналом, понятно, жутко уязвило ее самолюбие.

Когда Щегловы вернулись домой, их встретила бедная мать Алексея с совершенно убитым лицом. Оказывается, Фаина Георгиевна, пока молодожены были в дороге, уже позвонила ей и язвительно заметила:

— Поздравляю, у тебя невестка — нахалка!

Большая ж…, или Закон Архимеда

Раневская, как и большинство женщин, абсолютно не разбиралась в физике, но однажды ее вдруг жутко заинтересовало, почему современные корабли, сделанные из железа, не тонут.

— Как же это так? — допытывалась она у жены своего «эрзац-внука» Татьяны Щегловой, инженера по профессии. — Железо ведь гораздо тяжелее воды, отчего же тогда тысячетонные стальные корабли не тонут?

— Тут все очень просто, — ответила та. — Вы ведь наверняка изучали физику в школе?

— Что вы, деточка, в Мариинской женской гимназии у меня была железная двойка, — отрешенно посетовала Фаина Георгиевна. — Хоть убейте, не помню ни одного закона физики…

— Ну, хорошо, я вам напомню: был такой древнегреческий ученый Архимед. Он открыл закон, названный его именем: на тело, погруженное в воду, действует выталкивающая сила, равная весу вытесненной воды… Ну как, вспомнили? Этот Архимед еще от радости воскликнул: «Эврика!»

— Наверное, я дура полная. Ничего н-не понимаю, — развела руками Фаина Георгиевна.

— Ну вот, к примеру, вы садитесь в наполненную до краев ванну, что происходит? Вода вытесняется и льется на пол… Отчего она переливается через край?

— Оттого, что у меня большая жопа! — наконец-то постигла Раневская закон Архимеда.

Нежеланный поклонник

Председатель Комитета по телевидению и радиовещанию СССР С. Г. Лапин печально известен своими дурацкими запретами и мракобесьем. В 1970-е годы он ввел более жесткую, чем в годы «оттепели», цензуру, многие передачи и фильмы при нем подвергались серьезной правке, а порой и отменялись целиком. Тщательной проверке на предмет идеологической «чистоты» подвергались развлекательные и эстрадные передачи. Была введена система обоснованных запретов. Лапин не разрешал, к примеру, на экране телевизора появляться людям с бородами. Мужчинам-ведущим было запрещено выходить в эфир без галстука и пиджака, а женщинам не разрешалось носить брюки.

Правление Лапина стало также известно как период антисемитизма на Центральном телевидении СССР. На голубом экране постепенно перестали появляться такие популярные исполнители, как Вадим Мулерман, Валерий Ободзинский, Майя Кристалинская, Аида Ведищева, Лариса Мондрус, Эмиль Горовец, Нина Бродская.

Как ни странно, известный своей нетерпимостью к инакомыслию и откровенным антисемитизмом, Лапин был восторженным почитателем Фаины Георгиевны Раневской. Актриса, не любившая идеологических начальников, довольно холодно выслушивала его лестные отзывы о своем творчестве.

Однажды Лапин зашел в грим-уборную Раневской после спектакля и принялся восхищаться ее игрой. Целуя на прощание ей руку, он спросил:

— В чем я могу вас еще увидеть, Фаина Георгиевна?

— В гробу, — ответила Раневская.

А как-то начальник вся ТВ СССР спросил у актрисы:

— Когда же вы, Фаина Георгиевна, наконец, засниметесь для телевидения?

— Я бы с радостью. Да боюсь после (такого предложения. — *Ред.*) должны последовать арест и расстрел, — с вызовом ответила Раневская.

Приговор телевизору

Однажды Фаине Георгиевне позвонил известный кинорежиссер, сценарист и телеведущий Алексей Каплер и предложил выступить у него в суперпопулярной «Кинопанораме».

Раневская, невзлюбившая «голубой экран» с первого взгляда, попыталась отшутиться: «Представляете — мать укладывает ребенка спать, а тут я своей мордой из телевизора: «Добрый вечер!» Ребенок на всю жизнь заикой сделается… Или жена с мужем выясняют отношения, и только он решит простить ее — тут я влезаю в их квартиру. «Боже, до чего отвратительны женщины!» — понимает он, и примирение разваливается»…

Раневская сетовала Глебу Скороходову: «Только мне и лезть на телевидение! Я скорее соглашусь станцевать Жизель, чем выступить на голубом глазу. Нет уж, с меня хватит и радио. Утром, когда работает моя «точка», я хоть могу мазать хлеб маслом и пить чай, не уставясь, как умалишенная, в экран. Да у меня его и нет».

Василий Ливанов, с которым Раневская озвучивала знаменитый мультфильм «Малыш и Карлсон», рассказывал об одном интересном эпизоде. Фаина Георгиевна, испытывая неприязнь к «деятелям телевизионных искусств», в пику им сама придумала некоторые фразы, которых не было в сценарии. Помните, Карлсон беседует с фрекен Бок, и та говорит ему: «Сейчас приедут с телевиденья, а Вы, к сожалению, не привидение?» А Карлсон отвечает: «Но я же умный, красивый, в меру упитанный мужчина в самом расцвете лет!» — «Но на телевидении этого добра навалом!» И тут следует придуманная Раневской фраза с закамуфлированной шпилькой против телевизионщиков: «Ну я же еще и талантливый!» Или еще один укол Раневской в адрес мастеров телеискусств: «По телевизору показывают жуликов… Ну чем я хуже?!»

В дневнике Фаина Георгиевна записала: «Вчера возили на телевидение. Вернулась разбитая. Устала огорчаться. Снимали спектакль «Дальше — тишина». Неумелые люди, бездарные режиссеры телевидения, случайные люди. Меня не будет, а это останется. Беда». И дальше. «Сняли на телевидении. Я в ужасе: хлопочу мордой. Надо теперь учиться заново, как не надо». И еще. «В телевизоре. Актеры что-то говорили, я ничего не понимала. Решила, что теряю слух. Спросила рядом сидящего товарища: «Что они говорят?» Он ответил: «А черт их знает! Я ничего не понял». А ведь в нашем деле главное — Слово! Беда».

Впрочем, радио она тоже не жаловала. Как-то, когда шел

очередной радиорепортаж о передовиках социалистического соревнования, примерно с таким текстом: «Таня-бригадирша, в ее светло-серых, карих глазах поблескивают искры трудового энтузиазма»… Фаина Георгиевна в сердцах воскликнула:

— Боже мой, зачем я дожила до того, чтобы такое слушать!

Раневская восклицала: «С этими «добрыми утрами» надо бороться, как с клопами, тут нужен дуст. Умиляющуюся девицу и авторов надо бить по черепу тяжелым утюгом, но это недозволительный прием, к великому моему огорчению. Все эти радиобарышни, которые смеются счастливым детским смехом, порождают миллионы идиотов, а это уже народное бедствие. В общем, всех создателей «Веселых спутников» — под суд! «С добрым утром» — туда же, «В субботу вечером» — коленом под зад! «Хорошее настроение» — на лесозаготовки, где они бы встретились бы с руководством Театра им. Моссовета и его главарем — маразмистом-затейником Завадским».

Не дурак, а Дуров

Замечательный актер Лев Константинович Дуров вспоминал:

«Фаине Георгиевне попасться на язык, не приведи Господь, было! Она в выражениях не стеснялась. Такой махине от искусства простительно все. И актриса великая, и человек грандиозный. Я тоже однажды нарвался. Эфрос пригласил посмотреть прогон пьесы «Дальше — тишина». Сижу в зале, и вдруг из-за кулис кричит своим басом Раневская: «Я не пойду на сцену, там кто-то в зале сидит! Дуракам полработы не показывают! Почему я должна выходить и работать, когда дураки в зале?!» Слышу, Плятт говорит: «Фая, успокойся, это никакой не дурак, это артист Эфроса, Дуров». Раневская отвечает: «Дуров? Знаю. Да, он не дурак. Ну, черт с вами, пойдемте сыграем!»

Случай во Львове

Львов был одним из любимых городов Раневской. Здесь снимали ее «Мечту», где она в первый и последний раз сыграла в кино большую роль — Розы Скороход. Город был пронизан прежним, дореволюционным, трогательным мещанским духом. Он был похож на милую ее сердцу, старую, не разрушенную войной Варшаву. Фаина Георгиевна вспоминала, как на съемках «Мечты» старая еврейка, хозяйка ее львовской квартиры, говорила ей: «Пани Раневская, эта революция таки стоила мне полздоровья».

В один из последних своих приездов во Львов Фаина Георгиевна разместилась в одной из центральных гостиниц. Мучаясь от бессонницы, поздно вечером актриса вышла на балкон подышать, и с ужасом увидела на соседнем доме светящуюся неоновыми буквами огромных размеров вывеску с неприличным словом на букву «е». Потрясенная ночной распущенностью милого ее сердцу города, днем чтившего советские нормы приличия, Раневская уже не смогла сомкнуть глаз. Лишь на рассвете она разглядела потухшую первую букву «м» на вывеске мебельного магазина, написанной по-украински: «Мебля».

Сумасшедший успех

Одна актриса решила похвастать Раневской своим безумным успехом у аудитории. Она с гордостью воскликнула:

— Зрители просто рвали меня на части!

Фаина Георгиевна поинтересовалась:

— А где вы выступали?

Актриса с вызовом ответила:

— В психиатрической клинике.

Еврей и курица

Однажды актриса Ия Саввина, навещая дома больную Фаину Георгиевну, приготовила для нее свое фирменное блюдо — жаренную курицу в сметане. Блюдо выглядело и аппетитно, и красиво. Уходя, Ия Сергеевна настаивала, чтобы Раневская обязательно, хотя бы из уважения к ее труду, съела курицу. Когда Саввина ушла, Фаина Георгиевна сокрушенно заметила:

— Еврей ест курицу, когда он болен, или когда курица больна.

Упавшая звезда

Чувство юмора было защитным механизмом Раневской, помогавшим ей выжить. Актриса Ольга Аросева рассказывала, что, уже будучи в преклонном возрасте, Фаина Георгиевна как-то раз одна возвращалась домой в страшный гололед. Выходя из ворот театра, она поскользнулась и упала. Мимо проходил какой-то добрый парень. Он сразу бросился помочь пожилой женщине, но когда увидел, что это знаменитая актриса, буквально замер на месте.

— Ну, что смотришь, руку давай! Народные артистки на дороге не валяются! — лежа на тротуаре, закричала ему Фаина Раневская своим неподражаемым басом.

Один недостаток: скромность

Комплексующая из-за своей внешности, Раневская всех красивых девушек презрительно называла «фифами». (Само собой подразумевалось, что они недалекого ума и все как одна кокотки.)

Певица и актриса Елена Камбурова считает, что самое большое чудо в ее жизни произошло, когда Фаина Георгиевна, находясь на гастролях в Ленинграде, включила радио в тот самый момент, когда звучала первая чтецкая запись молодой Камбуровой. Великая актриса запросто села и написала Елене письмо-одобрение, начинавшееся словами: «Никогда не писала на радио…», и кончавшееся предложением встретиться. В такое везение Камбурова долго не могла поверить. Идя на встречу, она очень волновалась, но первая же фраза Раневской: «Деточка, как хорошо, что вы не фифа», сняла всю напряженность.

А когда они прощались, Фаина Георгиевна сказала: «У вас такой же недостаток, что и у меня. Нет, не нос — скромность!»

О Камбуровой Раневская говорила: «Ее травят за хороший вкус».

Неуловимое сходство

Раневская всегда была разной. Порой замыкалась в себе, порой была озорной и веселой, временами — беспечной и добродушной. И всегда — непредсказуемой. Если она хотела кому-то что-то сказать, то не отказывала себе в этом удовольствии.

Однажды Раневская подошла к актрисе N., мнившей себя неотразимой красавицей, и спросила:

— Вам никогда не говорили, что вы похожи на Брижит Бардо?

— Нет, никогда, — скромно ответила N., ожидая комплимента.

Раневская окинула ее оценивающим взглядом и с удовольствием заключила:

— И правильно, что не говорили!

* * *

Другой актрисе Раневская вдруг польстила, заявив, что она по-прежнему молода и прекрасно выглядит.

— Я не могу ответить вам таким же комплиментом, — дерзко ответила та.

— А вы бы, как и я, соврали! — посоветовала Фаина Георгиевна.

Любовь и без наркоза?

Великая русская советская актриса А. А. Яблочкина всю себя без остатка отдавала сцене, на которую выходила и в девяносто. Личная жизнь у Александры Александровны так и не сложилась, и она пребывала в девицах до старости.

Однажды Яблочкина по секрету поинтересовалась у Раневской, как это, собственно, мужчина и женщина занимаются любовью, какие такие ощущения они при этом испытывают? Раневская, верная своей манере, обошлась без эвфемизмов.

После обстоятельного откровенного рассказа Фаины Георгиевны, Яблочкина с ужасом воскликнула:

— Боже! И это все без наркоза!

Краткость — сестра Фаины

Раневская вспоминала, как в доме отдыха «Комарове», где она несколько раз гостила, от скуки объявили конкурс на самый короткий рассказ. Его темой была любовь. В общем исписанная, банальная тема, но ведущие ставили еще четыре условия:

1) в рассказе должна быть упомянута королева;

2) упомянут Бог;

3) чтобы было немного секса;

4) присутствовала тайна.

Первую премию, естественно, получил рассказ Фаины Георгиевны, содержащий всего одну фразу:

«О Боже, — воскликнула королева. — Я, кажется, беременна и неизвестно от кого!»

Сила мысли

Экстравагантной Раневской в жизни жутко «везло» на таких же чудаковатых поклонников. Особенно натерпелась она от одесских фанатов: в «городе цветущих акаций» ей просто прохода не давали.

Однажды во время гастролей в Одессе одна пассажирка в автобусе, узнав Фаину Георгиевну, пришла в совершеннейший восторг. Она протиснулась к актрисе, завладела ее рукой, до боли крепко сжала ее и торжественно заявила:

— Разрешите мысленно пожать вашу руку!

* * *

Фаина Георгиевна перед гостями любила разыгрывать сценку, вспоминая, как одна одесситка безумно обрадовалась встрече с ней, своей любимой актрисой. Дамочка воскликнула: «Когда Раневская идет по городу, вся Одесса делает ей апофеоз».

* * *

Однажды за Раневской по одесской улице бросился бежать поклонник. Настигнув актрису, он радостно закричал, протягивая руку:

— Здравствуйте! Позвольте представиться, я — Зяма Иосифович Бройтман…

— А я — нет! — ответила Раневская и продолжила прогулку.

* * *

В другой раз на улице в Одессе к Раневской обратилась прохожая:

— Простите, мне кажется, я вас где-то видела… Вы в кино не снимались?

— Нет, — отрезала Раневская, которой надоели уже эти бесконечные приставания. — Я всего лишь зубной врач.

— Простите, — оживилась ее случайная собеседница. — Вы известный зубной врач? А как ваше имя?

— Черт подери! — разозлилась Раневская, теперь уже обидевшись на то, что ее не узнали. — Да мое имя знает вся

страна!

* * *

У одесситов при виде любимой «Мули» часто происходило какое-то легкое умопомешательство. Однажды какая-то толстая женщина с авоськами бросилась к актрисе обниматься с криком: «Батюшки, смотрите, люди, кто это! Да вы же моя поклонница!..»

* * *

Как-то актриса прогуливалась по Одессе, а за ней долго следовала какая-то гражданка, то обгоняя, то заходя сбоку, то отставая, пока наконец не решилась заговорить:

— Я не могу понять, вы — это она?

— Да, да, да, — басом ответила Раневская. — Я — это она!

* * *

На одесском рынке мужчина продавал попугая и индюка. Раневская спросила:

— Сколько стоит ваш попугай?

— Сто рублей, ведь он говорящий, может сказать «ты дурак».

— А индюк?

— Тысячу.

— Почему так дорого?

— Самый умный. Он не говорит «ты дурак», но он так думает.

* * *

Наблюдения из дневника Фаины Георгиевны:

«В Одессе, в магазине шляп.

Соня, посмотри, эта дама богиня?»

Соня: «Форменная богиня».

«Эта шляпа сделает вам счастье».

В Столешниковом: «Маня, отпусти даме шляпку».

Маня: «Не могу, я сегодня на кепах».

Давно уже не женщина

Один из восторженных поклонников Фаины Георгиевны летом 1979 года специально прилетел в Москву из Новокузнецка, чтобы встретиться с великой актрисой. Он взял с собой два экземпляра ее фотопортрета, сделанного им в финале спектакля «Дальше — тишина». Один, конечно же, в подарок Фаине Георгиевне, другой — с целью получить автограф.

Предварительно созвонившись по телефону и получив согласие на встречу, он купил роскошный букет цветов и приехал в Южинский переулок (сейчас Б. Палашевский. — *Ред.*), где последние годы жизни обитала Фаина Георгиевна.

Позвонил в дверь. Открыла САМА! Гостеприимно пригласила пройти. Едва переступив порог, поклонник опустился на одно колено и торжественно вручил актрисе цветы.

— Да вы с ума сошли, такие д-деньги тратить, это же целое состояние!.. — воскликнула Фаина Георгиевна.

— Ну что Вы?! Это же в знак преклонения перед великой актрисой, прекрасной женщиной!

— Голубчик, я давно уже не женщина!.. — грустно заметила Фаина Георгиевна.

Да, так ответить могла только она.

Кокотка

Актер и певец Олег Анофриев вспоминал: «Свердловск, гастроли, советское время. Нам разрешают обедать в обкомовской столовой. Я за столом с Фаиной Георгиевной. Она просит у официантки:

— Будьте любезны, стакан молока.

— Нет молока, товарищ Раневская.

— А что, вы еще не подоили свою обкомовскую корову?

Заканчиваем обед, я предлагаю с некоторой долей фривольности:

— Позвольте, я заплачу за обед!

В ответ (тоже с некоторой долей фривольности):

— Значит, ты считаешь, что я твоя кокотка?.. Тогда плати!»

На балкон, как в космос

Олег Анофриев вспоминал:

«На старости лет Раневская получила новую квартиру, по-моему, на третьем этаже, с балконом.

— Фаина Георгиевна, выйдете на балкон, воздух-то какой, — предложил я.

— Что вы, что вы, миленький, я же не космонавт!»

Имени Анны Карениной

Как-то Раневская получила путевку в дом отдыха ВТО в Комарово. Отдыхом актриса осталась страшно недовольна: в непосредственной близости с ее корпусом проходила железная дорога, и днем и ночью беспрестанно грохотали поезда.

— Как отдыхаете, Фаина Георгиевна? — спросили ее.

— Спасибо, хорошо. Как Анна Каренина, — с мрачной ухмылкой ответила Раневская.

А уезжая из ненавистного учреждения, сказала, как отрезала: «Ноги моей больше не будет в этом доме отдыха… имени Анны Карениной!»

Присела отдохнуть

Как-то на гастролях в Ленинграде Фаина Георгиевна зашла в местный музей великого полководца А. В. Суворова. Утомившись от осмотра экспонатов, она присела в кресло отдохнуть. К ней тут же подбежал смотритель и сделал строгое замечание:

— Вы что, не видите табличку? Здесь сидеть нельзя, это кресло генералиссимуса, князя Италийского, графа Рымникского, графа Священной Римской империи Александра Васильевича Суворова.

— Ну и что? Их ведь сейчас нет. А как придут, я встану.

Слово не для женских ушек

Раневская любила рассказывать, как они с группой артистов театра однажды поехали в подшефный колхоз и зашли в правление представиться и пообщаться с народом.

Вошедший с ними председатель колхоза вдруг застеснялся шума, грязи и табачного дыма в своей конторе.

— …б вашу мать! — заорал он, перекрывая другие голоса. — Во что вы превратили правление, …б вашу мать. У вас здесь знаете что?.. Бабы, выйдите! (Бабы вышли.) У вас здесь, если хотите, извините за выражение, хаос!

Одна сатана

Еще в 1960-е годы Раневская рассказала историю, которая моментально стала популярным анекдотом. Поехала она с несколькими актрисами театра им. Моссовета по путевке на Черное море. А мужу одной из них удалось достать путевку в соседний санаторий.

И вот муж пришел навестить свою супругу. Прогуливаются они по аллее, и он замечает, что все идущие навстречу мужчины подозрительно раскланиваются с его красавицей женой. Муж заинтересовался:

— Кто это?

— Да это так, члены моего кружка…

Затем все пошли провожать мужа до его санатория. И жена обратила внимание, что здесь многие женщины также раскланиваются с ним.

— А кто это? — спросила жена.

— А это кружки моего члена.

С южным акцентом

Протоиерей Михаил Ардов вспоминал, что на Ордынке имело хождение множество цитат из Раневской. Все это произносилось с южным, одесским акцентом.

— Ой, в вас волос густой!.. В вас воши есть?.. А шо вы обижаетесь?.. В кого их нет?.. А вы намажьте голову фотоженом, и они уси как одна сбегуть!

— Ой, в вас нежная кожа!.. Когда я была молодая, у меня тоже была нежная кожа… Я шла по улице, так люди висовывались с форточек и говорили: «Ось идеть иностранка».

Отец Михаила, писатель Виктор Ардов говорил Фаине Раневской:

«Все нарисовано тушью, а Вы одна — чистая живопись».

Подделка лучше оригинала

Как-то раз друзья великой актрисы вздумали над ней подшутить. Они налили в бутылку из-под дорогого французского коньяка другой коньяк, армянский — тоже, в общем-то, неплохой. Бутылку закупорили по всем правилам искусства — только опытный профессионал мог заметить, что ее открывали. И вот за столом раскупорили бутылку, разлили содержимое по рюмкам. Фаина Георгиевна сначала понюхала коньяк, посмотрела рюмку на свет, слегка пригубила.

— Это божественно! — провозгласила она. — Какая изумительная подделка!

Болван у входа

Раневская в замешательстве подошла к кассе кинотеатра и, протянув деньги, попросила билет на очередной сеанс.

— Товарищ Раневская, да ведь вы уже купили у меня билет на этот сеанс пять минут назад! — изумился кассир.

— Я знаю, — сказала Фаина Георгиевна. — Но у входа в кинозал какой-то болван взял и порвал его.

Половые различия

— Сегодня я убила 5 мух: двух самцов и трех самок, — как-то шутливо похвастала Раневская подруге.

— Как же ты определила их пол? — с недоумением спросила та.

— Все логично. Две мухи сидели на пивной бутылке, а три на зеркале, — объяснила Фаина Георгиевна.

Роялти с телеграмм

Как известно, за исполнение их произведений на эстраде и в театре сценаристы и композиторы получают авторские отчисления — сколько-то процентов с кассового сбора (роялти).

Раневская как-то высказалась по этому поводу:

— А драматурги неплохо устроились — получают отчисления от каждого спектакля, поставленного с их пьес! Больше ведь никто ничего подобного не получает. Возьмите, например, архитектора Рерберга. По его проекту построено в Москве здание Центрального телеграфа на Тверской. Даже доска висит с надписью, что здание это воздвигнуто по проекту Ивана Ивановича Рерберга. Однако же ему не платят отчисления за десятки тысяч телеграмм, которые ежедневно отправляют в построенном им доме!

Универсальный огурчик

Режиссер Театра им. Моссовета Андрей Житинкин вспоминал:

— Это было на репетиции одного из последних спектаклей Фаины Георгиевны «Правда хорошо, а счастье лучше» по Островскому. Репетировали Раневская и Варвара Сошальская. Обе они были почтенного возраста: Сошальской — к восьмидесяти, а Раневской — за восемьдесят. Варвара была в плохом настроении: плохо спала, подскочило давление. В общем, ужасно. Раневская пошла в буфет, чтобы купить ей шоколадку или что-нибудь сладкое, дабы поднять подруге настроение. Там ее внимание привлекла одна диковинная вещь, которую она раньше никогда не видела — здоровенные парниковые огурцы, впервые появившиеся в Москве посреди зимы. Раневская, заинтригованная, купила огурец невообразимых размеров, положила в глубокий карман передника (она играла прислугу) и пошла на сцену.

В тот момент, когда она должна была подать барыне (Сошальской) какой-то предмет, она вытащила из кармана огурец и говорит:

— Вавочка (так в театре звали Сошальскую), я дарю тебе этот огурчик.

Та обрадовалась:

— Фуфочка (так звали Раневскую), спасибо, спасибо тебе.

Раневская, уходя со сцены, вдруг повернулась, очень хитро подмигнула Сошальской и продолжила фразу:

— Вавочка, я дарю тебе этот огурчик. Он большой и красивый. Хочешь ешь его, хочешь — живи с ним.

Пришлось режиссеру объявить перерыв, поскольку после этой фразы присутствующие просто полегли от хохота и репетировать уже никто не мог…

Прощай, свобода!

Однажды Фаина Георгиевна Раневская была на свадьбе друзей. И случилось так, что при выходе из загса на голову жениха нагадил голубь. Случай в общем-то житейский… Все кругом рассмеялись, зато Раневская философски заметила по этому поводу:

— Вот так, молодожены, этот голубь символ того, что свобода ваша улетела и на прощание нагадила.

Актриса для бедного класса

Однажды Фаина Георгиевна отправилась в магазин за папиросами, но пока дошла, по невезучести, попала аккурат на обеденный перерыв. Уборщица магазина, увидев через стекло стоящую у закрытых дверей бедную Раневскую, бросила ведро и швабру и побежала отпирать.

— А я вас, конечно же, сразу узнала! — обрадованно затараторила она, впуская актрису. — Как же можно заставить вас ждать целый час, мы ведь вас все очень любим. Поглядишь этак на вас, на ваши роли, так и все собственные неприятности забываются. Конечно, для богатых людей можно найти и более шикарных артисток, а вот для бедного класса вы как раз то, что надо!

Такая «народная» оценка ее творчества очень понравилась Раневской, и она часто вспоминала эту уборщицу и ее бесхитростные комплименты.

Халатное отношение

Актриса Марина Неелова вспоминала: «У Раневской дома одна из стен была сплошь увешана фотографиями, приколотыми иглами для внутривенных вливаний — Уланова, Шостакович, Пастернак, Ахматова, Цветаева… Я спросила: «Как же так — столько замечательных людей прошли через вашу жизнь, почему вы ничего не напишете?» — «Я, деточка, написала. Но потом перечитала Толстого, поняла, что он написал лучше, и свои заметки порвала».

Однажды, когда Неелова зашла к Фаине Георгиевне, та встретила ее в новом красивом халате, видимо, подаренном какой-то поклонницей.

«Как вам идет этот халат!» — решила сделать Раневской комплимент Марина Мстиславовна. «Деточка, что же мне сейчас может идти, кроме гробовой доски?!» — воскликнула Раневская. Неелова продолжала настаивать на своем. Тогда Раневская раздраженно произнесла: «Я поняла, что такое халатное отношение. Это когда встречаешь гостя в халате».

Оценила по достоинству

Известный художник-карикатурист Борис Ефимов вспоминал, как он вместе с Раневской присутствовал на закрытом просмотре какого-то западного фильма, сюжетом которого была довольно мерзкая история о кровосмесительной связи между братом и сестрой.

Когда они выходили из зала после просмотра картины, кто-то спросил:

— Ну и какое у вас впечатление, Фаина Георгиевна?

На что последовал ответ, полностью в духе Раневской:

— Впечатление, как будто наелась кошачьего дерьма.

Стол и стул

Раневская с искренней завистью говорила Евгению Габриловичу, жившему в свои последние годы в Доме ветеранов кино:

— Вам хорошо: пришел в столовую — кругом народ, сиди и ешь в удовольствие! А я все чаще одна за стол сажусь… А кушать одной, голубчик, так же противоестественно, как срать вдвоем!

Отшила

Часто Фаину Георгиевну осаждали назойливые журналисты. Но она наотрез отказывалась рассказывать о себе: «Как можно выставлять свою суть напоказ? Это нескромно и, по-моему, отвратительно».

Вот такое «интервью» дала она однажды корреспондентам:

— Я не пью, я больше не курю, и я никогда не изменяла мужу — потому что у меня его никогда не было, — заявила Раневская, упреждая возможные вопросы журналиста.

— Так что же, — не отстает журналист, — значит, у вас совсем нет никаких недостатков?

— В общем, нет, — скромно, но с достоинством ответила Раневская.

И после небольшой паузы добавила:

— Правда, у меня большая жопа, и еще я иногда немножко привираю…

Дума о кенгуру

Некому корреспонденту все-таки удалось раскрутить Фаину Раневскую на интервью.

— Что вы, голубчик, спрашиваете меня все о ролях, да о ролях? — возмутилась Фаина Георгиевна. — Спросили бы меня о чем-нибудь более интересном.

— О чем же?

— Например, о том, что я думаю об австралийских кенгуру.

— И что вы думаете об австралийских кенгуру? — заинтригованно спросил назойливый интервьюер.

— Я думаю, — после небольшого размышления ответила Раневская, — что они живут в Австралии.

Каков вопрос, таков ответ

— Кем была ваша мать до замужества? — спросил у Раневской настырный интервьюер.

— У меня не было матери до ее замужества, — пресекла Фаина Георгиевна его дальнейшие вопросы.

* * *

В другой раз журналист спросил у Раневской:

— Как вы считаете, в чем разница между умным человеком и дураком?

— Дело в том, молодой человек, что умный не знает, в чем эта разница, но никогда об этом не спрашивает.

Симуляция здоровья

— Над чем вы сейчас работаете? — традиционно спрашивали ее журналисты.

— Преимущественно над собой, — отвечала Фаина Георгиевна, хитро улыбаясь.

— В каком смысле?

— Симулирую здоровье.

Крупская на диете

В одном из интервью Фаина Георгиевна очень удивила корреспондента, заявив, что больше всего мечтала бы воплотить в кино образ Надежды Константиновны Крупской. (Как известно, жена и соратница вождя пролетариата в пожилом возрасте страдала базедовой болезнью и ожирением. — *Ред.*)

— Но ведь вы на нее совсем не похожи! — воскликнул изумленный журналист.

— Это была бы Крупская на девятом месяце интенсивного голодания! — изящно выкрутилась Раневская.

* * *

— Михаил Шатров — это Крупская сегодня, — так говорила Раневская о творчестве известного драматурга, автора многочисленных пьес о Ленине, свято верящего в возможность восстановления «ленинских норм партийной жизни».

Продавец-исследователь

Раневская как-то на полном серьезе рассказала, что согласно результатам исследования, проведенного среди двух тысяч современных женщин, выяснилось, что двадцать процентов, то есть каждая пятая из них, не носит трусов.

— Помилуйте, Фаина Георгиевна, да где же это могли у нас напечатать результаты такого возмутительного исследования? — сокрушались ее собеседники.

— Нигде. Данные получены мною лично от продавца в обувном магазине, — заявила актриса.

Ошибка природы

В доме отдыха на прогулке приятельница Фаины Георгиевны заявила:

— Я так обожаю природу!

Раневская остановилась, внимательно осмотрела ее и сокрушенно сказала:

— И это после того, что она с тобой сделала?

Комплимент на все сто

Однажды на улице «валютчиков» имени Горького Раневскую остановил какой-то иностранец и, жутко извиняясь, спросил:

— Сударыня, не могли бы вы разменять мне сто долларов?

— Увы, откуда! Но благодарю за комплимент, — с поклоном ответила актриса.

Самое трудное в жизни

Как-то Раневскую спросили:

— Что для вас самое трудное?

— О, самое трудное я делаю до завтрака, — разоткровенничалась актриса.

— И что же это?

— Встаю с постели.

Гуд бай, общепит!

Как-то Раневская обедала в одном ресторане и не осталась довольна ни кухней, ни обслуживанием.

— Позовите д-директора, — расплатившись по счету, строго заявила капризная актриса официанту.

А когда к ее столику подбежал не на шутку обеспокоенный директор, Фаина Георгиевна предложила ему обняться.

— Что такое? — смутился тот.

— Обнимите меня, — потребовала Фаина Георгиевна.

— Но зачем? — трясясь коленками, молвил, как водится, вороватый общепитовский начальник.

— На прощание. Больше вы меня здесь не увидите. Н-никогда!

Бог И КПСС

Раневская говорила, что когда Бог собирался создать землю, то заранее знал, что в XX веке в России будет править КПСС, и решил дать советским людям такие три качества, как ум, честность и партийность.

Но тут вмешался Черт и убедил, что три таких качества сразу — слишком жирно будет. Хватит и двух.

Так и повелось.

Если человек умный и честный — то беспартийный.

Если умный и партийный — то нечестный.

Если честный и партийный — то дурак.

Загадка человека

Киногруппа, в составе которой была и Фаина Раневская, с утра выехала за город на натурные съемки. В чистое поле. Предстояла большая работа, нужно было много успеть за день. У Раневской же, как на зло, случилось расстройство желудка. По приезде на площадку она сразу же помчалась к выстроенному на краю поля неприметному домику…

Давно уже установили аппаратуру, давно уже группа приготовилась к съемкам, а народной артистки все не было и не было. Режиссер стал нервничать, ежеминутно глядеть на часы, оператор сучил ногами. А актриса все не появлялась. Несколько раз посылали помрежа на разведку: не случилось ли что? Раневская слабо откликалась, говорила, что жива, но просила не беспокоить.

Только через час Фаина Георгиевна, наконец, появилась и, ничуть не смущаясь, сказала своим величественным басом: «Никогда бы не подумала, что в человеке столько говна!»

Вольному воля

Людям нетрадиционной сексуальной ориентации в советское время приходилось несладко. За мужеложество могли и засадить на солидный срок в тюрьму. Однажды в театре Моссовета состоялось показательное судилище. На партсобрании труппы клеймили не марксистское поведение одного довольно именитого актера, заподозренного в гомосексуализме. Звучали гневные выкрики: «Это извращенец, это растлитель молодежи, это преступник!»…

«Бог мой, несчастная страна, где человек не может распорядиться своей жопой», — воскликнула Раневская, наевшись этой «лапшой».

Согласно же версии другого очевидца, Фаина Георгиевна пробасила: «Каждый волен распоряжаться своей жопой, как ему хочется. Поэтому я свою поднимаю и у…бываю».

* * *

— Лесбиянство, гомосексуализм, мазохизм, садизм — это не извращения, — заявляла актриса. — Извращений, собственно, два — хоккей на траве и балет на льду.

Рецепт ее молодости

Как-то одна знакомая сделала Фаине Георгиевне комплимент, сказав, что та выглядит гораздо моложе своих лет.

— Какие косметические средства вы используете, импортные или наши? — поинтересовалась она у актрисы.

Фаина Георгиевна, изобразив серьезность на лице, ответила:

— Импортный полироль не хуже нашего крэ-эма, честное слово. С вас сползет старая кожа, и вы будете ходить, как новорожденная.

Слово из пяти букв

В Доме отдыха и творчества кинематографистов в Репино под Ленинградом вечерами бывало скучновато. Не найдя, чем себя занять, отдыхающие разгадывали бесконечные кроссворды.

— Итак, по горизонтали: падшее существо, пять букв, последняя — мягкий знак?

Все задумались, а Раневская без размышлений ответила:

— Рубль!

* * *

А это уже совсем анекдот, авторство которого приписывают Фаине Георгиевне.

Собравшиеся актеры вечером разгадывают очередной кроссворд:

— Женский половой орган из пяти букв?

— По вертикали или по горизонтали?

— По горизонтали.

— Тогда ротик.

Выгодная страховка

Известно, что на Западе звезды кино и шоу-бизнеса давно уже страхуют именно те части своего тела, которые служат определяющими для достижения успеха. Еще легендарная Марлен Дитрих застраховала свои голосовые связки на миллион долларов.

Оказывается и у нас в стране еще в застойные, брежневские времена для избранных существовала подобная услуга.

— Берите пример с меня, — сказала как-то Раневской одна оперная солистка Большого театра. — Я недавно застраховала свой голос на очень крупную сумму.

— Ну, и что же вы купили на эти деньги? — спросила Фаина Георгиевна.

Дважды два

Находясь на гастролях, группа артистов, от нечего делать, отправилась днем в зоопарк. Среди них была и Раневская. И вот в одной из клеток перед ними предстал удивительного вида олень, на голове у которого вместо двух рогов красовалось целых четыре.

— Какое странное животное! Что за чудо природы? — удивился кто-то.

— Я думаю, что это просто вдовец, который имел неосторожность снова жениться, — предположила Фаина Георгиевна.

Эротический чих

Однажды нашу народную артистку пригласили в состав приемной комиссии одной московской театральной школы-студии.

Последняя абитуриентка в качестве дополнительного вопроса получила от Раневской задание:

— Девушка, изобразите нам что-нибудь эротическое с крутым обломом в конце…

Через секунду перед членами приемной комиссии девушка начала нежно стонать:

— А… аа… ааа… Аааа… Аа-аа-аапчхи!

Достойный ответ

Ковыляющую по узкому тротуару Раневскую грубо оттолкнул какой-то спешащий парень, к тому же обругав ее последними словами. Фаина Георгиевна, несмотря на весь свой убийственный матерный арсенал, на сей раз ответила хаму с изысканной вежливостью:

— В силу ряда причин я не могу сейчас ответить вам словами, какие употребляете вы. Но искренне надеюсь, что когда вы вернетесь домой, ваша мать выскочит из подворотни и как следует вас искусает.

Не смешно

Как-то Раневская со всеми своими домашними и огромным багажом приехала на вокзал.

— Жалко, что мы не захватили с собой пианино, — потерянно сказала Фаина Георгиевна.

— Не остроумно, — заметил кто-то из сопровождающих.

— Действительно не смешно, — вздохнула Раневская. — Дело в том, что на крышке пианино я оставила все наши билеты на проезд.

Дала на чай

Однажды поздним вечером Раневская возвращалась домой из гостей на такси. Когда они приехали, на счетчике нащелкало ровно восемьдесят копеек. Раневская протянула водителю рубль и потребовала сдачи.

— А как же на чай? — возмутился таксист, в темноте, скорее всего, не распознавший в ночной пассажирке знаменитую актрису.

Раневская категорически отказала ему:

— Я, чай, не п…здой деньги зарабатываю.

* * *

В другой раз Фаина Георгиевна вернулась домой бледная как смерть и рассказала, что ехала от театра на такси.

— Я сразу поняла, что он лихач. Как он лавировал между машинами, увиливал от грузовиков, проскакивал прямо перед носом у прохожих! Но по-настоящему я испугалась уже потом. Когда мы приехали, он достал лупу, чтобы посмотреть на счетчик!

Стучите ногами

Когда Раневская приглашала кого-нибудь к себе в гости, то обязательно предупреждала, что звонок не работает (кстати, дверь она часто держала и вовсе открытой).

— Когда придете, стучите в дверь ногами, — наставляла она.

— Почему ногами, Фаина Георгиевна?

— Но вы же ко мне не с пустыми руками собираетесь приходить!

Успокоила

— Жемчуг, который я буду носить в первом акте, должен быть настоящим, — потребовала капризная старлетка (подающая надежды молодая звезда. — *Ред.*).

— Не беспокойся, деточка! Все будет настоящим, — успокоила ее Раневская. — Все-все: и жемчуг в первом действии, и яд — в последнем.

Олимпийское изобилие

Перед Олимпиадой 1980-го года в московскую торговлю поступила инструкция: быть особо вежливыми и ни в чем покупателям не отказывать. По этому поводу ходило много анекдотов. Вот один, весьма похожий на быль. Заходит в магазин на Таганке мужчина и спрашивает:

— Мне бы перчатки…

— Вам какие? Кожаные, замшевые, шерстяные?

— Мне кожаные.

— А вам светлые или темные?

— Черные.

— Под пальто или под плащ?

— Под плащ.

— Хорошо… Принесите, пожалуйста, нам ваш плащ, и мы подберем перчатки нужного цвета и фасона.

Рядом стоит Раневская и все это слушает. Потом наклоняется к мужчине и театральным шепотом, так, чтобы слышал весь торговый зал, говорит:

— Не верьте, молодой человек! Я им уже и унитаз приволокла, и жопу показывала, а туалетной бумаги все равно нет!

Подбодрила

Однажды на съемках постоянный гример Раневской то ли заболел, то ли просто не пришел — так или иначе, на месте его не оказалось. После громкого скандала, на кои она была большая мастерица, Раневская согласилась на замену. Ей привели робкую, скромную, только что окончившую институт молоденькую девчонку. Та и так была в полуобмороке от сознания того, с кем ей предстоит работать, а этот скандал ее доконал окончательно. Очевидно, желая подбодрить новенькую, Раневская решила поговорить с ней о жизни. «Замужем?» — спросила она. «Нет…» — робко пискнула девушка. «Хорошо! — одобрила Фаина Георгиевна. — Вот помню, когда в Одессе меня лишали невинности, я орала так, что сбежались все городовые!»

Жертва Херасимы

Одна из хороших знакомых Фаины Георгиевны постоянно переживала драмы из-за своих сложных любовных отношений с сослуживцем, которого звали Симой. Случалось, этот легкомысленный мачо, погнавшись за очередной юбкой, ее бросал, а потом возвращался и каялся. Так повторялось снова и снова. Бедная женщина вечно ходила в слезах после очередной бурной ссоры, время от времени делала от нечестивца аборты. Благодаря Раневской к несчастной дамочке накрепко приклеилось прозвище: «Жертва Хера Симы».

Веские обстоятельства

Однажды Раневскую спросили, не знает ли она причины развода ее приятелей. Фаина Георгиевна, не задумываясь, сказала:

— У них были разные вкусы: она любила мужчин, а он — женщин.

Не поняла

— Вы не поверите, Фаина Георгиевна, но меня еще не целовал никто, кроме жениха, — призналась Фаине Георгиевне молоденькая актриса.

— Это вы хвастаете, милочка, или жалуетесь? — недоуменно спросила Раневская.

Предварительные ласки

В парке на лавочке сидели юноша с девушкой и мило ворковали, как голубки, не обращая никакого внимания на примостившуюся на краюшке Фаину Раневскую. Видно было, что кавалер очень застенчив и нерешителен. Девушке же очень хотелось, чтобы юноша ее поцеловал. Тогда она притворно сказала:

— Ой, у меня щека болит!

Юноша нежно поцеловал ее в щечку.

— Ну как, теперь полегчало? — заботливо спросил он.

— Да-да, уже совсем не болит.

Но через некоторое время находчивая девушка опять пожаловалась:

— Ой, у меня шейка болит!

Юноша поцеловал ее в шейку.

— Ну как, уже не болит?

— Нет, теперь уже все прошло.

Сидевшая рядом Раневская не выдержала и серьезно поинтересовалась у юноши:

— Молодой человек, а вы случайно меня от геморроя не вылечите?

Совсем не изменилась

Хозяйка дома показала Раневской свою фотографию детских лет. На ней была запечатлена маленькая девочка, сидящая на коленях пожилой женщины.

— Вот такой я была тридцать лет назад, — сказала хозяйка.

— А к-хто тогда эта маленькая девочка? — с наивным видом спросила Фаина Георгиевна.

Жутко не повезло

— Вы слышали, как не повезло писателю Х.? — однажды спросили у Раневской.

— Нет, а что же с ним случилось? — обеспокоенно спросила актриса.

— Он упал и сломал себе правую ногу.

— Действительно, вот не повезло, так не повезло. Чем же он теперь будет писать? — посочувствовала неудачнику Фаина Георгиевна.

Какая власть, такой и Автопром

Артист Театра им. Моссовета Николай Афонин был соседом Раневской по дому в Южинском переулке. У него был перл советского Автопрома горбатый «запорожец» и Афонин иногда подвозил на нем Фаину Георгиевну из театра домой. Как-то в его крошечное авто ухитрились втиснуться сзади сразу три человека, а впереди, рядом с Афониным, села Раневская. Когда они уже подъезжали к своему дому, актриса поинтересовалась:

— Кх-Колечка, скажите, а много ли вы денежек выложили за свой «кадиллак»?

Афонин с гордостью ответил:

— Две тысячи рублей, Фаина Георгиевна.

— Какое бл…дство со стороны властей, — мрачно заключила Раневская, с трудом выбираясь из горбатого уродца.

Умственная работа

Однажды Раневскую в шутку спросили:

— Фаина Георгиевна, как вы считаете, сидеть в сортире — это умственная работа или физическая?

— Конечно, умственная. Если бы это была физическая работа, я бы наняла специального человека, — простодушно ответила актриса.

Само совершенство

Всех артистов Театра им. Моссовета добровольно-принудительно обязали посещать кружок марксистско-ленинской философии. Как-то преподаватель спросил с подвохом, что такое национальное по форме и совершенное по содержанию.

— Это пивная кружка с водкой, — моментально ответила Раневская.

Маркс и Венера

За годы жизни Фаины Георгиевны Раневской сменились правления Владимира Ильича Ленина, Иосифа Виссарионовича Сталина, Никиты Сергеевича Хрущева, Леонида Ильича Брежнева, Юрия Владимировича Андропова…

За 88 лет она повидала всякое: уклонистов, невозвращенцев, лишенцев, классово чуждых, классово близких, убийц в белых халатах, космополитов, выдвиженцев, отщепенцев, диссидентов, подписантов, тамиздатовцев, самиздатовцев…

Раневская шутила, что тотальная политизация населения Союза достигла своего пика, поскольку даже бабули на лавочке у ее подъезда вместо пьяниц-соседей стали обсуждать кандидатов в члены Политбюро ЦК и решения очередного съезда КПСС. Фаина Георгиевна в качестве подтверждения своего тезиса о глобальной политизации населения ссылалась на свою знакомую Щепкину-Куперник, которая рассказывала, как одна корректорша, с сознанием своей правоты, переделала фразу «на камине стояли Марс и Венера» в фразу «на камине стояли Маркс и Венера».

Великий исход

Как рассказывал Глеб Скороходов, Раневская иногда предлагала близким друзьям, которые посещали ее дом, посмотреть на картину, которую она якобы нарисовала. И показывала чистый лист бумаги.

— И что же здесь изображено? — удивлялись друзья.

— Разве вы не видите? Это же великий исход евреев из Египта через Красное море.

— И где же здесь море?

— Оно уже позади.

— А где же евреи?

— Они уже перешли посуху через море.

— Где же тогда египтяне?

— А вот они-то скоро появятся! Ждите! — интригующе шептала Раневская.

Форменное побоище

Известный драматург Виктор Розов обижался, считая, что Раневская незаслуженно мало внимания уделяет его творчеству.

— Очень сожалею, Фаина Георгиевна, что вы не были на премьере моей новой пьесы, — похвастался он однажды. — Люди у касс устроили форменное побоище!

— И как? Удалось им получить деньги обратно? — с наивностью в голосе спросила актриса.

В другой раз выдающегося драматурга возмутило критическое замечание Раневской по поводу его очередного творения.

— Ну-с, Фаина Георгиевна, и чем же вам не понравился финал моей последней пьесы? — спросил Виктор Сергеевич.

— Он находится слишком далеко от начала, — сказала, как отрезала, Раневская.

Важная часть тела женщины

Очень трогательным воспоминанием о Фаине Георгиевне поделился актер Евгений Стеблов: «Однажды, уже будучи в преклонном возрасте, Раневская потеряла свою сумочку, в которой были очки и текст роли. Актриса очень расстроилась, но вскоре пропажа нашлась — оказалось, сумочку Фаина Георгиевна забыла в своем доме, у лифта. Увидев вещь целой и невредимой, Раневская разволновалась и, как бы оправдываясь, произнесла: «Вы должны понять, что для женщины сумка — это часть ее тела!»

Какие ноги пропали!

Иногда фразы Раневской звучали прямо-таки кощунственно. Так, на поминках, помянув только что умершую подругу-актрису, она с неподдельной завистью воскликнула:

— Хотелось бы мне иметь ее ноги — у нее были прелестные ноги! Жалко — теперь пропадут.

Прихлопнула

— Меня так хорошо принимали, — рассказывал Раневской вернувшийся с гастролей артист N. — Я выступал на больших открытых площадках, и публика непрестанно мне рукоплескала!

— Вам просто повезло, — заметила Фаина Георгиевна. — На следующей неделе выступать было бы намного сложнее.

— Почему?

— Синоптики обещают похолодание, и будет намного меньше комаров.

Мымра в шляпе

Фаина Георгиевна блестяще сыграла в нескольких выпусках популярного киножурнала «Фитиль». Как жаль, что они сегодня совершенно забыты и их не крутят по ТВ!

В одном из «Фитилей» был такой дивный эпизод.

Перед 8-м марта в киоск стоит длинная очередь. Раневская, облаченная в интернатовское пальто, в нелепой шляпке, приценивается к роскошному букету. Но в это время подбегает шустрый молодой человек, грубо отталкивает ее и без очереди хватает дивные розы. Возмущенная пожилая дама начинает отчитывать хама. На что получает в ответ: «Да пошла ты, мымра в шляпе!» (Фаина Георгиевна «сама себя высекла»: придумала и эту дурацкую шляпку и обидное выражение в свой адрес.)

…Следующий кадр. Лестница в подъезде. По ней поднимается молодой мужчина. Звонит в дверь квартиры. Дверь открывает прелестная девушка, и с возгласом «Милый!» бросается ему на шею. Молодой человек протягивает ей ТОТ самый букет. «Мама, мама! — восклицает красавица. — Иди, познакомься с моим избранным». Выплывает ТА самая дама — Раневская.

Девушка: «Познакомься, дорогой, это моя мама».

Раневская, мстительно взглянув на молодого человека, говорит своим неподражаемым басом: «Я не мама. Я мымра в шляпе»…

Утром — кекс, вечером — секс

Эта байка уже больше смахивает на анекдот. Рассказывают, что встретились как-то Фаина Георгиевна и Марлен Дитрих.

— Скажите, — спросила Раневская, — вот почему вы на Западе все такие худенькие да стройненькие, а мы в России — все такие задастые и толстые?

— Просто диета у нас особенная: утром — кекс, вечером — секс.

— Ну, а если не поможет?

— Тогда мучное нужно исключить.

Кукольный развод

На заграничных гастролях коллега зашел вместе с Фаиной Георгиевной в популярный магазин детских кукол «Барби и Кен».

— Моя дочка просто обожает Барби. Я хотел бы купить ей какой-нибудь кукольный набор… — обратился спутник Раневской к продавщице.

— У нас широчайший выбор, — с гордостью сказала она. — «Барби в деревне», «Барби на Гавайях», «Барби на горных лыжах», «Разведенка Барби»…

— А сколько это будет стоить?

— Все «Барби» по 100 долларов, только «Разведенка Барби» — двести.

— Но почему? — возмутился коллега.

— Ну, как же, — вмешалась в разговор Раневская. — У нее ко всему еще дом Кена, машина Кена, бассейн Кена…

Все, как и просили…

Борис Львович однажды выступал на праздничном вечере 8 марта в поликлинике, к которой уже много лет прикреплены артисты Театра им. Моссовета. Он рассказывал байки «от Раневской», зал хохотал, а одна медсестра, разволновавшись, и вовсе выбежала на сцену: «Я лечила Фаину Георгиевну, можно, я тоже расскажу!» И поведала, как однажды Раневская принесла мочу на анализ… в термосе! Сестра очень удивилась: «Фаина Георгиевна, зачем же в термосе — надо же в маленькой баночке!» И великая актриса ехидно пробасила: «Ох, ни хрена себе! А кто вчера сказал: неси прям с утра ТЕПЛУЮ?!»

Итальянский дворик

Однажды Раневская заболела и вынуждена была отлеживаться дома. Нежданно-негаданно к ней нагрянули гости из профсоюза театра, как полагается, с фруктами и конфетами. Фаина Георгиевна в благодарность решила напоить их чаем со сладостями, при этом совершенно забыв, что на кухне у нее, мягко говоря, не прибрано. Войдя, гости обомлели, увидев гирлянду огромных трусов и лифчиков, развешанных под потолком.

Никак не выдав своего смущения, Фаина Георгиевна заявила:

— Не обращайте внимания, это мой «итальянский дворик».

Эх, молодость!

Как-то Фаина Георгиевна подслушала разговор двух старушек на скамеечке перед подъездом. Те как обычно перемывали косточки подрастающему поколению: молодежь, мол, совершенно испортилась, стала легкомысленной, не уважает старших, живет без царя в голове, только о забавах и думает…

Услышав все это, Раневская сказала со вздохом:

— Да, современная молодежь ужасна. Но самое ужасное в молодежи то, что мы уже не принадлежим к ней и не можем совершать все эти ужасные глупости…

Дыша Пушкиным

Раневская просто боготворила Александра Сергеевича. После инфаркта Фаину Георгиевну забрали в больницу. Но она продолжала сильно курить. Врачи, однажды застукав Раневскую с сигаретой, сделали ей замечание: «Вы дымите как паровоз. Чем же Вы дышите?»

На что она ответила: «Пушкиным!»

На вопрос, что она читает кроме Александра Сергеевича, Раневская невозмутимо говорила: «Ничего! Я уже старая и у меня нет ни времени, ни сил на чтение всякой ерунды, чем я занималась раньше».

Портрет Пушкина занимал в комнате Раневской самое видное место. Томик поэта сопровождал ее всюду, он всегда должен был быть под рукой: когда она направлялась завтракать, когда садилась в кресло у телефона, и ни один ее разговор с друзьями не обходился без пушкинской темы.

Однажды Раневская случайно услышала, как один мальчик сказал: «Я сержусь на Пушкина, потому что няня ему рассказала сказки, а он их записал и выдал за свои».

— П-прелесть! — передавала его слова подругам Фаина Георгиевна.

Однако после глубокого вздоха последовало продолжение:

— Но боюсь, что мальчик все же полный идиот!

Однажды Фаина Георгиевна рассказала друзьям свой сон: «На ночь я почти всегда читаю Пушкина. Потом принимаю снотворное и опять читаю, потому что снотворное не действует. Я опять принимаю снотворное и думаю о Пушкине. Если бы я его встретила, я сказала бы ему, какой он замечательный, как мы все его помним, как я живу им всю свою долгую жизнь… Потом я засыпаю, и мне снится Пушкин. Он идет с тростью по Тверскому бульвару. Я бегу к нему, кричу. Он остановился, посмотрел, поклонился и сказал:

— Оставь меня в покое, старая бл…дь. Как ты надоела мне со своей любовью».

Сопли в сахаре

В число знакомых Фаины Георгиевны входила журналистка Татьяна Тэсс, особа, «приближенная к высшим кругам», писавшая актрисе длинные, обстоятельные письма о своих вечных «женских» проблемах, и сладкоречивые, сиропные газетные статьи, называемые Раневской «сопли в сахаре». Это была крайне деловая и состоятельная дама, подробно интересовавшаяся кругом знакомств Раневской, полагавшая, что она является лучшей подругой «милой Фаины».

— Богата-а-я! — говорила про нее Раневская. И добавляла в тон: — А попросишь занять, найдет изобретательную форму отказа: «Нет, Фаиночка, о вас же пекусь, вам будет тяжело отдать». Заботливая такая…

Как-то Раневская подшутила над Тэсс, написав ей: «Приезжайте ко мне, в поместье. На станцию «Малые Херы». На службе у Тэсс в редакции газеты «Известия» дамы разволновались. И какая-то из них спросила: «А где такая станция?»

Член с большой буквы

Помимо актерского таланта, Фаина Раневская обладала и несомненными литературными способностями. Даже по немногочисленным письмам и миниатюрам, чудом сохранившимся в архиве актрисы, можно судить о ее ярком писательском даре. Раневская пронзительно тонко чувствовала слово и мастерски им владела. Особенно органично ей удалось передать, вернее, спародировать, стиль так называемых писем в редакцию. Вот одно из таких писем, посланных в газету ее антагонистке-подруге Татьяне Тэсс от имени некого читателя Усюськина:

«Вы меня не знаете глубокоуважаемая Татьяна Григорьевна.

Мое фамилие Усюськин, по матери происхождение имею от рода Кафинькина, ныне покойного дяди моего. Разбирая имущество дяди найдено письмо, где покойник просит передать Вам привет и благодарность за внимание к разного рода явлениям нашей счастливой действительности на почве неполадок имеющих место. Дядя (царство ему небесное) незадолго до кончины покончил с буржуазным прошлым и поступил в партию, где был членом с большой буквы. Я тоже являюсь членом по просьбе дяди. Текущая действительность обнаружила большие достижения с Вашим участием в общественной жизни, где Вы являете значение происходящего на почве роста нашего сознания. Спасибо Вам за нравственное значение событий.

Остаюсь преданный Вам Усюськин».

Прогресс в медицине

Однажды старая подруга спросила Раневскую:

— Фаина, как ты считаешь, современная медицина делает успехи?

— Еще какие. В молодости для установления точного диагноза мне каждый раз приходилось почти донага раздеваться перед врачами, а теперь достаточно лишь язык показать.

Волоком по двору

Замечательный актер, художественный руководитель Московского театра сатиры Александр Анатольевич Ширвиндт вспоминал: «Фаина Раневская обладала самым нестандартным мышлением, она никогда специально свои фразочки не выдумывала, а просто была таким редким человеком, который говорит афористично… Я жил с ней в одном доме. Она всегда была «больна». Даже тогда, когда чувствовала себя прекрасно — охала, ахала, как и положено одинокой даме. Однажды встретил ее на пороге подъезда. «Шурочка, вы торопитесь?» — спросила она. «Не очень». — «А проволоките меня по двору метров пять-шесть, очень хочется подышать!»

Вот и вся любовь

Казалось бы, в своей жизни Фаина Георгиевна была не обделена любовью. Раневскую театралы просто боготворили, спектакли с ее участием собирали аншлаги, зал не хотел отпускать ее со сцены, награждая нескончаемыми аплодисментами. Признание в любви тысяч и тысяч пусть незнакомых, далеких, чужих — последняя соломинка одинокого человека. Но Фаина Георгиевна не обольщалась. И не рассчитывала всерьез на любовь к себе. Она понимала, что люди просто попадают под обаяние созданных ее талантом сценических образов. Раневская писала в дневнике: «От зрителей получаю письма, полные любви. Но ведь это не мне, а тем, кого изображаю. Тоска, тоска…»

Как-то после спектакля Фаина Георгиевна, сидя в гримерке, грустно окинула взором многочисленные дары поклонников — охапки цветов, корзины с письмами, открытками и записками, полными восторга, — и печально заметила:

— Как много любви, а в аптеку сходить некому!

Слова, слова, слова

Фаину Георгиевну друзья и коллеги настойчиво уговаривали публично отметить восьмидесятилетний юбилей:

— Это не только событие в вашей жизни, это грандиозное событие для всей нашей огромной страны!

Но Раневская категорически отказалась:

— Вы мне сейчас наговорите всяких там высоких слов. А что же вы будете говорить на моих похоронах?

Блистательный некролог

Фаина Георгиевна называла актрису Ию Саввину одной из своих любимых учениц. Не в том прямом смысле, которой ассоциируется с учебным классом, — кафедру им заменил Театр Моссовета, в котором они вместе работали. Дружили ли они? Едва ли. «Как можно дружить с гением, — ответила на этот вопрос Саввина. — Скажу так: мы были с Фаиной Георгиевной хорошо знакомы».

Парадокс: Раневская была особенно беспощадно требовательна к тем партнерам по сцене, которых любила и уважала. Как-то своими постоянными придирками она довела Ию Сергеевну до слез. Но потом позвонила с извинениями, которые потрясали величественной откровенностью: «Я так одинока, все друзья мои умерли, вся моя жизнь — работа… Я вдруг позавидовала вам. Позавидовала той легкости, с какой вы работаете, и на мгновение возненавидела вас. А я работаю трудно, меня преследует страх перед сценой, будущей публикой, даже перед партнерами. Я не капризничаю, девочка, я боюсь. Это не от гордыни. Не провала, не неуспеха, я боюсь, а — как вам объяснить? — это ведь моя жизнь, и как страшно неправильно распорядиться ею»…

…Однажды по просьбе руководства Театра им. Моссовета Саввиной, как самой любимой партнерше Раневской, поручили написать торжественную статью к 80-летнему юбилею «великой старухи». В ответ Ия Сергеевна получила от Фаины Георгиевны лаконичную телеграмму:

«Благодарю за блистательный некролог».

Вспомнила

В старости у Раневской возникли серьезные проблемы с памятью. Она стала забывать тексты своих ролей. А однажды Фаина Георгиевна запамятовала даже фамилию актрисы, с которой должна была играть на сцене в очередном спектакле. Тщетно пытаясь вспомнить, великая актриса вдруг нашла выход:

— Ну эта, как ее… Такая плечистая в заду…

На пенсии

Раневская не могла жить без сцены и до последнего не хотела покидать театр, несмотря на возраст и болезни.

Как-то у Фаины Георгиевны поинтересовались, чем она будет заниматься, выйдя на пенсию? Не будет ли ей скучно сидеть без дела?

— Когда я выйду на пенсию, то абсолютно ничего не буду делать. Первые месяцы буду просто сидеть в кресле-качалке, — мечтательно сказала она.

— А потом? — спросили ее.

— А потом начну раскачиваться…

Не надо обольщаться

Как-то Раневская пожаловалась подруге, что по рассеянности забыла на ночь запереть дверь в свою квартиру.

— Представляешь, так и спала сегодня с незапертой дверью.

— А если бы кто-то вошел?! — всполошилась приятельница Раневской, дама пенсионного возраста.

— Ну, сколько можно обольщаться! — пресекла Фаина Георгиевна фантазии собеседницы.

Кошмар со всеми удобствами

Если уж Раневская говорила о своих болячках, то старалась рассказывать о них шутливо.

На вопрос одного из актеров, справившегося по телефону о ее здоровье, Фаина Георгиевна отвечала:

— Дорогой мой, такой кошмар! Голова болит, зубы ни к черту, сердце жмет, кашляю ужасно, печень, почки, желудок — все ноет! Суставы ломит, еле хожу… Слава Богу, что я не мужчина, а то страдала бы еще импотенцией!

* * *

Как-то в преклонном уже возрасте Раневская сломала руку и попала в Кунцевскую больницу, которую, кстати, называла «кошмаром со всеми удобствами».

— Что случилось, Фаина Георгиевна? — спросили ее навестившие ее коллеги.

— Да вот, спала, наконец, приснился сон. Пришел ко мне Аркадий Райкин, говорит:

— Ты в долгах, Фаина, а я заработал кучу денег, — и показывает шляпу с деньгами.

Я тянусь, а он зовет:

— Подойди поближе.

Я пошла к нему и упала с кровати, сломала руку.

17-я пробирка

Раневская, рассказывая о своих злоключениях в поликлинике и общении с врачами, любила доводить ситуацию до абсурда. В ее интерпретации посещение эскулапа превращалось в настоящий анекдот.

Так она рассказывала:

— Прихожу я как-то в поликлинику и жалуюсь:

— Доктор, у меня последнее время что-то вкуса нет.

Эскулап обращается к медсестре:

— Дайте Фаине Георгиевне семнадцатую пробирку.

Я попробовала и ужаснулась:

— Это же говно!

— Все в порядке, — сказал врач, — правильно, у Вас появился вкус.

Проходит несколько дней, я опять появляюсь в кабинете этого врача:

— Доктор, вкус-то у меня появился, но с памятью все хуже и хуже.

Доктор обращается к медсестре:

— Дайте Фаине Георгиевне пробирку номер семнадцать.

— Так там же говно! — возмущенно ору я.

— Все в порядке. Вот и память вернулась, — говорит сердобольный эскулап.

По одной

Главный врач клиники на утреннем обходе похвалил Раневскую за четкое соблюдение больничного режима. Но больше всего он был доволен своей эффективной методой:

— Я рекомендовал вам выкуривать только по одной папиросе после еды. И вот результат: у вас прекрасный здоровый вид, вы заметно поправились, — с оптимизмом сказал он.

— Вы хотите сказать, что у меня жопа стала еще толще?! Неудивительно, я ведь теперь ем по десять раз в день, чтобы только лишний раз покурить, — раскрыла секрет своего здоровья и цветущего вида Фаина Георгиевна.

Без суфлера

Увы, больница в последние годы жизни актрисы стала ее вторым домом.

Как-то Раневской делали операцию под наркозом. Врач попросил ее сосчитать до десяти. От страха и волнения Фаина Георгиевна начала считать невпопад:

— Один, два, пять, семь…

— Будьте предельно внимательны, пожалуйста, — попросил врач.

— Поймите, как мне трудно, — стала оправдываться актриса. — Моего суфлера ведь нет рядом!

Любовь и склероз

Прожив восемьдесят лет, Фаина Георгиевна Раневская с горечью писала, что когда ей было двадцать, она думала только о любви, а теперь любит только думать.

Однажды актриса уже в преклонные годы выступала на каком-то творческом вечере. Когда дошло время до вопросов из зала, одна сентиментальная девчушка лет шестнадцати наивно поинтересовалась:

— Фаина Георгиевна, скажите, пожалуйста, а что такое любовь?

Раневская подумала и честно сказала:

— Увы, м-милочка, я, честно говоря, забыла…

Правда, тут же спохватившись, добавила:

— Но помню-помню, что это что-то очень приятное…

Подарок врачам

Как-то уже старенькой Раневской преподнесли на 8 марта комплект дорогого и в советское время дефицитного импортного нижнего белья. Внимательно изучив подарок, Фаина Георгиевна изрекла: «Вот уж обрадуются мои врачи, глядя на меня».

Чудо-доктор

— Ну, как вам, Фаина Георгиевна, новый доктор? — спросили подруги, навестившие больную актрису в клинике.

— Этот доктор просто творит чудеса! После посещения он буквально за минуту вылечил все мои болезни, — саркастически заметила Фаина Георгиевна.

— Каким же образом? — изумились подруги.

— Он сказал, что все мои болезни — не болезни, а симптомы приближающейся старости.

* * *

Однажды чудо-доктор принес ей дефицитные импортные таблетки от бессонницы.

— Вот ваше снотворное, Фаина Георгиевна, этого вам хватит на шесть недель.

— Но, доктор, я не хотела бы спать так долго! — с ужасом воскликнула Раневская.

* * *

Однажды увидев, что Фаина Георгиевна читает в больничной палате Цицерона, врач заметил:

— Не часто встретишь женщину, читающую Цицерона.

— Да и мужчину, читающего Цицерона, встретишь не часто, — парировала Фаина Георгиевна.

Скромность — венец величия

В ответ на раздающиеся в ее адрес комплименты, Фаина Георгиевна скромно замечала: «Есть артисты и получше Раневской».

Однажды Ольге Аросевой сообщили, что Фаине Георгиевне очень плохо, она лежит на улице Грановского в Кремлевской больнице и хочет видеть ее. Аросева писала: «Я пришла, но меня не пустили, сказали: нужно заранее заказать пропуск. Я уже в то время была известной актрисой, но не пустили. Велели с пропуском явиться на следующий день.

Она лежала в палате одна, похожая на короля Лира: седые волосы разметались по подушке, глаза все время глядят под веки… Спрашиваю:

— Фаина Георгиевна, как вы себя чувствуете?

А она слабым голосом:

— Начнешь меня завтра изображать по всей Москве?

Я села рядом с постелью и стала ее ободрять, хвалить:

— Вы такая гениальная артистка, Фаина Георгиевна… Ведь у молодых красивых героинь все решает роль. Большая роль делает актрису гениальной. А у вас роли маленькие, вы — характерная актриса — и все равно героиня, звезда. — Совсем захожусь в похвалах, чтобы она не лежала вот так безучастно с «уходящими» глазами: — Вы единственная, уникальная, больше в мире таких нет…

И тогда глаза приоткрылись, и с койки грозно так донеслось:

— А Анна Маньяни?..»

Умерла от отвращения

В мае 2008 года появился первый памятник Фаине Георгиевне Раневской. Он был установлен на родине великой актрисы в Таганроге на улице Фрунзе перед домом, в котором прошло ее детство и юность. Проклятие «Мули» настигло Раневскую и после смерти: ростовский скульптор Давид Бегалов запечатлел Фаину Георгиевну в образе столь ненавистной ей Лели из «Подкидыша» (помните: «Муля, не нервируй меня!»). В руке двухметровой бронзовой фигуры — огромный зонтик, придающий ей несколько гротескный вид.

Восстав из мертвых, Фуфа наверняка не на шутку бы обиделась и от души обматерила это, надо отметить, весьма высокохудожественное творение.

Несчастную судьбу актрисы наследовало и ее изваяние. Памятник Раневской не раз пытались осквернить современные вандалы. Уже через пару дней после торжественного открытия монумента, зонтик, который по замыслу скульптора, мог вращаться в руке бронзовой Раневской, попытались украсть. В начале 2009 года у злополучного зонтика была похищена ручка. В июле того же года неизвестные предприняли попытку вырвать ридикюль из правой руки скульптуры. Потерпев неудачу — сумочку удалось только искалечить — с маниакальным упорством попытались отрезать или отломать саму бронзовую руку.

27 августа 2011 года, в день 115-летия со дня рождения Фаины Раневской, вновь — вандальская атака: изогнута ручка зонтика, разрушено сварное соединение, вырван бант на шляпе актрисы…

* * *

Ну что тут скажешь? Наверное, все-таки следовало бы исполнить последнюю волю Фаины Георгиевны, завещавшей после смерти написать на ее памятнике: «Я умерла от отвращения».

Глава вторая
АФОРИЗМЫ И РАЗМЫШЛИЗМЫ

О жизни

Жизнь — это затяжной прыжок из п…ды в могилу.

* * *

Жизнь — это опыт со смертельным исходом.

* * *

Жизнь — это небольшая прогулка перед вечным сном.

* * *

Жизнь бьет ключом по голове! (это выражение также приписывают Тэффи).

* * *

Жизнь проходит и не кланяется, как сердитая соседка.

* * *

День кончился. Еще один напрасно прожитый день никому не нужной моей жизни.

* * *

Фаина Раневская любила повторять фразу Эпикура: «Хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался».

* * *

Мне иногда кажется, что я еще живу только потому, что очень хочу жить. За 53 года выработалась привычка жить на свете. Сердце работает вяло и все время делает попытки перестать мне

служить.

* * *

Мысли тянутся к началу жизни — значит, жизнь подходит к концу.

* * *

Бог мой, как прошмыгнула жизнь, я даже никогда не слышала, как поют соловьи.

* * *

Жизнь моя… Прожила около, все не удавалось. Как рыжий у ковра. Ничего (не испытываю) кроме отчаяния от невозможности что-либо изменить в моей судьбе.

* * *

Живу только собою — какое самоограничение.

* * *

Жить нужно так, чтобы тебя помнили и сволочи.

* * *

У меня хватило ума глупо прожить жизнь.

О себе

Я социальная психопатка. Комсомолка с веслом. Вы меня можете пощупать в метро. Это я там стою, полусклонясь, в купальной шапочке и медных трусиках, в которые все октябрята стремятся залезть. Я работаю в метро скульптурой. Меня отполировало такое количество лап, что даже великая проститутка Нана могла бы мне позавидовать.

* * *

Что-то давно мне не говорят что я бл…дь. Теряю популярность.

* * *

Есть во мне что-то мне противное.

* * *

Все сбудется, стоит только расхотеть…

* * *

Оптимизм — это недостаток информации.

* * *

Я давно ждала момента, когда органы оценят меня по достоинству.

* * *

Я знаю самое главное, я знаю, что надо отдавать, а не хватать. Так доживаю с этой отдачей.

* * *

Дарить надо то, что жалко, а не то, что ненужно!

* * *

Более 50 лет живу по Толстому, который писал, что не надо вкусно есть.

* * *

Один горестный день отнял у меня все дары жизни.

* * *

С моей рожей надо сидеть в погребе и ждать околеванца.

* * *

Когда я слышу приглашение: «Приходите потрепаться» — мне хочется плакать.

* * *

У меня головокружение от отсутствия успеха.

* * *

В жизни мне больше всего помешала душа, как хорошо быть бездушной!

* * *

Нет большего счастья, чем обладать одной извилиной в мозгу и большим количеством долларов.

* * *

Проклятый девятнадцатый век, проклятое воспитание: не

могу стоять, когда мужчины сидят.

* * *

Думайте и говорите обо мне, что пожелаете. Где вы видели кошку, которую бы интересовало, что о ней говорят мыши?

* * *

Мое богатство, очевидно, в том, что мне оно не нужно.

* * *

Вторая половинка есть у мозга, жопы и таблетки. А я изначально целая.

* * *

Я не верю в духов, но боюсь их.

* * *

Как же мне одиноко в этом страшном мире бед и бессердечия.

* * *

Меня забавляет волнение людей по пустякам, сама была такой дурой. Теперь перед финишем понимаю ясно, что все пустое. Нужна только доброта, сострадание.

* * *

8 марта — мое личное бедствие. С каждой открыткой в цветках и бантиках вырываю клок волос от горя, что я не родилась мужчиной.

* * *

Раневская любила повторять: из жизни нужно, по возможности, устранять все, для чего нужны деньги. Но с досадой добавляла афоризм Бальзака: «Деньги нужны, даже для того, чтобы без них обходиться».

* * *

Я ненавижу деньги до преступности. Я их просто бросаю, как гнойные, гнилые тряпки.

* * *

Дома так много бумажек и ни одной из них денежной.

* * *

Куда эти чертовы деньги деваются, вы мне не можете сказать? Разбегаются, как тараканы с чудовищной быстротой.

* * *

— Приходите, я покажу вам фотографии неизвестных народных артистов СССР, — зазывала к себе домой Раневская.

* * *

Читаю дневник Маклая, влюбилась и в Маклая, и в его дикарей.

* * *

Огорчить могу, обидеть никогда. Обижаю разве что себя самое.

* * *

Почему мои любимые роли: бандитка Манька из «Шторма», продувная Дунька из «Любови Яровой» и даже спекулянтка Марго из «Легкой жизни»? Может быть, в моих глубинах затаилась преступница? Или каждого вообще тянет к тому, чего в нем нет?

* * *

С моим почерком меня никогда бы не приняли в следователи, только в бандиты.

* * *

«Высший Божий дар — возмущаться всем дурным». (Кажется, эта мысль принадлежит Гёте.) Наградил Бог щедро этим даром меня.

* * *

Если бы я часто смотрела в глаза Джоконде, я бы сошла с ума: она обо мне знает все, а я о ней ничего.

* * *

…Я цветы не люблю. Деревья — мыслители, а цветы — кокотки.

* * *

Врагу не пожелаю проклятой известности. В том, что вас все знают, все узнают, есть для меня что-то глубоко оскорбляющее, завидую безмятежной жизни любой маникюрши.

* * *

Запомни на всю жизнь: надо быть такой гордой, чтобы быть выше самолюбия.

* * *

У меня два Бога: Пушкин, Толстой. А главный? О нем боюсь думать.

* * *

Я родилась недовыявленной и ухожу из жизни недопоказанной. Я недо…

* * *

Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в жопу куст сирени и делала перед вами стриптиз.

* * *

Если не сказать всего, значит не сказать ничего.

* * *

Я не могу есть мясо. Оно ходило, любило, смотрело… Может быть, я психопатка? Нет, я себя считаю нормальной психопаткой. Но не могу есть мяса. Мясо я держу для людей.

* * *

Вновь вспоминаю точные слова Ларошфуко: «Мы не любим тех, кем восхищаемся».

* * *

Пусть это будет маленькая сплетня, которая должна исчезнуть между нами.

* * *

Никто, кроме мертвых вождей, не хочет терпеть праздноболтающихся моих грудей, — жаловалась Раневская.

* * *

Толстой сказал, что смерти нет, а есть любовь и память сердца. Память сердца так мучительна, лучше бы ее не было… Лучше бы память навсегда убить.

* * *

…Перестала думать о публике и сразу потеряла стыд. А может быть, в буквальном смысле «потеряла стыд» — ничего о себе не знаю.

* * *

Хороший вкус — тоже наказание Божье.

* * *

Отсутствие вкуса — путь к преступлению.

* * *

Как все влюбленные, была противная и гнусная, грозилась скорой смертью, а тот, в ком надо было вызвать тревогу, — лукаво посмеивался.

* * *

Я верю в Бога, который есть в каждом человеке. Когда я совершаю хороший поступок, я думаю, это дело рук Божьих.

* * *

Я говорила долго и неубедительно, как будто говорила о дружбе народов.

* * *

— Фаина Георгиевна, как ваши дела?

— Вы знаете, милочка, что такое говно? Так оно по сравнению с моей жизнью — повидло.

* * *

— Как ваша жизнь, Фаина Георгиевна?

— Я вам еще в прошлом году говорила, что говно. Но тогда это был марципанчик.

* * *

— Вы не еврейка?

— Нет, что вы! Просто у меня интеллигентное лицо.

* * *

Почему я так не люблю пушкинистов? Наверное, потому что неистово люблю Пушкина.

* * *

Научите меня нервно и аристократично курить, прищуриваясь и ломая изгибы пальцев о кожаные кресла и диваны, путать дымом шелковые шторы, и, возможно, я смогу красиво признаться вам в любви, стихами и безумно красивыми словами, без орфографических ошибок, а пока — увольте, но я хочу вас трахнуть прямо здесь на полу…

* * *

Поняла, в чем мое несчастье: скорее поэт, доморощенный философ, «бытовая» дура — не лажу с бытом! Урод я!

* * *

У всех есть «приятельницы», у меня их нет и не может быть.

* * *

Внешность подпортила мою жизнь. Всю жизнь мучилась со своим гигантским носом. Можно ли представить Офелию с таким носом?

* * *

Наверное, я чистая христианка. Прощаю не только врагов, но и друзей своих.

* * *

Всю свою жизнь я проплавала в унитазе стилем баттерфляй.

* * *

Больше всего в жизни я любила влюбляться.

* * *

На предложение вести курс в театральном училище Фаина Георгиевна ответила:

— Я народная артистка, а не народная учительница.

* * *

Однажды в какой-то газете меня назвали «великой актрисой». Стало смешно. Великие живут как люди, а я живу бездомной собакой, хотя есть жилище! Есть приблудная собака, она живет моей заботой, — собакой одинокой живу я, и недолго, слава Богу, осталось. Кто бы знал, как я была несчастна в этой проклятой жизни, со всеми своими талантами. Кто бы знал мое одиночество! Успех — глупо мне, умной, ему радоваться. Я не знала успеха у себя самой…

* * *

Я часто думаю о том, что люди, ищущие и стремящиеся к славе, не понимают, что в так называемой славе гнездится то самое одиночество, которого не знает любая уборщица в театре. Это происходит оттого, что человека, пользующегося известностью, считают счастливым, удовлетворенным, а в действительности все наоборот. Любовь зрителя несет в себе какую-то жестокость… Однажды после спектакля, когда меня заставили играть «по требованию публики» очень больную, я раз и навсегда возненавидела свою «славу».

* * *

Пастер: «Желание — великая вещь, ибо за желанием всегда следуют действие и труд, почти всегда сопровождаемые успехом». Что же делать, когда надо действовать, надо напрягать нечеловеческие усилия без желания, а напротив, играя с отвращением непреодолимым, — почти все, над чем я тружусь всю мою жизнь?

* * *

Я убила в себе червя тщеславия в одно мгновение, когда подумала, что у меня не будет ни славы Чаплина, ни славы Шаляпина, раз у меня нет их гения. И тут же успокоилась. Но когда ругнут — чуть ли не плачу. А похвалят — рада, но не больше, чем вкусному пирожному, не больше.

* * *

«Я не Яблочкова, чтобы играть до ста лет», — сказала Фаина Раневская, уходя из театра.

О здоровье и болезнях

Оправившись от инфаркта, Раневская заключила:
— Если больной очень хочет жить, врачи бессильны.

* * *

Раневская сообщила друзьям, что была «на приеме у врача ухо-горло-жопа».

* * *

Моя любимая болезнь — чесотка: почесался и еще хочется. А самая ненавистная — геморрой: ни себе посмотреть, ни людям показать.

* * *

Когда врачи поставили Раневской диагноз «камни в почках», она стала подписываться в письмах: «Ваша дама с каменьями».

* * *

— Как себя чувствуете, Фаина Георгиевна?
— Я себя чувствую, но плохо.

* * *

Здоровье — это когда у вас каждый день болит в другом месте.

* * *

Ночью болит все, а больше всего совесть.

* * *

Нет болезни мучительнее тоски.

* * *

Склероз нельзя вылечить, но о нем можно забыть.

* * *

— Вы заболели, Фаина Георгиевна?
— Нет, я просто так выгляжу.

* * *

Облысение — это медленное, но прогрессивное превращение головы в жопу. Сначала по форме, а потом и по содержанию.

* * *

Страшный радикулит. Старожилы не помнят, чтобы у человека так болела жопа…

* * *

— Фаина Георгиевна, какая у вас температура?
— Нормальная, комнатная, плюс восемнадцать градусов.

* * *

85 лет при диабете — не сахар, горевала Раневская.

О старости и одиночестве

Моя жизнь: одиночество, одиночество, одиночество до конца дней.

* * *

Я стала такая старая, что начала забывать свои воспоминания.

* * *

К смерти отношусь спокойно теперь, в старости. Страшно то, что попаду в чужие руки. Еще в театр поволокут мое тулово.

* * *

Ничто так не дает понять и ощутить своего одиночества, как когда некому рассказать сон.

* * *

Одиночество как состояние не поддается лечению.

* * *

Одиночество — это состояние, о котором некому рассказать.

* * *

Если у тебя есть человек, которому можно рассказать сны, ты не имеешь права считать себя одиноким.

* * *

Одиночество, это когда в доме должен звонить телефон, но

звенит будильник.

* * *

Для некоторых старость особенно тяжела и трагична. Это те, кто остался Томом и Геки Финном.

* * *

В старости главное чувство достоинства, а меня его лишили.

* * *

Ребенка с первого класса школы надо учить науке одиночества.

* * *

Я как старая пальма на вокзале — никому не нужна, а выбросить жалко.

* * *

Узнала ужас одиночества. Раздражает болтовня дурех, я их не пускаю к себе. Большой это труд — жить на свете.

* * *

Старость приходит тогда, когда оживают воспоминания.

* * *

Теперь, в старости, я поняла, что «играть» ничего не надо.

* * *

Старость — это просто свинство. Я считаю, что это

невежество Бога, когда он позволяет доживать до старости.

* * *

Господи, уже все ушли, а я все живу. Бирман (известная актриса, 1890–1976 гг. — *Ред.*) — и та умерла, а уж от нее я этого никак не ожидала.

* * *

Страшно, когда тебе внутри восемнадцать, когда восхищаешься прекрасной музыкой, стихами, живописью, а тебе уже пора, ты ничего не успела, а только начинаешь жить! (конец 1970-х).

* * *

Отвратительные паспортные данные. Посмотрела в паспорт, увидела, в каком году я родилась, и только ахнула.

* * *

Паспорт человека — это его несчастье, ибо человеку всегда должно быть восемнадцать лет, а паспорт лишь напоминает, что ты не можешь жить, как восемнадцатилетний человек!

* * *

Старая харя не стала моей трагедией — в 22 года я уже гримировалась старухой и привыкла и полюбила старух моих в ролях. А недавно написала моей сверстнице: «Старухи, я любила вас, будьте бдительны!»

* * *

Старухи бывают ехидны, а к концу жизни бывают и стервы, и сплетницы, и негодяйки… Старухи, по моим наблюдениям, часто не обладают искусством быть старыми. А к старости надо добреть с утра до вечера!

* * *

Сегодня ночью думала о том, что самое страшное — это когда человек принадлежит не себе, а своему распаду.

* * *

Книппер-Чехова, дивная старуха, однажды сказала мне: «Я начала душиться только в старости».

* * *

Одиноко. Смертная тоска. Мне 81 год… Сижу в Москве, лето, не могу бросить псину. Сняли мне домик за городом и с сортиром. А в мои годы один может быть любовник — домашний клозет.

* * *

Неужели я уже такая старая, — сокрушалась Раневская. — Ведь я еще помню порядочных людей!

* * *

Стареть скучно, но это единственный способ жить долго.

* * *

Старость — это время, когда свечи на именинном пироге обходятся дороже самого пирога, а половина мочи идет на анализы.

* * *

Я кончаю жизнь банально — стародевически: обожаю котенка и цветочки до страсти.

* * *

Или я старею и глупею, или нынешняя молодежь ни на что не похожа! Раньше я просто не знала, как отвечать на их вопросы, а теперь даже не понимаю, о чем они спрашивают.

* * *

Сегодня встретила «первую любовь». Шамкает вставными челюстями, а какая это была прелесть. Мы оба стеснялись нашей старости.

* * *

В моей старой голове две, от силы три мысли, но они временами поднимают такую возню, что кажется, их тысячи.

* * *

Спутник славы — одиночество.

* * *

Старость, это когда беспокоят не плохие сны, а плохая действительность.

* * *

Сейчас, когда человек стесняется сказать, что ему не хочется умирать, он говорит так: «Очень хочется выжить, чтобы посмотреть, что будет потом». Как будто, если бы не это, он немедленно был бы готов лечь в гроб.

* * *

А может быть, поехать в Прибалтику? А если там умру? Что я буду делать?

* * *

Похороны — спектакль для любопытствующих обывателей.

О мужчинах и женщинах

Союз глупого мужчины и глупой женщины порождает мать-героиню.

Союз глупой женщины и умного мужчины порождает мать-одиночку.

Союз умной женщины и глупого мужчины порождает обычную семью.

Союз умного мужчины и умной женщины порождает легкий флирт.

* * *

Настоящий мужчина — это мужчина, который точно помнит день рождения женщины и никогда не знает, сколько ей лет. Мужчина, который никогда не помнит дня рождения женщины, но точно знает, сколько ей лет — это ее муж.

* * *

Женщина, чтобы преуспеть в жизни, должна обладать двумя качествами. Она должна быть достаточно умна, чтобы нравиться глупым мужчинам, и достаточно глупа, чтобы нравиться мужчинам умным.

* * *

Не бывает полных женщин, есть тесная одежда.

* * *

Если женщина идет с гордо поднятой головой — у нее есть любовник!

Если женщина идет с опущенной головой — у нее есть любовник!

Если женщина держит голову прямо — у нее есть любовник!

И вообще, если у женщины есть голова, то у нее есть любовник!

* * *

Бог создал женщин красивыми, чтобы их могли любить мужчины, и глупыми, чтобы они могли любить мужчин.

* * *

Почему все дуры такие женщины?!

* * *

— Фаина Георгиевна, кто умнее — мужчины или женщины?

— Женщины, конечно, умнее. Вы когда-нибудь слышали о женщине, которая бы потеряла голову только от того, что у мужчины красивые ноги?

* * *

Если женщина говорит мужчине, что он самый умный, значит, она понимает, что второго такого дурака она не найдет.

* * *

— Чем умный отличается от мудрого? — спросили у Раневской.

— Умный знает, как выпутаться из трудного положения, а мудрый никогда в него не попадает.

* * *

— Почему женщины так много времени и средств уделяют своему внешнему виду, а не развитию интеллекта?

— Потому что слепых мужчин гораздо меньше, чем умных.

* * *

Женщина краснеет в жизни четыре раза: в первую брачную ночь, когда в первый раз изменяет, когда в первый раз берет

деньги, когда в первый раз дает деньги.

А мужчина краснеет два раза: первый раз — когда не может второй, второй — когда не может первый.

* * *

Не можете никак понять, нравится ли вам молодой человек? Проведите с ним вечер. Вернувшись домой — разденьтесь. Подбросьте трусы к потолку. Прилипли? Значит, молодой человек вам безумно нравится.

* * *

— Фаина Георгиевна, какие, по вашему мнению, женщины склонны к большей верности — брюнетки или блондинки?

— Седые.

* * *

— У меня будет счастливый день, когда Вы станете импотентом, — в сердцах сказала Раневская чересчур назойливому ухажеру.

* * *

Хочешь сесть на шею — раздвигай ноги!

* * *

Семья — это очень серьезно, семья человеку заменяет все. Поэтому, прежде чем завести семью, необходимо как следует подумать, что для вас важнее: все или семья.

* * *

Женщины умирают позже мужчин, потому что вечно опаздывают.

* * *

Я теперь понимаю, почему презервативы белого цвета! Говорят, белое полнит…

* * *

Мужики от начала дней до их конца за сиськой тянутся.

* * *

Если хочешь быть красивым, поступи в гусары!

* * *

Всю жизнь я страшно боюсь глупых. Особенно баб. Никогда не знаешь, как с ними разговаривать, не скатываясь на их уровень.

* * *

Есть женщины с грудями во всех местах.

* * *

Заслуженная мещанка республики.

* * *

Жуткая дама без собачки.

* * *

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на диеты, жадных мужчин и плохое настроение.

* * *

Фаина Георгиевна, на что похожа женщина, если ее поставить вверх ногами?

— На копилку.

— А мужчина?

— На вешалку.

* * *

Все мои лучшие роли сыграли мужчины.

* * *

Я не избалована вниманием к себе критиков, в особенности критикесс, которым стало известно, что я обозвала их «амазонки в климаксе».

* * *

Раневская о проходящей даме: «Такая задница называется «жопа-игрунья».

О другой: «А с такой жопой вообще надо сидеть дома!»

* * *

Если жаба после свадьбы становится красавицей — это чудо, а вот если красавица после свадьбы становится жабой — это быт!

* * *

Сказка — это когда выходишь замуж за чудовище, а он оказывается принцем, а быль — это когда наоборот.

* * *

Соседка, вдова моссоветовского начальника, меняла румынскую мебель на югославскую, югославскую на финскую, нервничала. Руководила грузчиками… И умерла в 50 лет на мебельном гарнитуре. Девчонка!

* * *

Фаина Георгиевна говорила: «Мои любимые мужчины — Христос, Пушкин, Чаплин, Герцен, доктор Швейцер… Найдутся еще — лень вспоминать».

О мемуарах

— Почему вы не пишете мемуаров? — спросили Раневскую.

— Жизнь отнимает у меня столько времени, что писать о ней совсем некогда, — последовал ответ.

* * *

Мемуары — это невольная сплетня.

* * *

Воспоминания — это богатство старости.

* * *

То, что актер хочет рассказать о себе, он должен сыграть, а не писать мемуаров. Писать должны писатели, а актерам положено, играть в театре.

* * *

Не хочу обнародовать жизнь мою, трудную, неудавшуюся, несмотря на успех у неандертальцев и даже у грамотных… То, что актер хочет рассказать о себе, он должен сыграть, а не писать мемуаров.

* * *

Книги должны писать писатели, мыслители или же сплетники.

* * *

Если бы я вела дневник, я бы каждый день записывала одну фразу: «Какая смертная тоска», и все…

* * *

«Писать мемуары — все равно что показывать свои вставные зубы», — говорил Гейне. Я скорее дам себя распять, чем напишу книгу «Сама о себе». Не раз начинала вести дневник, но всегда уничтожала написанное. Как можно выставлять себя напоказ? Это нескромно и, по-моему, отвратительно.

* * *

Пристают, просят писать, писать о себе. Отказываю. Писать о себе плохо — не хочется. Хорошо — неприлично. Значит, надо молчать.

* * *

…Опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на белоснежной манишке.

* * *

Если бы я, уступая просьбам, стала писать о себе, это была бы жалобная книга — «Судьба — шлюха».

* * *

…Воспоминаний я не пишу, — это мне тяжело, к тому же, я знаю твердо: все, что бы о ней ни говорилось в воспоминаниях, было бы и убого, и неверно, и неточно.

* * *

Пожалуй, единственная болезнь, которой у меня нет — графомания…

О театре и творчестве

Я, в силу отпущенного мне дарования, пропищала как комар.

* * *

…Я не учу слова роли. Я запоминаю роль, когда уже живу жизнью человека, которого буду играть, и знаю о нем все, что может знать один человек о другом.

* * *

Одинаково играть не могу, даже если накануне хотела повторить найденное. Подличать штампами не умею. Когда приходится слушать интонации партнера как бы записанными на пластинку, хочется вскочить, удрать. Ненавижу разговоры о посторонних вещах. Перед выходом на сцену отвратительно волнуюсь. Начинаю играть спокойно, перед тем как спектакль снимают с репертуара.

* * *

Наплевательство, разгильдяйство, распущенность, неуважение к актеру и зрителю. Это сегодня театр — развал. В театре сейчас трудно совестливой актрисе… Новой роли у меня нет, а я так люблю рожать. Я в немилости у самодура и кривляки Завадского, который лишает меня работы новой…

* * *

Чтобы получить признание — надо, даже необходимо, умереть.

* * *

Режиссер — обыватель.

* * *

…Современный театр… Контора спектаклей. Директор — Хрен-скиталец, руки в карманах. У него за кабинетом имеется клозетик. Сидит, пьет чай. Потом ходит выписывать чай.

* * *

Как провинциальная актриса, где я только не служила! Только в городе Вездесранске не служила!..

* * *

Сегодняшний театр — торговая точка. …Это не театр, а дачный сортир. Так тошно кончать свою жизнь в сортире.

* * *

О Театре им. Моссовета времен Завадского: «В театре небывалый по мощности бардак, даже стыдно на старости лет в нем фигурировать. Со своими коллегами встречаюсь по необходимости с ними «творить», они мне все противны своим цинизмом… Трудно найти слова, чтобы охарактеризовать этот… театр, тут нужен гений Булгакова. Уж сколько лет таскаюсь по гастролям, а такого стыдобища не помню».

* * *

Когда нужно пойти на собрание труппы, такое чувство, что сейчас предстоит дегустация меда с касторкой.

* * *

Я сегодня играла очень плохо. Огорчилась перед спектаклем и не могла играть: мне сказали, что вымыли сцену для меня. Думали порадовать, а я расстроена, потому что сцена должна быть чистой на каждом спектакле.

* * *

Когда мне не дают роли в театре, чувствую себя пианистом,

которому отрубили руки.

* * *

Для меня каждый спектакль мой — очередная репетиция. Может быть поэтому я не умею играть одинаково. Иногда репетирую хуже, иногда лучше, но хорошо — никогда.

* * *

В театр хожу, как в мусоропровод: фальшь, жестокость, лицемерие, ни одного честного слова, ни одного честного глаза! Карьеризм, подлость, алчные старухи!

* * *

В нынешний театр я хожу так, как в молодости шла на аборт, а в старости рвать зубы. Ведь знаете, как будто бы Станиславский не рождался. Они удивляются, зачем я каждый раз играю по-новому.

* * *

Театр катится в пропасть по коммерческим рельсам. Бедный, бедный К. С.

* * *

Балет — это каторга в цветах.

* * *

В театре меня любили талантливые, бездарные ненавидели, шавки кусали и рвали на части.

* * *

Женщина в театре моет сортир. Прошу ее поработать у меня,

убирать квартиру. Отвечает: «Не могу, люблю искусство».

* * *

Великий Станиславский попутал все в театральном искусстве. Сам играл не по системе, а что сердце подскажет.

* * *

После спектакля, в котором я играю, я не могу ночью уснуть от волнения. Но если я долго не играю, то совсем перестаю спать.

* * *

Я не признаю слова «играть». Играть можно в карты, на скачках, в шашки. На сцене жить нужно.

* * *

Говорят, что герой не тот, кто побеждает, а тот, кто смог остаться один. Я выстояла, даже оставаясь среди зверей, чтобы доиграть до конца. Зритель ни в чем не виновен. Меня боятся…

* * *

— Фаина Георгиевна! Галя Волчек поставила «Вишневый сад».

— Боже мой, какой ужас! Она продаст его в первом действии.

* * *

Моя учительница Вульф говорила: «Будь благородной в жизни, тогда тебе поверят, если ты будешь играть благородного человека на сцене».

* * *

В театре тоже кладбище несыгранных ролей.

* * *

Как-то на южном море Раневская указала рукой на летящую чайку и сказала:

— МХАТ полетел.

* * *

Главный художник Театра им. «Моссовета» Александр Васильев характеризовался Раневской так: «Человек с уксусным голосом».

* * *

— Что это у вас, Фаина Георгиевна, глаза воспалены?

— Вчера отправилась на премьеру, а передо мной уселась необычно крупная женщина. Пришлось весь спектакль смотреть через дырочку от сережки в ее ухе…

* * *

— Наш водитель Ковшило ненавидит меня за то, что он возит меня, а не я его, — заметила Раневская о водителе служебной машины Театра им. Моссовета.

* * *

Равнодушие преступно всегда и всюду. А театру придет конец от невежества «руководств», директоров, министров, бутафоров, актеров, бл…дей-драмаделов.

О таланте

Очень тяжело быть гением среди козявок. (О С. Эйзенштейне.)

* * *

Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной. Но ведь зрители действительно любят? В чем же дело? Почему ж так тяжело в театре? В кино тоже гангстеры.

* * *

Талант, как прыщ, не спрашивает на ком выскочить. Может и на дураке выскочить.

* * *

Горький говорил: «Талант — это вера в себя», а, по-моему, талант — это неуверенность в себе и мучительное недовольство собой и своими недостатками, чего я никогда не встречала у посредственности. Посредственность всегда так говорит о себе: «Сегодня я играл изумительно, как никогда. Вы знаете, какой я скромный. Вся Европа знает, какой я скромный!»

* * *

Талант всегда тянется к таланту и только посредственность остается равнодушной, а иногда даже враждебной таланту.

* * *

Талант — это бородавка: у кого-то она есть, у кого-то нет.

* * *

Больше всего любила человеческий талант. И всегда мне везло на бездарных.

О режиссере Завадском

…С упоением била бы морды всем халтурщикам, а терплю. Терплю невежество, терплю вранье, терплю убогое существование полунищенки, терплю и буду терпеть до конца дней. Терплю даже Завадского.

(Из записной книжки.)

* * *

Придуманные Раневской худруку «Моссовета» Юрию Александровичу Завадскому забавные прозвища, и остроумные высказывания Фаины Георгиевны о нем вошли в легенду.

Великая актриса называла Завадского «уцененным Мейерхольдом, перпетуум кобеле, бл…дью в кепочке, маразматиком-затейником, кобелино…»

Творческие поиски режиссера аттестовались Раневской не иначе как «капризы беременной кенгуру».

Она писала: «У Завадского «прорезался талант» к Достоевскому. …Но почему при всем хорошем, оставляет мусор, дрянь-актеров, детские пистолеты, топор посреди зрительного зала».

Делая скорбную мину, Раневская замечала:

— В семье не без режиссера.

Великая актриса говорила:

— Завадский простудится только на моих похоронах.

— Завадскому дают награды не по заслугам, а по потребностям. У него нет только звания «Мать-героиня».

— Завадский родился не в рубашке, а в енотовой шубе.

— Скажу по секрету: я видела гипсовый бюст Завадского. По-моему, это ошибка. Он давно должен быть в мраморе.

— Пипи в трамвае — все, что он сделал в искусстве.

— Завадский умрет от расширения фантазии.

— Доктор, в последнее время я очень озабочена своими умственными способностями, — жаловалась Раневская психиатру. — Все, что говорит Завадский, кажется мне разумным…

Об актерах

Получаю письма: «Помогите стать актером». Отвечаю: «Бог поможет!»

* * *

Научиться быть артистом нельзя. Можно развить свое дарование, научиться говорить, изъясняться, но потрясать — нет. Для этого надо родиться с природой актера.

* * *

Как ошибочно мнение о том, что нет незаменимых актеров.

* * *

Ушедшие профессии: доктора, повара, актеры.

* * *

В актерской жизни нужно везение. Больше чем в любой другой. Актер зависим. Выбирать роли ему не дано. Я сыграла сотую долю того, что могла.

* * *

О коллегах-артистах:

— У этой актрисы жопа висит и болтается, как сумка у гусара.

* * *

— У нее не лицо, а копыто, — говорила о другой актрисе Раневская.

* * *

— Смесь степного колокольчика с гремучей змеей, — выносила она приговор третьей.

* * *

Птицы ругаются, как актрисы из-за ролей. Я видела как воробушек явно говорил колкости другому, крохотному и немощному, и в результате ткнул его клювом в голову. Все, как у людей.

* * *

Для меня всегда было загадкой — как великие актеры могли играть с артистами, от которых нечем заразиться, даже насморком.

Как бы растолковать: бездари, никто к вам не придет, потому что от вас нечего взять. Понятна моя мысль неглубокая?

* * *

У Юрского течка на профессию режиссера. Хотя актер он замечательный.

* * *

Для актрисы не существует никаких неудобств, если это нужно для роли.

* * *

Играю скверно, смотрит комитет по Сталинским премиям. Отвратительное ощущение экзамена.

* * *

Ужасная профессия. Ни с чем не сравнимая. Вечное недовольство собой — смолоду и даже тогда, когда приходит успех. Не оставляет мысль: а вдруг зритель хлопает из вежливости или оттого, что мало понимает?

* * *

Терпеть не могу юбилеев и чествований. Актер сидит как истукан, как болван, а вокруг него льют елей и бьют поклоны. Это никому не нужно. Актер должен играть. Что может быть отвратительней сидящей в кресле старухи, которой курят фимиам по поводу ее подагры. Такой юбилей — триумф во славу подагры. Хороший спектакль — вот лучший юбилей.

* * *

О Г. Бортникове. Вновь родиться, чтобы играть Раскольникова. Нужно в себе умертвить обычного, земного, нужно стать над собой — нужно искать в себе Бога.

Б. должен убить в себе червяка тщеславия, он должен сказать себе: «Я ничего не сыграл еще, плюю на успех, на вопли мальчиков и девочек, я должен прозреть и остаться один на один с собой и Родионом».

Б. тогда поймет, что он делает, когда перестанет говорить текст, а начнет кровоточить сердцем.

* * *

«Я с этой Плятью больше играть не буду!» (эмоциональное заявление режиссеру, в котором имела в виду своего партнера по сцене замечательного актера Ростислава Плятта).

* * *

Раневская Р. Плятту: «Опять Ваши Плятские штучки!!!»

* * *

Нельзя играть Толстого, когда актер Б. играет Федю Протасова. Это все равно чтоб я играла Маргариту Готье только потому, что я кашляю.

* * *

Сейчас все считают, что могут быть артистами только потому, что у них есть голосовые связки.

* * *

Я дожила до такого времени, когда исчезли домработницы. И знаете, почему? Все домработницы ушли в актрисы. Вам не приходило в голову, что многие молодые актрисы напоминают домработниц?

* * *

Многие получают награды не по способности, а по потребности.

* * *

Сейчас актеры не умеют молчать. А кстати, и говорить.

* * *

Гете сказал: «Все должно быть Единым, вытекать из Единого и возвращаться в Единое». Это для нас, для актеров, — основа!

* * *

Когда у попрыгуньи болят ноги — она прыгает сидя.

* * *

Ахматова мне говорила: «Вы великая актриса». Ну да, я великая артистка, и поэтому я ничего не играю, меня надо сдать в музей. Я не великая артистка, а великая жопа.

* * *

…Я не выношу актеров-«игральщиков». Не выношу органически, до физического отвращения — меня тошнит от

партнера, «играющего роль», а не живущего тем, что ему надлежит делать в силу обстоятельств. Сейчас мучаюсь от партнера, который «представляет» всегда одинаково, как запись на пластинке. Если актер не импровизирует — ремесло, мерзкое ремесло!

* * *

Нас приучили к одноклеточным словам, куцым мыслям… Играй после этого Островского!

О кино

Стараюсь припомнить, встречала ли в кино за 26 лет человекообразных.

* * *

Четвертый раз смотрю этот фильм и должна вам сказать, что сегодня актеры играли как никогда.

* * *

Когда мне снится кошмар — это значит, я во сне снимаюсь в кино.

* * *

Сняться в плохом фильме — все равно что плюнуть в вечность!

* * *

О своих работах в кино: «Деньги проедены, а позор остался».

* * *

Кино — заведение босяцкое.

Зверье мое

Сейчас долго смотрела фото — глаза собаки человечны удивительно. Люблю их, умны они и добры, но люди делают их злыми.

* * *

Читаю Даррела, у меня его душа, а ум курицы. Даррел-писатель изумительный, а его любовь к зверью делает его самым мне близким сегодня в злом мире.

* * *

Дурехи, дуры болтливые — вот круг. Я от них бегаю. Одна радость — пес; молчит, не болтает глупостей.

* * *

Не наблюдаю в моей дворняге тупости, которой угнетают меня друзья-неандертальцы. А где теперь взять других?

* * *

Животных, которых мало, занесли в Красную книгу, а которых много — в «Книгу о вкусной и здоровой пище».

Tutti-frutti

У моей знакомой две сослуживицы: Венера Пантелеевна Солдатова и Правда Николаевна Шаркун. А еще Аврора Крейсер.

* * *

Стены дома выкрашены цветом «безнадежности». Наверное, есть такой цвет…

* * *

Какой печальный город (Ленинград). Невыносимо красивый и такой печальный с тяжело-болезнетворным климатом.

* * *

У Раневской спросили:
— Будет ли пятая графа при коммунизме?
— Нет, будет шестая: «Был ли евреем при социализме?»

* * *

У Раневской спросили, любит ли она Рихарда Штрауса, и услышали в ответ:
— Как Рихарда я люблю Вагнера, а как Штрауса — Иоганна.

* * *

Погода меня огорчила, у нашей планеты явный климакс, поскольку планета — дама!

* * *

Раневская не любила зиму. Она говорила: — Я ненавижу зиму, как Гитлера!

* * *

Ваши жалобы на истеричку-погоду понимаю, — сама являюсь жертвой климакса нашей планеты. Здесь в мае падал снег, потом была жара, потом наступили холода, затем все это происходило в течение дня.

О людских пороках

Многие жалуются на свою внешность, и никто — на мозги.

* * *

И что только ни делает с человеком природа!

* * *

Мне всегда было непонятно — люди стыдятся бедности и не стыдятся богатства!

* * *

Умный человек, с которым случилось несчастье, утешится, когда осознает неминуемость того, что случилось. Дурак же в несчастье утешается тем, что и с другими случится то же.

* * *

Красивые люди тоже срут.

* * *

— Природа весьма тщательно продумала устройство нашего организма, — философично заметила однажды Раневская. — Чтобы мы видели, сколько мы переедаем, наш живот расположен на той же стороне тела, что и глаза.

* * *

Лучшая диета — это не жрать!

* * *

Милочка, если хотите похудеть — ешьте голой и перед зеркалом.

* * *

Чтобы похудеть, надо есть на полведра меньше.

* * *

Есть такие люди, к которым просто хочется подойти и поинтересоваться, сложно ли без мозгов жить.

* * *

Никто не хочет слушать. Все хотят говорить. А стоит ли?

* * *

Человечество, простите, подтерлось Толстым!

* * *

Глупость — это род безумия… Бог мой, сколько же вокруг «безумцев»! Летний дурак узнается тут же — с первого слова. Зимний дурак закутан во все теплое, обнаруживается не сразу. Я с этим часто сталкиваюсь.

* * *

Какое умное лицо у этого болвана!

* * *

Играть на деньги можно в трех случаях: если есть способности и деньги, если нет денег, но есть способности, и если нет способностей, но есть деньги.

* * *

Я обязана друзьям, которые оказывают мне честь своим посещением, и глубоко благодарна друзьям, которые лишают меня этой чести. У них у всех друзья такие же, как они сами, — контактны, дружат на почве покупок, почти живут в комиссионных лавках, ходят друг к другу в гости. Как я завидую им — безмозглым!

* * *

Ох уж эти несносные журналисты! Половина лжи, которую они распространяют обо мне, не соответствует действительности.

* * *

— Деляги, авантюристы и всякие мелкие жулики пера! Торгуют душой, как пуговицами (о журналистах).

* * *

Мне попадаются не лица, а личное оскорбление!

* * *

Когда в 1917 году я увидела этого лысого на броневике, то поняла: нас ждут большие неприятности. (О Ленине.)

* * *

Певице: «Уже то хорошо, милочка, что вы не поете: «Ура, ура, в жопе дыра!»

* * *

Успех — единственный непростительный грех по отношению к своему близкому.

* * *

Что за мир? Сколько идиотов вокруг, как весело от них!

* * *

Невоспитанность в зрелости говорит об отсутствии сердца.

* * *

Если человек тебе сделал зло — ты дай ему конфетку, он тебе зло — ты ему конфетку… И так до тех пор, пока у этой твари не разовьется сахарный диабет.

* * *

Цинизм ненавижу за его общедоступность.

* * *

На голодный желудок русский человек ничего делать и думать не хочет, а на сытый — не может.

* * *

Не понимают «писатели», что фразу надо чистить, как чистят зубы… В особенности дамское рукоблудие бесит, — скорее, скорее в печать…

* * *

— Фуфа, почему ты всегда подходишь к окну, когда я начинаю петь?

— Я не хочу, чтобы соседи подумали, будто я бью тебя!

* * *

Народ у нас самый даровитый, добрый и совестливый. Но практически как-то складывается так, что постоянно, процентов на восемьдесят, нас окружают идиоты, мошенники и жуткие дамы без собачек. Беда!

Приложение

Роли в театре

1936 г. «Васса Железнова» М. Горького — Васса.

1945 г. «Лисички» Лилиан Хелман — Верди.

1951 г. «Шторм» В. Н. Билль-Белоцерковского — Манька-спекулянтка.

1958 г. «Деревья умирают стоя» А. Касона — Бабушка.

1966 г. «Странная миссис Сэвидж» Дж. Патрика — Этель Сэвидж.

1969 г. «Дальше — тишина» Вина Дельмар. Режиссер: Анатолий Эфрос — Люси Купер.

1980 г. «Правда — хорошо, а счастье лучше» А. Н. Островского — Филицата

Роли в кино

1934 г. «Пышка» — Госпожа Луазо.

1937 г. «Дума про казака Голоту» — Попадья.

1939 г. «Ошибка инженера Кочина» — Ида Гуревич, жена портного.

1939 г. «Подкидыш» — Леля.

1939 г. «Человек в футляре» — жена инспектора гимназии.

1940 г. «Любимая девушка» — Маня, тетка Добрякова.

1941 г. «Мечта» — Роза Скороход.

1941 г. «Как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» — Горпина.

1942 г. «Александр Пархоменко» — таперша.

1943 г. «Новые похождения Швейка» («Солдатская сказка») — тетушка Адель.

1943 г. «Три гвардейца» («Родные берега») — Софья Ивановна, директор музея.

1944 г. «Свадьба» — Настасья Тимофеевна, мать невесты.

1945 г. «Небесный тихоход» — профессор медицины.

1945 г. «Слон и веревочка» — бабушка.

1947 г. «Весна» — Маргарита Львовна.

1947 г. «Золушка» — Мачеха.

1947 г. «Рядовой Александр Матросов» — военврач.

1949 г. «Встреча на Эльбе» — миссис Мак-Дермот.

1949 г. «У них есть Родина» — фрау Вурст.

1958 г. «Девушка с гитарой» — Зоя Павловна Свиристинская.

1960 г. «Осторожно, бабушка!» — бабушка.

1960 г. «Драма» (короткометражный) — Мурашкина.

1963 г. «Так и будет» (телеспектакль).

1964 г. «Легкая жизнь» — Маргарита Ивановна, «Королева Марго».

1964 г. «Фитиль» № 25 — Гадалка в сюжете «Карты не врут».

1964 г. «Фитиль» № 33 — гражданка Пискунова в сюжете «Не поеду».

1965 г. «Первый посетитель» — старая дама.

1966 г. «Сегодня — новый аттракцион» — директор цирка.

1978 г. «Дальше — тишина» (фильм-спектакль) — Люси Купер.

1980 г. «Комедия давно минувших дней»

Озвучивание мультфильмов

1943 г. «Сказка о царе Салтане» — сватья баба Бабариха.

1970 г. «Карлсон вернулся» — фрекен Бок

Иллюстрации

Маленькая Фаина в Таганроге

Маленькая Фаина в Таганроге.

Папа Гирши Хаймович. / Мама Милка Рафаиловна. / Фаина с братом.

Дом, где жила Фаина Раневская в Таганроге

С сестрой Изабеллой. 1917–1918 год

1929 год

Дом, где жила Фаина Раневская в Таганроге. / С сестрой Изабеллой. 1917–1918 год. / 1929 год.

За шесть лет работы в провинциальных театрах России Раневская сыграла свыше 250 ролей

За шесть лет работы в провинциальных театрах России Раневская сыграла свыше 250 ролей.

1929 год

1929 год.

Одна из первых ролей в Москве. Раневская в роли Зинки в театральной постановке Александра Таирова «Патетическая соната». 1931 год

Одна из первых ролей в Москве. Раневская в роли Зинки в театральной постановке Александра Таирова «Патетическая соната». 1931 год.

«Муля, не нервируй меня!» Эта фраза преследовала ее до конца жизни

«Подкидыш». 1939 год

«Муля, не нервируй меня!» Эта фраза преследовала её до конца жизни. / «Подкидыш». 1939 год.

«Человек в футляре». 1939 год

«Александр Пархоменко». 1942 год

«Человек в футляре». 1939 год. / «Александр Пархоменко». 1942 год.

«Свадьба». 1944 год

«Родные берега, или Три гвардейца». 1943 год

«Свадьба». 1944 год. / «Родные берега, или Три гвардейца». 1943 год.

«Небесный тихоход». 1945 год

«Весна». 1947 год

«Небесный тихоход». 1945 год. / «Весна». 1947 год.

«Золушка». 1947 год

«Золушка». 1947 год.

«Рядовой Александр Матросов». 1947 год

«Рядовой Александр Матросов». 1947 год.

Начало 50-х годов

Начало 50-х годов.

«Девушка с гитарой». 1958 год

«Осторожно, бабушка!». 1960 год

«Девушка с гитарой». 1958 год. / «Осторожно, бабушка!» 1960 год.

Пробы на роль Ефросиньи Старицкой

Пробы на роль Ефросиньи Старицкой.

«Легкая жизнь». 1964 год

Фаина Раневская – Маргарита Ивановна, «Королева Марго»

«Легкая жизнь». 1964 год. / Фаина Раневская — Маргарита Ивановна, «Королева Марго».

В спектакле Театра им. Моссовета «Эта странная миссис Сэвидж». 1966 год.

Театр им. Моссовета. Фаина Раневская и Ростислав Плятт. 1969 год

Участники спектакля «Дальше – тишина»

Театр им. Моссовета. Фаина Раневская и Ростислав Плятт. 1969 год. / Участники спектакля «Дальше — тишина».

Цветы от поклонников

Почтовая марка, выпущенная к 105-летию великой актрисы

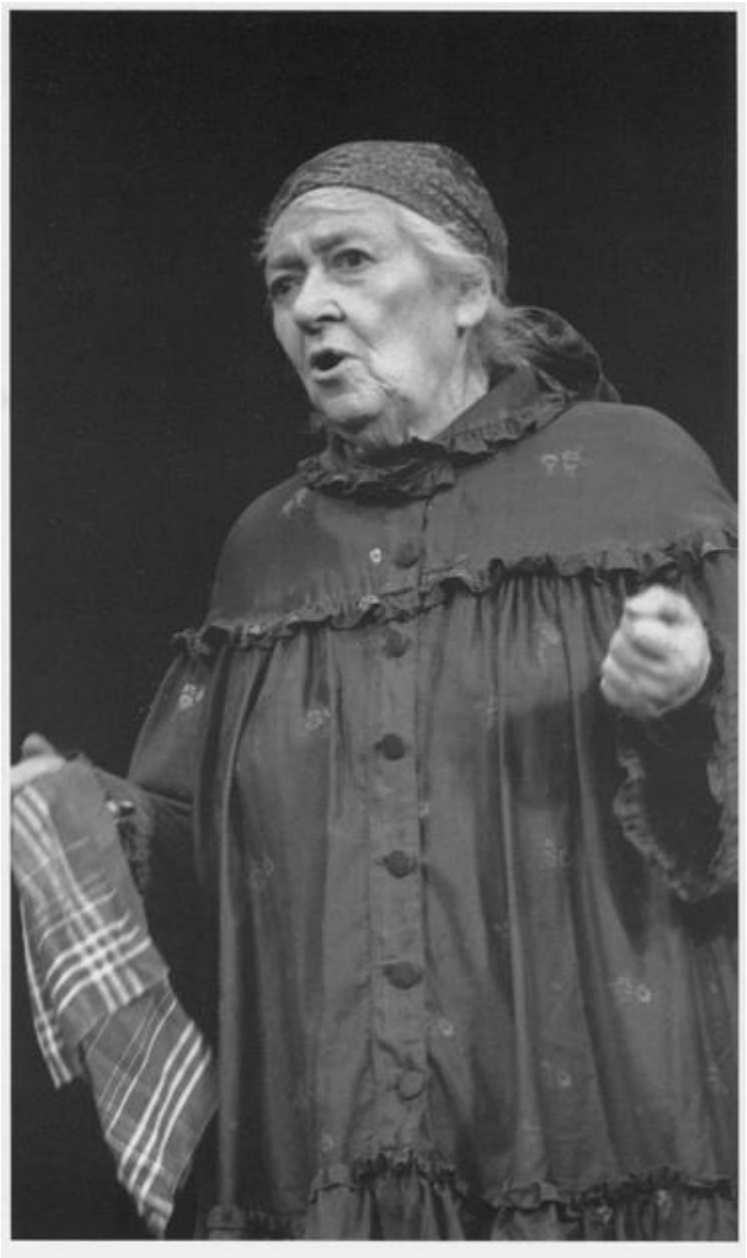
Цветы от поклонников. / Почтовая марка, выпущенная к 105-летию великой актрисы.

Фаина Георгиевна не расставалась с папироской

Фаина Георгиевна не расставалась с папироской.

Спектакль «Правда хорошо, а счастье лучше». Театр им. Моссовета. 1981 год

Спектакль «Правда хорошо, а счастье лучше». Театр им. Моссовета. 1981 год.



Фаина Раневская у себя дома

С Екатериной Фурцевой

Фаина Раневская у себя дома. / С Екатериной Фурцевой.

Кадр из сатирического киножурнала «Фитиль»

1979 год

Кадр из сатирического киножурнала «Фитиль». / 1979 год.

Рабочий стол в кабинете

Встреча со зрителями

Рабочий стол в кабинете. / Встреча со зрителями.

Перед выходом на сцену и после спектакля

Перед выходом на сцену и после спектакля.

С любимым псом Мальчиком

С любимой псом Мальчиком.

notes

Примечания

1

Ф. В. Булгарин — издатель и литератор начала XIX века. Придерживался крайне реакционных взглядов. Сотрудничал с III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, чем заслужил с легкой руки А. С. Пушкина, которого критиковал за поэму «Гавриилиада», репутацию осведомителя царской охранки.